

ISSN 2224-1620

СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК

SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL
VESTNIK

№ 4(34)
2018

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
(Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-44563
от 15 апреля 2011 г.)
ISSN 2224-1620

Распространяется на территории
Российской Федерации
Подписной индекс
Объединенного каталога «Пресса России»
83668

Цена свободная

Основан в 2010 году
Выходит 4 раза в год

Очередной номер журнала
можно приобрести в редакции

Редакционная группа

Соловьева Л. Г., Петрова Г. И.,
Пенькова Н. В.

Адрес редакции

Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42
Тел.: 8(8422)42-61-07
E-mail: Simbvest@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен
и тираж отпечатан
в Издательском центре
Ульяновского государственного
университета
Россия, 432017, г. Ульяновск,
ул. Л. Толстого, 42

Подписано в печать 11.12.2018.
Дата выхода в свет 18.12.2018.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 12,8.
Тираж 2000 экз. Заказ 164

Главный редактор

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор

Зам. главного редактора

Каленик Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент

Ответственный секретарь

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, доцент

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор
Баранец Наталья Григорьевна — доктор философских наук, профессор
Дергунова Нина Владимировна — доктор политических наук, профессор
Донина Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор
Еняшина Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент
Калинина Наталья Валентиновна — доктор психологических наук, профессор
Липатова Надежда Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент
Магомедов Арбахан Курбанович — доктор политических наук, профессор
Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор
Романов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, кандидат
юридических наук, доцент
Фефилов Александр Иванович — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Костишко Борис Михайлович — доктор физико-математических наук,
профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Бакланов Сергей Борисович — кандидат технических наук, доцент,
Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Борисова Светлана Александровна — доктор филологических наук,
профессор, Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Бажанов Валентин Александрович — доктор философских наук, профессор,
Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Комадорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, профессор,
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского)
федерального университета (Набережные Челны)
Морозов Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор,
Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор,
Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор,
Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Шмелева Наталья Борисовна — доктор педагогических наук, профессор,
Ульяновский государственный университет (Ульяновск)
Шустова Инна Юрьевна — доктор педагогических наук, с.н.с., ФГБНУ
ИСТО РАН (Москва)
Щелина Тамара Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор,
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
(Арзамас)

© Ульяновский государственный университет, 2018

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы.
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
- Рукописи авторам не возвращаются.
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК» обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	7
Митин С. Н., Митина Т. С. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ XX ВЕКА	7
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	14
Ахтимирова Е. А., Сафронова А. А. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ АКВАВЕЛОТРЕНАЖЕРА СЕРИИ VALNEOMED WTS-01 У ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ В ПРОЦЕССЕ ЗАНЯТИЙ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ.....	14
Гнивковская А. И., Михайлова И. В. УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СУПРУЖЕСКОЙ СОВМЕСТИМОСТИ.....	19
Митин С. Н., Нягукова Т. О. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СВОЙСТВ ВНИМАНИЯ У СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ	26
Салахова В. Б., Костыряченко Ю. А. МОТИВАЦИЯ И МОТИВЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ	31
Салахова В. Б., Хабибуллин И. И. ОБЩЕНАУЧНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ	36
Седова А. О., Митин С. Н. ВЗАИМОСВЯЗЬ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ, КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	43
ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ	50
Романова А. В., Курушина Д. Е. АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ НА ИНФЛЯЦИЮ.....	50
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	54
Гемранова А. Д., Митина И. Д. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ХАРАКТЕР УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	54
Мартыненко А. В., Митина И. Д. ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	59
Митина И. Д., Митин С. Н. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	66
Митина И. Д., Митина Т. С., Мартыненко А. В. СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ РИТУАЛОВ И ОБРЯДОВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ.....	71
Савинова Л. Г. АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ АРГУМЕНТАЦИИ СТОРОН В НАУЧНЫХ СПОРАХ.....	78
Шабалкина Е. Е. СВОБОДА ВОЛИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ В НЕЙРОЭТИКЕ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	84

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ	90
Сафин А. Р. ПРОБЛЕМАТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	90
ИНФОРМАЦИЯ	94
Аннотации научных статей, рецензии, отзывы	94
Точеный Д. С., Точеная Н. Г. <i>ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. ДАНИЛКИНА «ЛЕНИН. ПАНТОКРАТОР СОЛНЕЧНЫХ ПЫЛИНОК» (М. : Изд-во «Молодая гвардия», 2017. 783 с.).....	94
Наши авторы	108
Правила представления и оформления рукописей статей авторами для публикации в журнале «СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»	110

CONTENTS

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY		7
Mitin S. N., Mitina T. S.		
POLITICAL AND MANAGERIAL ORIENTATION IN THE FIELD OF EDUCATION OF THE XX CENTURY		7
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS		14
Akhtimirova E. A., Safronova A. A.		
EFFICIENCY OF BALNEOMED WNS-01 AQUAEXERCYCLE UTILIZATION IN THE SWIMMING POOL FOR CHILDREN WITH INFANTILE CEREBRAL PALSY AT THE LESSONS OF ADAPTED PHYSICAL EDUCATION.....		14
Gnivkovskaya A. I., Mihaylova I. V.		
SATISFACTION WITH MARRIAGE AS AN INDICATOR OF MARITAL COMPATIBILITY		19
Mitin S. N., Nyagukova T. O.		
FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF ATTENTION PROPERTIES IN HEARING-IMPAIRED CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION		26
Salakhova V. B., Kostyryachenko Y. A.		
MOTIVATION AND MOTIVES OF JUVENILE OFFENDERS.....		31
Salakhova V. B., Khabibullin I. I.		
GENERAL SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PRINCIPLES.....		36
Sedova A. O., Mitin S. N.		
INTERRELATION OF CREATIVE THINKING, COGNITIVE STYLES AND COPING STRATEGIES OF STUDENTS.....		43
ECONOMICS AND MANAGEMENT		50
Romanova A. V., Kurushina D. E.		
ANALYSIS OF THE KEY INTEREST RATE IMPACT ON INFLATION		50
PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY		54
Gemranova A. D., Mitina I. D.		
UNIVERSITY AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON		54
Martynenko A. V., Mitina I. D.		
TRANSFORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY IN THE CONDITIONS OF MODERN INFORMATION SOCIETY		59
Mitina I. D., Mitin S. N.		
EDUCATION AS A SOCIAL AND CULTURAL INSTITUTION OF MODERN SOCIETY.....		66
Mitina I. D., Mitina T. S., Martynenko A. V.		
SPECIFICITY OF STUDYING RITUALS AND RITES IN ETHNO-CULTURAL TRADITION.....		71
Savinova L. G.		
ANALYSIS OF THE PHILOSOPHICAL REASONS OF THE ARGUMENTATION OF THE PARTIES IN SCIENTIFIC DISPUTES.....		78
Shabalkina E. E.		
FREE WILL AS THE SUBJECT OF RESEARCH IN THE NEUROETHICS: TRADITIONS AND PROSPECTS		84

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE	90
Safin A. R. FORMATION OF THE PUBLIC NEEDS FOR CAPITALIST ECONOMY: HISTORICAL AND LEGAL PERSPECTIVES	90
INFORMATION	94
Summaries of scientific articles, reviews, responses	94
Tocheniy D. S., Tochenaya N. G. <i>TRAGEDY OF ULYANOV FAMILY.</i> REVIEW The book of L. Danilkin "LENIN. PANTOCRATOR OF SUN DUST" (M.: Publishing house "Young Guard", 2017. 783 p.).....	94
Our authors	108
Rules of representation and registration of mounting of articles by authors for publication in the «SIMBIRSK SCIENTIFIC JOURNAL VESTNIK»	110

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

С. Н. Митин
Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.ru

Т. С. Митина
Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
cherrity07@mail.ru

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ
НАПРАВЛЕННОСТЬ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ
XX ВЕКА**

Государственная политика формирует сферу деятельности на стыке политической и управленческой направленности в системе образования. В согласовании со сферами и субъектами деятельности происходит конкретизация цели в образовании по ряду параметров.

В рамках современной государственной политики Российской Федерации область образования провозглашается приоритетной в социальной сфере. Специфика понимания сущности образования лежит в основе политики государства в данной области организации общества, на любой стадии развития человеческого общества. В основе выработки политики государства в области образования находятся базовые интересы общества, стратегические потребности соответствующего этапа развития государства, выраженные политическими лидерами и элитами в форме основных принципов и стратегических целей, которые нашли соответствующую общественную поддержку.

Необходимо выделить еще одну из главных составляющих государственной политики — постоянное реформирование и модернизацию системы образования, что является доминантой развития российского образования на протяжении всей истории и в анализируемый нами период XX века.

Реформирование образования — это сложный, организованный и управляемый государственными органами процесс. Необходимость его осознается как на общественном, так и на государственном уровне.

Ключевые слова: государственная политика, управление, образование, система образования, социокультурный институт.

Государственная политика в области образования основывается на выражении всеобщих интересов населения в обществе, что является основой целостности государства. Она связана с процессом определения целей, направленности и организации управления сферой образования и ее функционирования в жизни государства. На этой основе формируется экономическая, социальная, культурная политика.

Политика задает вектор движения, курс, направление, в самых общих чертах — маршрут развития системы образования. А управление системой образования организует самодвиже-

ние в соответствии с историческими реалиями. Уровни целей и задач этих систем разные, разные и уровни общности и абстрактности в их понятийных аппаратах.

Государственная политика в области образования — это целостная многоплановая система, в рамках которой организуется целенаправленная деятельность всех структур государственной власти. Она служит механизмом, дающим возможность государству определить основные пути и направления развития системы образования как социокультурного института в обществе.

Постановка целей в системе образования определяется совокупностью интересов и ценностей общественного развития на конкретном историческом этапе. Разделить политику и управление невозможно, потому что очень большая часть политических решений, поступающих для реализации в систему управления, выражена в форме декларации и постановлений. Особенно это ярко было представлено в XX столетии в период СССР.

Государственная социальная политика может дробиться на различные направления. Выделяют уровни, обслуживающие социальную политику: налоговая, бюджетная политика; а также составляющие структуру социальной политики: жилищная, молодежная, экологическая. Объектом данного анализа является политика в области образования в советский период.

Синтез человеческих, процессуальных, институциональных и духовных компонентов на основе определенных целей, принципов, методов является базой формирования и функционирования государственной политики. Опора на законы, тенденции и закономерности формирует конкретные виды политики, направленные на установление устойчивого порядка в общественных отношениях.

Под разработкой государственной политики понимается прежде всего комплекс факторов, стадий, деятельности, выбор стратегических целей и закрепление их в документах, программах, законах и доктринах.

При анализе конкретного политического курса страны необходимо четко ориентироваться и изучать множество факторов и условий: историческое развитие, которое оказывает влияние на принимающих решения; политическая культура нации в целом и политические субкультуры отдельных групп населения; существующее общественное мнение; уровень развития и наличие ресурсов; текущие политические проблемы и т. д.

Характерные особенности современной политики весьма лаконично выразил Президент РФ В. В. Путин, подчеркнувший, что сегодня государственная власть должна стать эффективным координатором экономических и социальных сил страны, выстраивающим баланс их интересов, определяющим оптимальные цели и параметры общественного развития, создающим условия и механизмы их достижения [4].

Изучение путей взаимодействия различных социально-политических институтов, партий, политиков приводит к определению тех идей и личностей, которые влияют на выбор политиче-

ской направленности. Одной из главных задач изучения государственной политики в том или ином аспекте является выявление того, к каким результатам эта политика приводит. В этом случае можно говорить о ее соответствии правительственной стратегии и тактике.

Государственные органы власти нередко играют центральную роль в подготовке и исполнении государственной политики. В деятельности и решениях главы государства, правительства, парламента находят свое реальное выражение сущность и роль государства в обществе, раскрываются более или менее однородные виды целенаправленного воздействия его на общество.

В нашей отечественной исторической традиции роль политического лидера в выработке и осуществлении государственной политики первостепенна и определяется как формой государственного правления, так и личностными характеристиками.

Влияние партийной системы и партийного лидера на государственную политику, несомненно, является одной из важных черт развития и функционирования системы образования в период СССР. В СССР политическая партия являлась важнейшим институтом, через который реализовалась государственная политика. Современные политические партии могут выступать как внутренним, так и внешним элементом государственной политики. При однопартийной политической системе партийно-государственная линия, вырабатываемая единственной партией и реализуемая государством, безальтернативна, что определялось характерной особенностью государственной политики СССР. Понятие «образование» является содержательной основой государственной политики в данной области. Для понимания сущности понятия «государственная политика в области образования» необходимо обратиться к официальной терминологии.

В педагогическом словаре дается следующая характеристика государственной политики в области образования — это прежде всего «комплекс законодательных актов и практических мероприятий в сфере образования и воспитания подрастающего поколения, а также образования взрослых» [1, с. 19].

В рамках современной государственной политики Российской Федерации область образования провозглашается приоритетной в социальной сфере. Специфика понимания сущности образования лежит в основе политики государства в данной области организации обще-

ства, на любой стадии развития человеческого общества.

В толковом словаре С. И. Ожегова даются следующие определения данного понятия: «Образование — 1. Получение систематизированных знаний и навыков, обучение, просвещение. 2. Совокупность знаний, полученных в результате обучения» [3, с. 372].

Понятие «образование» имеет происхождение от слова «образ». Под образованием понимается единый процесс физического и духовного становления личности, процесс социализации, сознательно ориентированный на некоторые идеальные образы, на исторически зафиксированные в общественном сознании социальные эталоны.

В таком понимании образование является неотъемлемой стороной жизни всех обществ и всех индивидов. Это социальное явление, представляющее собой целенаправленный процесс воспитания и обучения человека в интересах общества и государства. Образование сформировалось в особую сферу социальной жизни со времени, когда процесс передачи знаний и социального опыта выделился из других видов жизнедеятельности общества и стал делом лиц, специально занимающихся обучением и воспитанием.

В статье 2 Федерального закона РФ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 дается официальное понятие образования, на котором базируется государственная политика в данной сфере жизнедеятельности современного государства: «Образование — единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества, государства, а также совокупность приобретенных знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и(или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [8].

В педагогические исследования термин «образование» был введен основоположником теории обучения И. Г. Песталоцци в 1780 году. Понятие «образование» рассматривалось в широком значении как результат всех педагогических воздействий на человека. Такая трактовка образования существовала до второй половины XIX века, когда постепенно начал складываться подход к пониманию образования не только как

состояния, но и процесса как широкого спектра видов педагогической деятельности, посредством которой достигается определенный уровень образования.

В советской педагогике образование первоначально рассматривалось как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для практической деятельности, а затем — как процесс и результат этой деятельности.

В современной трактовке «образование — это система обучения, социализации и развития, направленная на усвоение индивидом системы элементов объективного опыта человечества, необходимого для успешного осуществления им деятельности в избранной сфере общественной практики, и признаваемая обществом в качестве определенного уровня развития индивида» [5, с. 126].

В данном случае под социализацией имеется в виду количественное и качественное изменение общественно значимых убеждений, идеологий, свойств личности, которые необходимы для достижения определенного уровня успеха в социуме. В современной педагогической науке выделяется четыре аспекта в понимании образования: как ценность, как система, как процесс, как результат.

При этом необходимо подчеркнуть, что образование носит государственный, общественный, личностный характер. Результат его многозначен: он может предполагать определенный уровень грамотности, образованности, профессиональной компетентности и сформированности, самосознания и менталитета.

Уровень развития социально-политической деятельности государства влияет на организацию социальной сферы и направления деятельности в области образования.

Были сформулированы основные положения, на основании которых осуществляется государственная политика в области образования:

- гуманистический характер образования;
- приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности;
- воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье;
- общедоступность образования, адаптивность к уровню учащихся;
- светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях;
- свобода и плюрализм в образовании;

— демократический, государственный характер управления образованием [8].

Государственная политика в обществе оформляется в законах, постановлениях и распоряжениях органов правительства, а также в нормативных документах Министерства образования и науки и других ведомств. Государственная политика претворяется в практическую деятельность непосредственно созданными органами управления образованием, образовательными учреждениями, а также другими государственными общественными организациями, решающими общеобразовательные и воспитательные задачи. Частные, негосударственные образовательные учреждения неукоснительно должны соблюдать направления государственной политики в области образования [10].

Необходимо выделить еще одну из главных составляющих государственной политики — постоянное реформирование и модернизацию системы образования, что является доминантой развития российского образования на протяжении всей истории и в анализируемый период XX века.

Реформирование образования — это сложный, организованный и управляемый государственными органами процесс. Необходимость его осознается как на общественном, так и на государственном уровне.

Понятие «реформа» (от фр. *reformе*, от лат. *reformo* — преобразовываю) — это формально любое нововведение, однако реформами называют и просто прогрессивное преобразование. Таким образом, реформа — изменение в устройстве чего-нибудь, сделанное в целях улучшения, преобразования, и изменения в законодательном и государственном устройстве, произведенные правительственной властью без нарушения основ существующего законодательства [3, с. 589].

Реформы образования — масштабная деятельность в форме социального проекта по изменению содержания, структуры, методов, форм, носящая общегосударственный характер. Реформы образования могут быть вызваны разными потребностями и носить многоплановый характер — от эволюционного до революционного, начинаться по инициативе правительственного класса или в рамках влияния великих педагогических умов времени.

Другой формой, проводящей изменения в сфере образования, являются процессы модернизации существующих педагогических систем. Термин «модернизация» часто употребляется в современном мире для характеристики процес-

сов, происходящих в различных областях общественного развития. Нередко модернизация воспринимается как изменения, направленные на устранения недостатков в организации общественной жизни. Существуют различные подходы к пониманию сущности модернизации. Термин «модернизация» в переводе с английского означает осовременивание, приобретение ряда характеристик, свойственных обществу на актуальном для него пути развития [7].

Согласно В. Муру, модернизация «является тотальной трансформацией традиционного до-модернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада» [2, с. 16].

Штомпка П. выделяет следующие значения данного понятия:

— модернизация — это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед;

— понятие модернизации тождественно понятию современности и означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций [6, с. 110].

Модернизация — ключевое понятие, которое используется для характеристики происходящих процессов, изменяющих ту или иную сферу деятельности. Можно назвать модернизацию системы образования в стране в современный период актуальной задачей. «Модернизация — изменение в соответствии с новейшими современными требованиями и нормами» [3, с. 307].

На современном этапе чрезвычайно важное значение приобретает модернизация нравственных, моральных основ, поэтому современный процесс модернизации системы образования необходимо осуществлять в соответствии с обдуманными, согласованными и взвешенными решениями как одним из важнейших компонентов, образующих общество в целом и отдельных его субъектов. Современная государственная политика в области образования строится из различных составляющих и выступает целостным комплексом как законодательного, так и практико-ориентированного характера, представленным в государственных документах. В современном мире значение образования увеличивается вместе с ростом влияния человеческого капитала как важнейшего фактора формирования новейшего качества экономики и общества. Российская система образования

должна быть способна конкурировать с различными системами образования передовых стран мира. Эти же цели ставил перед собой и СССР в периоды кардинальных преобразований и реформ [9].

На современном этапе развития России роль образования определяется задачами ее перехода к демократическому и правовому государству, необходимостью преодоления риска отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития.

Цель модернизации состоит в создании механизма устойчивого развития системы образования. Для достижения указанной цели будут решаться в первоочередном порядке следующие приоритетные взаимосвязанные задачи:

- развитие образования как открытой социальной системы на основе распределения взаимной ответственности между всеми субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса: обучающегося, учителей, родителей и самого образовательного учреждения;

- обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования;

- достижение качества образовательных услуг;

- формирование в системе образования нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов, привлечение и использование внебюджетных ресурсов;

- повышение социального статуса и профессионализма работников образования, усиление их поддержки со стороны государства и общества.

Основой современной образовательной политики государства является социальная адресность и сбалансированность социальных интересов. Стратегические цели модернизации образования могут быть достигнуты только в процессе постоянного взаимодействия образовательной системы с представителями науки, культуры, здравоохранения, экономики и общественных организаций, с родителями и работодателями.

Осуществление модернизации образования затрагивает практически каждую российскую семью. Поэтому смысл изменений в образовании, направления, методы обучения и воспитания должны регулярно разъясняться населению, а результаты общественного мнения должны анализироваться органами управления образованием, руководителями образовательных учреждений и учитываться при проведении

дальнейших мероприятий модернизации образования.

Для анализа развития государственной политики в области образования в период XX века необходимо определить периоды и этапы становления и развития образования, а также специфику модернизации и реформирования этой области и значение в ней механизма государственного регулирования. Изменения в системе образования, как правило, становились неотъемлемой частью каждого крупного политического изменения во внутренней жизни страны. Руководство страны всегда относилось к образовательной отрасли с особым вниманием, тщательно выверяя политику в этой области.

Хронологическими рамками данного анализа является второй период развития нашей страны в XX веке. Политика нового государства в области образования после революционных событий была прежде всего направлена на поиск тех компонентов образовательной системы, существовавших в императорской России (в первый период), которые могли стать базой развития советской традиции в образовании. Процесс определения наиболее значимых компонентов в области образования был связан с тем, что новая государственная власть не могла в силу объективных и субъективных причин сразу создать новую систему образования и была вынуждена обратиться к имеющимся основаниям и традиционным подходам.

Государственную политику в области образования в Советском Союзе определяли не только законодательные акты, но и непосредственные выступления лидеров партии, их речи на съездах, встречах, а также постановления пленумов, съездов партии. Материалы партийных конференций, пленумов, съездов являлись в тот исторический период направляющим и базисным ориентиром развития всех областей жизни государства, поэтому в нашем исследовании данная проблема рассматривается на основе широкой базы партийных и государственных документов, которые составляют фундамент политики государства в области образования.

Выделяются пять этапов формирования и развития политики СССР в области образования, которые связаны прежде всего со сменой партийного лидера и изменениями государственного целеполагания для решения задач на конкретных этапах развития государства.

Первый этап затрагивает 1917—1920-е годы и связан с первыми преобразованиями, происходившими в России после Октябрьской революции. Непосредственная роль лидера партии

В. И. Ленина и его сподвижников является характерной чертой этапа.

Второй этап — 1930—1953-е годы — связан с преобладающим влиянием партийного руководства в выборе направления государственной политики в области образования, изменением отношения партии и его лидера к новым передовым, экспериментальным педагогическим идеям, технологиям и выработкой контролирующей партийной политики в области образования. Этот этап также включает в себя и период выстраивания жесткой государственной политики в области образования предвоенной, военной и послевоенной реалий, что непосредственно сказалось на специфике модернизации данной области.

Третий этап — 1954—1964-е годы — связан наряду с сохраняющимся жестким управлением партией и государственными органами системой образования также с поиском путей гуманистической направленности в образовании и воспитании.

Четвертый этап — 1965—1985-е годы — период застоя. Это этап структурного управления государственной политикой в области образования. Роль партии и государственных органов была жестко прописана на законодательном уровне, все решения принимались на уровне законов, законодательных актов, решений партийных съездов и пленумов. Это период демонстрировал как достижение нового, высокого уровня образования, которое и сейчас никто не оспаривает, так и уровень наивысшего формализма и идеологической и бюрократической составляющей.

Пятый этап — 1985—1991-е годы — время перестройки, проведение реформы образования, завершается ее провалом и развалом СССР. Но также это период, когда педагогами-новаторами были сформированы идеи образования, воз-

вращающие нас к его гуманистической направленности. Это период, имеющий противоречивый характер, связанный в образовании как с поиском нового, так и с чертами регресса и кризиса. Это характерные черты реформирования образования, которое проводилось государством на протяжении всех этих десятилетий.

Не подлежит сомнению тот факт, что основа государственной политики и система образования современной России зиждется на достижениях в этой сфере в советский период и более ранние исторические периоды. Значимость данного исследования — прежде всего в объективной оценке достижений советской политики в области образования, которая начинала свое становление и основывала свои подходы на исторической традиции, ставшей в свою очередь фундаментом для формирования современной системы образования РФ. Анализ и выделение положительно ориентированных компонентов в области образования советского периода сегодня принципиально важны и актуальны.

Следовательно, образование как процесс и результат целенаправленного развития личности по усвоению определенного объема социокультурного опыта является одной из важнейших сфер функционирования и развития любого цивилизованного человеческого общества. От уровня развития данной сферы напрямую зависят все остальные составляющие социокультурной системы страны.

Понятие образования является содержательной основой государственной политики в данной области, которая предстает как оптимизация и контроль за наиболее приемлемым функционированием образовательных процессов в соответствии с государственными идеологическими установками, определяющими представления государства об оптимальном развитии и жизнедеятельности личности в обществе.

Литература

1. Коджаспирова Г. М. Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — М. : Изд. центр «Академия», 2005. — 175 с.
2. Кравченко И. И. Модернизация сегодняшней России / И. И. Кравченко // Экономические модели модернизации / Ин-т философии РАН. — М. : Ин-т философии РАН, 2002. — С. 6—30.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азъ, 1992. — 955 с.
4. Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетия / В. В. Путин // Российская газета. — 1999. — 31 дек.
5. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / гл. ред. В. В. Давыдов. — М. : Большая Рос. энцикл., 1993. — 608 с.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; под ред. В. А. Ядова ; Ин-т «Открытое о-во». — М. : Аспект-пресс, 1996. — 415 с.
7. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. — М. : Изд-во «ИДДК», 2007. — [CD-R].
8. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273 : принят 21.12.12 / М-во образования и науки РФ. — URL: Минобнауки.рф/документы/2974.

9. Митин С. Н. Системно-синергетический подход как основа деятельности специалиста по работе с молодежью / С. Н. Митин // Симбирский науч. вестн. — 2014. — № 3(17). — С. 44—49.
10. Митин С. Н. Имидж специалиста гуманитарной сферы : учеб. пособие по курсу лекций «Имиджелогия» / С. Н. Митин, Т. С. Митина. — Ульяновск : УлГУ, 2013.

POLITICAL AND MANAGERIAL ORIENTATION IN THE FIELD OF EDUCATION OF THE XX CENTURY

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 snm7151@gmail.com

T. S. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 cherrity07@mail.ru

State policy forms the sphere of activity at the intersection of political and managerial orientation in the system of education. In coordination with the spheres and subjects of the activity there is a specification of the goals in education on a number of parameters.

Within the framework of modern state policy of the Russian Federation, the field of education is declared a priority within the social sphere. The specificity of understanding the essence of education is the basis of the state policy in the area of society organization, at any stage of human society.

The basic interests of society, the strategic needs of the appropriate stage of development of the state, expressed by political leaders and elites in the form of basic principles and strategic goals that have found appropriate public support are the basis for the development of the state policy in the field of education.

It is necessary to highlight another main component of state policy: the constant reformation and modernization of the education system, which is the dominant development of Russian education throughout history and, of course, in the analyzed period of the twentieth century.

Education reform is a complex, organized and managed by public authorities process. The need for it is recognized both at the public and state levels.

Key words: Public policy, management, education, education system, socio-cultural Institute.

References

1. Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Yu. (2005) *Pedagogicheskiy slovar* [Pedagogical dictionary]. Moscow: Akademiya, 175 p.
2. Kravchenko I. I. (2002) *Modernizatsiya segodnyashney Rossii* [Modernization of modern Russia]. *Etatistskie modeli modernizatsii*. Moscow: RAN, p. 6—30.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (1992) *Tolkoviy slovar russkogo yazyka* [Russian Definition Dictionary]. Moscow: Az, 955 p.
4. Putin V. V. (1999) *Rossiya na rubezhe tysyacheletiya* [Russia at the turn of Millenium]. *Rossiyskaya gazeta*.
5. Panov V. G., Davydov V. V. (1993) *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya* [Russian Pedagogical Encyclopedia]. Moscow: Bolshaya Ros. entsikl., 608 p.
6. Shtompka P., Yadova V. A. (1996) *Sotsiologiya sotsialnyh izmeneniy* [Sociology of social changes]. Moscow: Aspekt-press, 415 p.
7. *Bolshoy slovar inostrannyh slov* [Electronic resource] [The Great Foreign Dictionary]. Moscow: Izd-vo "IDDK", 2007, [CD-R].
8. *Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob obrazovanii v Rossijskoy Federatsii: feder. zakon № 273 : prinyat 21.12.12.* [The Russian Federation. Laws. Education in the Russian Federation]. *Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoy Federatsii*. Access mode: minobrnauki.rf/dokumenty/2974.
9. Mitin S. N. (2014) *Sistemno-sinergeticheskiy podhod kak osnova deyatelnosti spetsialista po rabote s molodezhyu* [System and synergetic approach as the basis of the activities of youth specialist]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*, 3(17), p. 44—49.
10. Mitin S. N., Mitina T. S. (2013) *Imidzh spetsialista gumanitarnoy sfery* [Imige of the specialist of arts and humanities: study guide on lecture course "Imidzhelogiya"]. Ulyanovsk: UIGU.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Е. А. Ахтимирова

Школа-интернат № 89
г. Ульяновска
(г. Ульяновск, Россия)
alenaakhtimirova@yandex.ru

А. А. Сафронова

Школа-интернат № 89
г. Ульяновска
(г. Ульяновск, Россия)
Saf.anna2014@ya.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В БАССЕЙНЕ АКВАВЕЛОТРЕНАЖЕРА СЕРИИ BALNEOMED WTS-01 У ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ В ПРОЦЕССЕ ЗАНЯТИЙ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

Исследование посвящено изучению эффективности использования аквавелотренажера серии BALNEOMED WTS-01 у детей с детским церебральным параличом в процессе занятий адаптивной физической культурой. Описаны возможности использования данного тренажера для детей, страдающих различными формами ДЦП (гемипарезы, парапарезы, ограничения в двигательной активности), для улучшения функции моторики, дифференцировки мышечных усилий и точности движений, улучшения и увеличения силы и повышения тонуса мышц, а также восстановления объема активных движений у детей с ДЦП.

Специально для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата авторами был разработан комплекс упражнений на аквавелотренажере BALNEOMED и проведен мониторинг результатов для определения практической значимости аквакоррекционных занятий.

Ключевые слова: аквавелотренажер серии BALNEOMED WTS-01, детский церебральный паралич, гидротерапия.

Проблема реабилитации и адаптации детей с детским церебральным параличом имеет большое социальное значение [17, 7]. Организация двигательной активности детей с нарушением функций опорно-двигательного аппарата (ОДА) в результате поражения центральной нервной системы представляет определенные трудности. Это связано прежде всего с отсутствием или ограничением способности к волевому управлению процессом движения [1, 15, 18—22].

Основными целями лечебной реабилитации являются торможение патологической тонической рефлекторной активности, нормализация на этой основе мышечного тонуса и облегчение

произвольных движений, тренировка последовательного развития двигательных навыков ребенка [3, 16, 23, 24, 28]. На сегодняшний день существует множество методов реабилитации детей с ДЦП, одним из которых является аквавелотренажер BALNEOMED [5—7, 25, 27].

Тренировка в воде на аквавелотренажере BALNEOMED снижает нагрузку на суставы, что позволяет заниматься на акватренажере людям с проблемами опорно-двигательного аппарата, способствует укреплению связочного аппарата коленного, тазобедренного и голеностопного суставов, уменьшает степень выраженности болевого синдрома. Регулярные тренировки позволяют восстановить подвижность суставов и

улучшить мышечный тонус поврежденных конечностей [13].

Исходя из вышесказанного, была поставлена **цель** исследования: оценить эффективность занятий в бассейне на тренажере BALNEOMED у детей с ДЦП.

МАТЕРИАЛЫ И ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Специально для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата был разработан комплекс упражнений на аквавелотренажере BALNEOMED.

При составлении комплекса были поставлены задачи, направленные на улучшение координации движений, совершенствование физических качеств, формирование двигательных навыков (ходьба, удержание позы и т. д.).

При этом также решались задачи оздоровительной направленности: улучшение вегетативных функций, состояния сердечно-сосудистой и дыхательной систем, терморегуляции, повышение психоэмоционального состояния детей.

Комплекс составлен с учетом особенностей учащихся школы-интерната, которые имеют нарушения осанки, походки, слабость мышц брюшного пресса, туловища, конечностей, плоскостопие, дисплазии, отставание в росте, в массе тела, нарушения координации, ориентировки в пространстве, точности в движении, равновесия и т. д.

Занятия проводились только с детьми с нормальным самочувствием и положительным эмоциональным настроением в режиме учебного дня. Исследование осуществлялось на базе коррекционной школы-интерната № 89 для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, обучающихся по общеобразовательной программе, в бассейне размером 12,5×6,5 м с температурой воды 35—36 °С.

Для исследования была отобрана группа детей в количестве 15 человек (n=15) в возрасте от 10 до 12 лет с диагнозом детский церебральный паралич (ДЦП) с формами гемиплегия (левосторонняя и правосторонняя), диплегия, спастический тетрапарез, гиперкинетический тетрапарез, смешанный тетрапарез, а также сопутствующими диагнозами, такими как плосковальгусные стопы, контрактура суставов (тазобедренных и коленных), грудопоясничный сколиоз на разных стадиях развития.

Исследование проводилось в период с сентября 2016 по май 2017 года. В течение года дети два раза в неделю посещали занятия по гидротерапии (40 минут), на которых применялся комплекс упражнений на тренажере

BALNEOMED, влияющий на опорно-двигательный аппарат, коррекцию сопутствующих заболеваний и вторичных отклонений, обусловленных основным дефектом. Особое внимание уделялось корригирующим упражнениям, упражнениям для формирования правильной осанки, упражнениям для профилактики плоскостопия, упражнениям на равновесия, стимулирующим вестибулярный аппарат, способствующим компенсации нарушений в развитии.

Был произведен контроль следующих показателей: антропометрия, артериальное давление (АД, мм рт. ст.), частота сердечных сокращений (ЧСС, уд/мин), гониометрия (коленные и голеностопные суставы в градусах).

Для оценки физического состояния детей была произведена антропометрия, в результате которой были установлены показатели роста и веса. Для оценки амплитуды движений производились пробы с помощью специальных инструментов — гониометров.

Данные, полученные в ходе исследования, подверглись математико-статистической обработке с определением средней арифметической (М) и ошибки средней арифметической (m), достоверность различий определялась по t-критерию Стьюдента ($p > 0,05$).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Следует помнить, что восстановительное лечение при детском церебральном параличе — длительный процесс, который охватывает годы, так как, пока происходит формирование организма, возможна компенсация, особенно если речь идет о детях с тяжелыми формами поражений опорно-двигательного аппарата [2, 14, 25, 26].

Уровень физического развития и двигательных нарушений зафиксирован на начальном этапе проведения комплекса упражнений на тренажере BALNEOMED (сентябрь 2016 г.). По окончании учебного года были проведены контрольные измерения и получены следующие результаты (табл. 1—3).

Результаты тестирования выражаются в данных измерения углов сгибания и разгибания коленного и голеностопного суставов.

Прирост показателей гониометрии коленных суставов у детей с ДЦП за время проведения занятий представлен в таблице 2.

Сравнительный анализ данных гониометрии суставов нижних конечностей и установленных норм показал, что показатели объема активных движений у детей с ДЦП ниже показателей нормы, что свидетельствует о наличии контрактур.

Таблица 1
Показатели гониометрии коленных
и голеностопных суставов у детей с ДЦП
до и после занятий на акваэронажере

Сустав	Движение	Норма	Ограничение движения	
			незначительное	умеренное
Коленный (сложный)	сгибание	135	134—90	89—60
	разгибание	180	179—170	169—160
Голеностопный (сложный)	сгибание	130	129—120	119—100
	разгибание	70	71—80	79—90

Таблица 2
Показатели гониометрии
при сгибании и разгибании коленных суставов

№ п/п	Показатели (градусы)	Группа	
		Сентябрь 2016 г.	Май 2017 г.
1	Сгибание (коленный сустав)	89,3±5,3	120,4±10,1
2	Разгибание (коленный сустав)	169±1,09	173,3±0,88

Таблица 3
Показатели гониометрии при сгибании
и разгибании голеностопных суставов

№ п/п	Показатели (градусы)	Группа	
		Сентябрь 2016 г.	Май 2017 г.
1	Сгибание (голеностопный сустав)	36,1±5,3	48,9±10,1
2	Разгибание (голеностопный сустав)	20,7±1,09	35,3±0,88

Результаты повторной гониометрии выявили, что у исследуемых прослеживается изменение результатов по сравнению с данными до начала занятий на акваэронажере. После проведенных занятий показатели функционального состояния коленных суставов значительно улучшились. Так, угол сгибания в коленном суставе у детей в среднем увеличился с 89,3±5,3 до 120,4±10,1 град., что на 25,8 % больше по сравнению с началом исследования. При разгибании коленных суставов больших изменений не наблюдалось. Со 169±1,09 град. угол изменился до 173,3±0,88 град., что на 2,48 % больше начальных показателей.

Литература

1. Мастюкова Е. М. Физическое воспитание детей с церебральным параличом: младенческий, ранний и дошкольный возраст / Е. М. Мастюкова. — М., 1991. — 268 с.
2. Мосунов Д. Ф. Преодоление критических ситуаций при обучении плаванию ребенка-инвалида : учебно-методическое пособие / Д. Ф. Мосунов, В. Г. Сазыкин. — М. : Советский спорт, 2002. — 152 с.
3. Особенности психофизического развития учащихся специальных школ для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата / под ред. Т. А. Власовой. — М. : Педагогика, 1985. — 126 с.

Прирост показателей гониометрии голеностопных суставов у детей с ДЦП за время проведения занятий приведен в таблице 3. Как видно из таблицы, после проведенных занятий показатели функционального состояния голеностопного сустава улучшились. Так, угол сгибания в голеностопном суставе в группе в среднем увеличился с 36,1 до 48,9 град., что на 12,8 град. больше по сравнению с первыми днями исследований. Также угол разгибания в голеностопном суставе в группе в среднем увеличился с 20,7 до 35,3 град., что на 14,6 град. больше по сравнению с началом исследований.

Контрольные исследования двигательных функций у детей с ДЦП свидетельствуют о низкой подвижности в коленных и голеностопных суставах, нарушениях мышечного тонуса в форме спастичности, ригидности и(или) гиперкинезов различных мышечных групп на фоне сопутствующих нарушений. Реализация разработанного комплекса упражнений на акваэронажере BALNEOMED показала, что применение методик, проведенных на тренажере для детей с ДЦП, способствует наиболее эффективной коррекции нарушений физического развития, благоприятно влияет на деятельность основных физиологических систем организма (опорно-двигательной, сердечно-сосудистой, дыхательных систем), что отражается на морфофункциональных показателях развития организма. Увеличение объема активных движений в суставах нижних конечностей у детей с ДЦП доказывает эффективность применения акваэронажера BALNEOMED.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Занятия на акваэронажере BALNEOMED в течение учебного года привели к улучшению функций опорно-двигательного аппарата, снижению спастичности, повышению подвижности коленных и голеностопных суставов, улучшению навыков ходьбы, овладению навыками плавания на фоне улучшения функции кардиореспираторной системы и психоэмоционального статуса. Исходя из этого, можно рекомендовать применение данного тренажера для улучшения координации и точности движений, увеличения силы и тонуса мышц и восстановления активных движений у детей с ДЦП.

4. Попов С. Н. Физическая реабилитация / С. Н. Попов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Феникс, 2005. — 602 с.
5. Плавание. Исследования, тренировка, гидрореабилитация : материалы 2-й междунар. конф. СПбНИИФК / под общ. ред. А. В. Петряева, И. В. Клешнева. — СПб. : Плавание, 2003. — 312 с.
6. Штеренгерц А. Е. Лечебная физкультура и массаж при заболеваниях и травмах нервной системы у детей / А. Е. Штеренгерц. — Киев : Здоровья, 2008. — 187 с.
7. Волков И. М. Детский церебральный паралич, этиология и патогенез / И. М. Волков, Ш. Ш. Шамансуров. — URL: <https://studfiles.net>.
8. Ватолина М. И. О роли различных перинатальных факторов в развитии детских церебральных параличей / М. И. Ватолина. — М., 1999. — 122 с.
9. Качесов В. А. Основы интенсивной реабилитации. ДЦП / В. А. Качесов. — URL: <http://www.kachesov.ru/books/dcp.pdf>.
10. Цыбульников Н. Д. К вопросу этиологии эпилепсии и гиперкинезов у больных ДЦП / Н. Д. Цыбульников, А. С. Матвеев // Науч. тр. Омского мед. ин-та. — 1974. — № 116. — С. 189—192.
11. Наследственные синдромы и медико-генетическое консультирование / С. И. Козлова, Н. С. Демикова, Е. Семанова, О. Е. Блинникова. — URL: <http://www.studmed.ru>.
12. Гусев Е. И. Неврология и нейрохирургия / Е. И. Гусев, А. Н. Коновалов, Г. С. Бурд. — URL: <https://studfiles.net>.
13. Цукер М. Б. Клиническая невропатология детского возраста / М. Б. Цукер. — URL: <https://rsl.ru>.
14. Подводные велотренажеры Balneomed WTS-01. — URL: balneomed.ru.
15. Лильин Е. Т. Современные технологии в лечении детского церебрального паралича / Е. Т. Лильин, О. В. Степанченко, А. Г. Бриль // Неврологический вестн. — 1999. — № 2.
16. Кольцова М. М. Развитие сигнальных систем действительности у детей / М. М. Кольцова. — URL: <https://rsl.ru>.
17. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. — М. : Медицина, 1975.
18. Антипьева Н. В. Социальная защита инвалидов в Российской Федерации / Н. В. Антипьева. — М. : Владос-Пресс, 2002. — 224 с.
19. Антонов И. П. Гиперкинезы у детей (вопросы этиологии, патогенеза, лечения) / И. П. Антонов, Г. Г. Шанько. — Минск : Наука и техника, 1975. — С. 180.
20. Бадалян Л. О. Детская неврология : учеб. для вузов / Л. О. Бадалян. — М. : Медицина, 1984. — 576 с.
21. Бадалян Л. О. Детские церебральные параличи : учеб. для вузов / Л. О. Бадалян, Л. Т. Журба, О. В. Тимонина. — Киев : Здоровья, 1988. — 328 с.
22. Бадалян Л. О. Клинико-электромиографическая характеристика двигательных нарушений при так называемых церебральных параличах / Л. О. Бадалян, Г. Н. Дунаевская, И. А. Скворцов // Вестн. Акад. мед. наук СССР. — 1983. — № 6. — С. 71—79.
23. Бадалян Л. О. Клиническая электронейромиография / Л. О. Бадалян, И. А. Скворцов. — М. : Медицина, 1986. — 368 с.
24. Батуев А. С. Функции двигательного анализатора / А. С. Батуев. — Л., 1970.
25. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н. А. Бернштейн. — М. : Медицина, 1966. — 349 с.
26. Блюм Е. Э. К вопросу реабилитации детей, страдающих детским церебральным параличом (ДЦП) / Е. Э. Блюм, Н. Э. Блюм, А. Р. Антонов // Вестн. РУДН. — 2004. — № 1(25). — (Медицина).
27. Бортфельд С. А. Двигательные нарушения и лечебная физическая культура при детском церебральном параличе / С. А. Бортфельд. — Л. : Медицина, 1971. — 247 с.
28. Бортфельд С. А. Точечный массаж при детских церебральных параличах / С. А. Бортфельд, Г. Ф. Городецкая, Е. И. Рогачева. — Л. : Медицина, 1979. — 136 с.
29. Гончарова Н. М. Основные принципы помощи детям с церебральными спастическими параличами / Н. М. Гончарова. — М., 1992. — 67 с.

**EFFICIENCY OF BALNEOMED WNS-01 AQUAEXERCYCLE UTILIZATION
 IN THE SWIMMING POOL FOR CHILDREN WITH INFANTILE CEREBRAL PALSY
 AT THE LESSONS OF ADAPTED PHYSICAL EDUCATION**

E. A. Akhtimirova

The Ulyanovsk boarding school № 89 (Ulyanovsk, Russia)
 alenaakhtimirova@yandex.ru

A. A. Safronova

The Ulyanovsk boarding school № 89 (Ulyanovsk, Russia)
 Saf.anna2014@ya.ru

The article deals with the efficiency of BALNEOMED WTS-01 aquaexercycle utilization in the swimming pool for children with infantile cerebral palsy at the lessons of Adapted Physical Education. The authors reveal the capabilities of the aquaexercycle for children with different forms of infantile cerebral palsy (hemiparesis, paraparesis, restrictions of motion activity) in order to improve motor functions, differentiate muscle energy and motion precision, increase in strength and muscle tone as well as for somatic mobilization of children with infantile cerebral palsy.

The authors developed a set of exercises on aquaexercise BALNEOMED for children with musculoskeletal disorder. The practical significance of aquacorrection classes is based on the monitoring survey.

Key words: BALNEOMED WNS-01 aquaexercise, infantile cerebral palsy, hydrotherapy.

References

1. Mastjukova E. M. (1991) Fizicheskoe vospitanie detey s detskim tserebralnym paralichem: mladencheskiy, ranniy i doshkolnyy vozrast [physical education of children with infantile cerebral palsy]. Moscow, 268 p.
2. Mosunov D. F., Sazykin V. G. (2002) Preodolenie kriticheskikh situatsiy pri obuchenii plavaniyu rebenka invalida [Overcoming critical situations in teaching swimming of disabled children]. Moscow: Sovetskiy sport, 152 p.
3. Vlasova T. A. (1985) Osobennosti psihofizicheskogo razvitiya uchashchihsya spetsialnykh shkol dlya detey s narusheniem oporno-dvigatel'nogo apparata [Features of psychophysical development of students of special schools for children with muscle-skeleton disorder]. Moscow: Pedagogika, 126 p.
4. Popov S. N. (2005) Fizicheskaya reabilitatsiya [Physical rehabilitation]. Moscow: Feniks, 602 p.
5. Petryaev A. V., Kleshneva I. V. (2003) Plavanie. Issledovaniya, trenirovka, gidroreabilitatsiya [Swimming. Studies, training, hydrorehabilitation]. St. Petersburg: Plavin, 312 p.
6. Shterengerts A. E. (2008) Lechebnaya fizkultura i massazh pri zabollevaniyah i travmah nervnoy sistemy u detey [Remedial gymnastics and massage in nervous disorders]. Kiev: Zdorovya, 187 p.
7. Volkov I. M., Shamansurov Sh. Sh. Detskiy tserebralnyy paralich, etiologiya i patogenez [Infantile cerebral palsy, etiology and pathogeny]. URL: <https://studfiles.net>.
8. Vatolina M. I. (1999) O roli razlichnykh perinatalnykh faktorov v razvitiy detskiykh tserebralnykh paralichey [Role of different perinatal factors in development of infantile cerebral palsy]. Moscow, 122 p.
9. Kachesov V. A. Osnovy intensivnoy reabilitatsii [Fundamentals of intensive rehabilitation]. URL: <http://www.kachesov.ru/books/dcp.pdf>.
10. Tsybulnikov N. D., Matveev A. S. (1974) K voprosy etiologii epilepsii i giperkinezov u bolnykh DTsP [Etiology of epilepsy and hyperkineses among children with infantile cerebral palsy]. Nauchnye trudy Omskogo meditsinskogo institute, (11), p. 189—192.
11. Kozlova S. I., Demikova N. S., Semanova E., Blinnikova O. E. Nasledstvennye sindromy i mediko-geneticheskoe konsultirovanie [Hereditary syndromes and medico-genetical consulting]. URL: <http://www.studmed.ru>.
12. Gusev E. I., Konovalov A. N., Burd G. S. Nevrologiya i neyrohirurgiya [Neurology and neurosurgery]. URL: <https://studfiles.net>.
13. Tsuker M. B. Klinicheskaya nevropatologiya detskogo vozrasta [Clinical neuropathology of children]. URL: <https://rsl.ru>.
14. Podvodnye velotrenazhery [Underwater exercycles]. URL: balneomed.ru.
15. Liljin E. T., Stepanchenko O. V., Bril A. G. (1999) Sovremennye tekhnologii v lechenii detskogo tserebralnogo paralicha [Modern technologies in curing the infantile cerebral palsy]. Nevrologicheskiy vestnik, (2).
16. Koltsova M. M. Razvitiye signalnykh system deystvitelnosti u detey [Development of signal systems of reality among children]. URL: <https://rsl.ru>.
17. Anohin P. K. (1975) Ocherki po fiziologii funktsionalnykh system [Essays on physiology of functional systems]. Moscow: Meditsina.
18. Antipjeva N. V. (2002) Sotsialnaya zashchita invalidov v Rossijskoy Federatsii [Social welfare of disabled in the Russian Federation]. Moscow: Vlados-Press, 224 p.
19. Antonov I. P., Shanko G. G. (1975) Giperkinezy u detey (voprosy etiologii, patogenez, lecheniya) [Hyperkineses of children (etiology, pathogeny, therapy)]. Minsk: Nauka i tekhnika, p. 180.
20. Badalyan L. O. (1984) Detskaya nevrlogiya [Child neurology]. Moscow: Meditsina, 576 p.
21. Badalyan L. O., Zhurba L. T., Timonina O. V. (1988) Detskie tserebralnye paralichi [Infantile cerebral palsies]. Kiev: Zdorovya, 328 p.
22. Badalyan L. O., Dunaevskaya G. N., Skvortsov I. A. (1983) Kliniko-elektromiograficheskaya kharakteristika dvigatelnykh narusheniy pri tak nazyvayemykh tserebralnykh paralichah [Clinical electromyographic characteristics of muscle-skeleton disorders in infantile cerebral palsies]. Vestnik Akademii meditsinskiykh nauk SSSR, (6), p. 71—79.
23. Badalyan L. O., Skvortsov I. A. (1986) Klinicheskaya elektroneyromiografiya [Clinical electroneuromyography]. Moscow: Meditsina, 368 p.
24. Batuev S. A. (1970) Funktsii dvigatel'nogo analizatora [Functions of motor analyzer]. Leningrad.
25. Bernshtein N. A. (1966) Ocherki po fiziologii dvizheniy i fiziologii aktivnosti [Essays on physiology of movements and physiology of kinesis]. Moscow: Meditsina, 349 p.
26. Blyum E. E. (2004) K voprosy reabilitatsii detey, stradayushchikh detskim tserebralnym paralichom [Rehabilitation of children with infantile cerebral palsy]. Vestnik RUDN, 1(25).
27. Bortfeld S. A. (1971) Dvigatelnye narusheniya i lechebnaya fizicheskaya kultura pri detskom tserebralnom paraliche [Movement abnormalities and remedial exercises in treatment of infantile cerebral palsy]. Leningrad: Meditsina, 247 p.
28. Bortfeld S. A., Gorodetskaya G. F., Rogacheva E. I. (1979) Tochechnyy massazh pri detskiykh tserebralnykh paralichah [Point massage in curing infantile cerebral palsies]. Leningrad: Meditsina.
29. Goncharova N. M. (1992) Osnovnye printsipy pomoshchi detyam s tserebralnymi spasticheskimi paralichami [Basic principles of help children with infantile cerebral palsy]. Moscow, 67 p.

А. И. Гнивковская

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
rosstroy.anna@gmail.com

И. В. Михайлова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
44kd11@gmail.com

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СУПРУЖЕСКОЙ СОВМЕСТИМОСТИ

В настоящее время в обществе существует потребность в установлении факторов, поддерживающих стабильность супружеских отношений, их взаимосвязь и влияние на семью. Статья направлена на описание эмпирического исследования удовлетворенности браком и взаимосвязи данного показателя с характерологической совместимостью супругов. Тема освещается с разных сторон влияния данного аспекта на удовлетворенность браком. Ведущими методами исследования данной проблемы являются социометрия, тесты-опросники на удовлетворенность браком и совместимость, статистические методы, позволяющие выявить наличие взаимосвязи между удовлетворенностью браком и совместимостью супругов, а также определить значимые различия в представлениях мужчин и женщин о собственной совместимости. По итогам проведенного эмпирического исследования выдвинутая основная гипотеза о наличии взаимосвязи между психологической совместимостью супругов и их удовлетворенностью браком подтвердилась: чем выше совместимость супругов, тем выше их удовлетворенность браком и наоборот. В статье приводятся результаты сравнительного анализа уровня удовлетворенности браком мужчин и женщин, анализируются возможные психологические причины данного аспекта и проводится аналогия с другими исследованиями в этой области. По итогам эмпирического исследования частная гипотеза о наличии различий между объективным показателем характерологической совместимости супругов и так называемым субъективным показателем совместимости (как личным представлением супругов о своей супружеской совместимости) не подтвердилась. Результаты, изложенные в данной статье, могут быть полезны в разработке методов брачного консультирования, коррекции несовместимости супругов в рамках семейной терапии, а также могут послужить источником дополнительной информации для выработки рекомендаций молодым супругам и мер профилактики семейных конфликтов.

Ключевые слова: удовлетворенность браком, супружеская совместимость, психологическая совместимость, характерологическая совместимость, брак, семья.

Большинство ученых и специалистов определяют удовлетворенность браком как внутреннюю субъективную оценку супругов, их отношение к собственному браку. Некоторые авторы рассматривают данное понятие через призму удовлетворения потребностей в конкретной семье.

В прогрессивной динамике быстроразвивающегося мира у людей возникает все больше потребностей, все больше ресурсов затрачивается на их удовлетворение, человеку постоянно нужна психологическая и эмоциональная поддержка, со всем этим в комплексе может справиться лишь семья и крепкие эмоциональные взаимосвязи между ее членами. Уровень ожиданий и притязаний растет, человек имеет тенденцию быть неудовлетворенным, это неизбежно затрагивает и его семью [2].

При этом под психологической совместимостью понимают целый спектр направлений: фи-

зиологическую, психофизиологическую, психологическую, социально-психологическую, социальную и духовную совместимости, что, в свою очередь, расширяет исследователям поле деятельности. Личные характеристики супругов в значительной степени влияют на развитие взаимопонимания и межличностные отношения супругов между собой [10].

Совместимость рассматривается не просто как сходство супругов или партнеров, а взаимопонимание в различных областях жизни [8]. Стопроцентной совместимости не бывает, но чем больше у супругов общего в сексуальной, духовной, физической, интеллектуальной и эмоциональной сферах, тем приятнее и плодотворнее будут отношения между ними. Ссоры и конфликты в семье, как правило, связаны с тем, что супруги не понимают друг друга, в итоге их неприятие и разобщение приводит к психологической несовместимости [7].

Под супружеской совместимостью в семейной психологии понимают именно совместимость и взаимность чувств, а также совместимость темпераментов, характеров, привычек, установок, интересов, поведения, взглядов на жизнь. В некоторых характеристиках возможны различия, которые даже способствуют большей совместимости супругов. Совместимость основывается на духовном родстве и дополнении нервного склада друг друга [4].

Обозов Н. Н. выделяет 5 уровней совместимости [5]:

1. Физиологический — физиологическая совместимость партнеров.

2. Психофизиологический — особенности темперамента, потребностей и эмоциональная совместимость.

3. Психологический — совместимость личных качеств, мотивов, характеров партнеров.

4. Социально-психологический — согласованность социальных ролей, интересов, ценностных ориентаций.

5. Духовный — предполагается сложное сочетанное взаимодействие социальных установок партнеров с факторами действительности в интересах группы [5].

Удовлетворенность браком является качественным показателем супружеской жизни. В. В. Столин считает, что это сложное объемное чувство, которое невозможно поделить на части, но оно различается у женщин и мужчин по разным критериям и показателям совместной жизни. Он разработал методику для определения степени удовлетворенности браком [9].

Голод С. И. дает следующее определение удовлетворенности браком — она складывается из адекватного представления о семье, образе семьи, сложившегося в сознании человека в результате опыта в данной сфере деятельности. Некоторые авторы понимают удовлетворенность браком как субъективную оценку каждым из супругов характера их личностных взаимоотношений [6].

Обозов Н. Н. считает, что главным условием стабильности и благополучия супружеской пары является супружеская совместимость, которую в свою очередь можно определить через удовлетворенность браком. Совместимость можно описать двумя характеристиками: показателем субъективной удовлетворенности партнером и показателями эмоционально-энергетических затрат при взаимодействии и общении супругов [1].

Любая диада «муж — жена» является группой, где происходит тесная взаимосвязь между

партнерами, где поведение одного из супругов влияет как на удовлетворенность браком, так и на личные характеристики другого. При анализе психологических особенностей совместимости супругов на первый план выходит характерологический аспект, те личностные качества и свойства характера, которые способствуют или препятствуют нормальному взаимоотношению супругов и установлению эмоционального длительного контакта, столь необходимого для успешного развития и стабильности семьи [2].

Актуальность данной работы состоит в том, что в нашей стране ежегодно распадается больше трети браков. Это делает насущной проблему изучения внутрисемейных отношений. Анализ удовлетворенности браком в семьях с различными характеристиками дает возможность выявить слабые места, нормативные кризисы и изменения в представлениях современного общества об институте семьи. Анализ совместимости супругов позволяет проследить возможную взаимосвязь с удовлетворенностью, дает нам понимание процессов представления супругов друг о друге и динамику этого механизма в зависимости от различных факторов. Исследование проблемы психологической совместимости супругов требует многоаспектности и изучения данного вопроса с разных точек зрения, под разным углом, включая все возможные взаимосвязи и внутренние критерии общения и взаимодействия между мужем и женой.

Проблема, на решение которой направлено исследование, заключается в том, что на сегодняшний день до сих пор нет единого научного определения понятия «удовлетворенность браком»; малоизученной остается проблема взаимосвязи удовлетворенности браком и психологической совместимости супругов, в частности, характерологической совместимости партнеров. Использование данных поможет прояснить и расширить теоретическое знание по характерологическому аспекту совместимости супругов и влиянию различных аспектов совместимости на субъективное ощущение удовлетворенности супругами своими супружескими отношениями, принятое как удовлетворенность браком.

Объект исследования — удовлетворенность браком.

Предмет исследования — характер взаимосвязи совместимости супругов и удовлетворенности браком.

Цель исследования — изучить взаимосвязь удовлетворенности браком с совместимостью супругов.

Основная гипотеза: мы предполагаем, что чем выше совместимость супругов, тем выше их удовлетворенность браком, что высокая удовлетворенность браком является показателем супружеской совместимости и наоборот.

Частная гипотеза: мы предполагаем, что есть значимое различие между субъективным представлением супругов о своей супружеской психологической совместимости и объективным показателем их супружеской совместимости.

Характеристика выборки: в исследовании приняли участие 30 мужчин и 30 женщин в возрасте от 24 до 55 лет, 30 супружеских пар со стажем семейной жизни от 1 до 20 лет, с детьми и без детей. Выборка проведена методом рандомизации, случайным отбором.

Методика исследования

1. Тест-опросник удовлетворенности браком — авторы В. В. Столин, Т. Л. Романова,

Г. П. Бутенко — предназначен для экспресс-диагностики степени удовлетворенности и неудовлетворенности браком, а также выявления согласования и рассогласования удовлетворенности браком в конкретной супружеской паре [3]. Результат оценивается по ранговой шкале, отображающей уровень удовлетворенности браком:

- 0—16 баллов — абсолютно неблагополучные;
- 17—22 балла — неблагополучные;
- 23—26 баллов — скорее неблагополучные;
- 27—29 баллов — переходные;
- 30—32 балла — скорее благополучные;
- 33—38 баллов — благополучные;
- 39—48 баллов — абсолютно благополучные.

2. Тест на супружескую совместимость А. Добровича. Тест позволяет определить характерологический аспект совместимости супругов [1]. Результат оценивается по таблице интерпретаций (табл. 1).

Таблица 1

Таблица интерпретаций теста на супружескую совместимость А. Добровича

Значение М	Значение К	Интерпретация
От 0 до 5	От 0 до 5	Вы — гармоничная пара и схожи характерами
	От 6 до 10	Вы — гармоничная пара, дополняете друг друга по характеру
	11 и выше	Вы — гармоничная пара, но между вами неизбежны выяснения отношений из-за различий в характерах
От 6 до 10	От 0 до 5	У вас возможны определенные трудности во взаимоотношениях, но они легко преодолимы
	От 6 до 10	Трудности преодолимы, но лишь со временем
	11 и выше	Трудности могут принять затяжной характер
11 и выше	От 0 до 5	Вы — разные люди, но умеете быстро приходить к согласию
	От 6 до 10	Вы — трудная пара, но внушает надежду ваша взаимодополняемость во взглядах и интересах
	11 и выше	Вы — трудная пара

3. Тест на супружескую совместимость А. Добровича. Но для выявления субъективного представления супругов об их супружеской совместимости мы перевернули инструкцию и предложили заполнить тест за своего супруга.

Обработка результатов исследования проводилась методами описательной статистики и математической обработки результатов с применением статистических пакетов и программ MS Excel и SPSS 13.0. В частности, нами были использованы коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена, сравнительный анализ, для оценки различий — U-критерий Манна-Уитни.

Анализ и интерпретация полученных результатов

На первом этапе обработки полученных данных по опроснику удовлетворенности браком В. В. Столина были получены следующие результаты (рис. 1).

На диаграмме видно, что самой большой по численности получилась группа так называемых абсолютно благополучных семей — 70 %. Вторыми идут благополучные семьи — 18 %, они имеют средние показатели удовлетворенности браком. Скорее благополучные семьи составили 2 % от общего числа респондентов. Группа из

5 % опрошенных респондентов относится к категории переходных семей. Скорее неблагополучные семьи составили 3 %. Неблагополучные семьи составили лишь 2 % от принявших участие в исследовании, они имели очень низкие показатели удовлетворенности браком. Можно также заметить, что в нашем исследовании нет аб-

солютно неблагополучных семей (со значениями удовлетворенности браком от 0 до 16 баллов).

Далее мы провели сравнительный анализ мужчин и женщин по среднему показателю уровня удовлетворенности браком и выявили следующие различия (рис. 2).

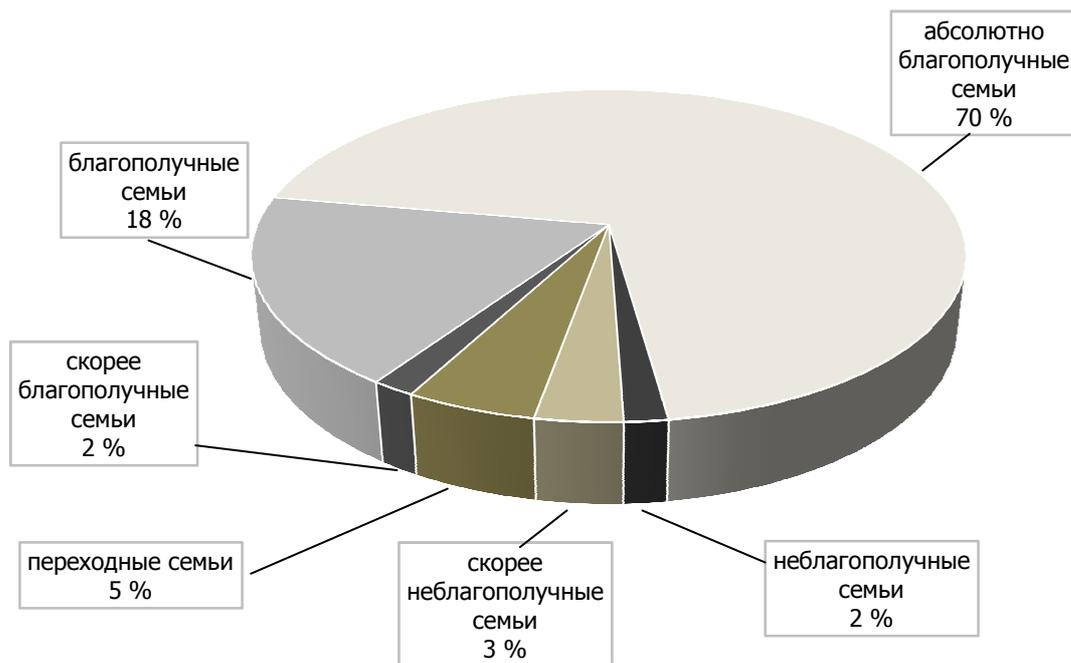

Рис. 1. Результаты исследования методики В. В. Столина

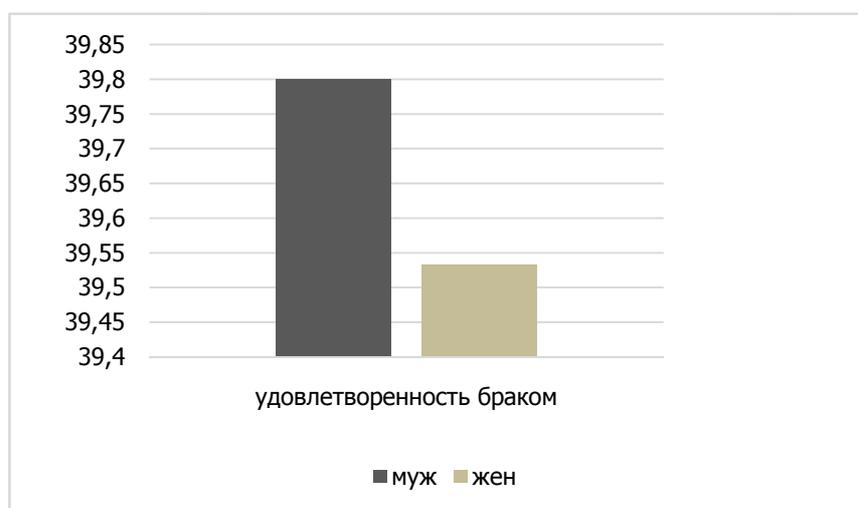

Рис. 2. Сравнительный анализ удовлетворенности браком мужчин и женщин

При сравнительном анализе мы выявили, что средний показатель удовлетворенности браком у мужчин заметно выше, чем тот же показатель у женщин. У мужчин среднее значение по удовлетворенности браком составило 39,8. У женщин среднее значение удовлетворенности браком чуть меньше — 39,5. Это подтверждает данные и мнения других ученых (Карабанова, 2001; Федеральная служба государственной статистики, 2009 и др.). Такие различия могут свидетельствовать о разном восприятии мужчинами и женщинами собственного брака в целом, о неудовлетворенности женщин своими супругами, а также о разнице категориального аппарата и сравнения собственного брака с другими. Предположим, что женщины изначально имеют более высокий уровень притязаний и ожиданий, чем мужчины, тогда их удовлетворенность браком как удовлетворенность определенных потребностей будет несколько ниже, что прослеживается в нашем исследовании.

Обработка результатов методики А. Добровича на супружескую совместимость ведется сразу по двум супругам, поэтому данные среднего значения одинаковы для мужчин и женщин и составляют 3,9 балла. Значение в пределах 5 говорит о гармоничности пары, совместимости и схожести характеров. Значение 3,9 показывает, что большинство пар, принявших участие в исследовании, имеют нормальные показатели совместимости и схожи по характерологическому аспекту. Но у некоторых супругов все же наблюдались очень низкие показатели совместимости (более 10 баллов), что в свою очередь параллельно анализировалось с низкой удовлетворенностью браком в этих семьях.

Поэтому для проверки нашей основной гипотезы, что есть взаимосвязь между совместимостью супругов и их удовлетворенностью браком, был проведен корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Был получен значимый коэффициент отрицательной корреляции $-0,286$ при $p < 0,05$, что означает повышение одного признака при понижении другого. В нашем случае при понижении значений уровня совместимости супругов растет удовлетворенность браком. Идеальная совместимость равна 0, соответственно, чем выше баллы совместимости (именно баллы, а не фактический показатель совместимости), тем менее совместимы супруги. Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что чем выше совместимость супругов, тем выше их удовлетворенность браком и наоборот. Мы мо-

жем также говорить о том, что высокая удовлетворенность браком является показателем супружеской совместимости.

Мы провели корреляционный анализ для проверки наличия взаимосвязи удовлетворенности браком с другими параметрами, но значимых связей не получили. Коэффициент корреляции удовлетворенности браком с возрастом респондентов — $0,110$; удовлетворенности браком с количеством детей — $0,007$; удовлетворенности браком со стажем семейной жизни — $-0,59$; коэффициент корреляции совместимости со стажем семейной жизни — $0,077$ ($N=60$).

Для проверки второй гипотезы о наличии различий между объективным показателем совместимости супругов и их субъективным представлением об их супружеской совместимости мы провели сравнительный анализ средних показателей по группам мужчин и женщин и получили следующие результаты (рис. 3).

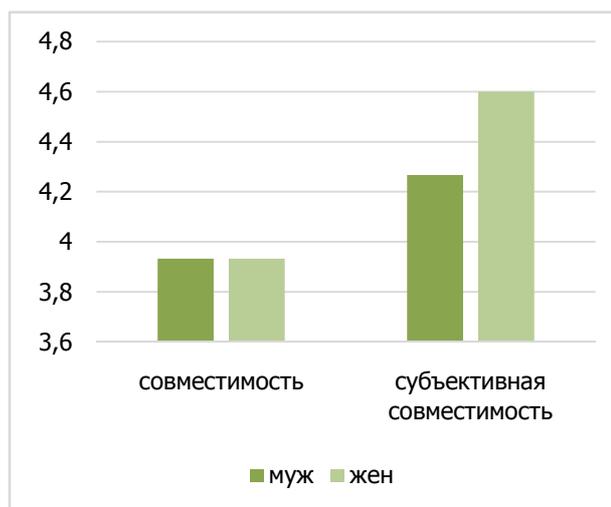

Рис. 3. **Результаты сравнительного анализа объективной совместимости и субъективного представления супругов об их супружеской совместимости**

Средний балл по совместимости у супругов — 3,9 (вычислялся по шкале значений M , так как данная шкала отражает основной параметр совместимости, значения шкалы K являются уточняющими и показывающими силу признака). Значение является одинаковым для мужчин и женщин, так как считается попарно. Субъективная совместимость, полученная по тесту на супружескую совместимость А. Добровича, но с перевернутой инструкцией, заполненной за своего партнера, получилась значительно выше, чем объективная, полученная по значениям от каждого супруга. У мужчин среднее значение по субъективной совместимости

составило 4,26, а у женщин — 4,6. Данные говорят о том, что супруги субъективно считают себя более разными, чем это есть на самом деле. Причем у женщин установка на несовместимость со своим супругом выше, чем у мужчин.

Опираясь на результат сравнительного анализа полученных данных по удовлетворенности браком, можно выявить следующую параллель. Женщины субъективно считают, что они с супругом не подходят друг другу, и удовлетворенность браком снижается. Но корреляционный анализ по Спирмену значимой корреляции удовлетворенности браком с субъективной совместимостью у женщин не выявлен (-0,018, N=30).

Для оценки различий по группирующему признаку «пол» (мужчины и женщины) мы провели сравнительный анализ с использованием

U-критерия Манна-Уитни. Получили следующие незначимые результаты: удовлетворенность браком $U=434,0$ при $p=0,812$; субъективная совместимость $U=394,5$ при $p=0,403$.

Выводы

1. Выявлена значимая связь между совместимостью супругов и их удовлетворенностью браком. При повышении уровня совместимости супругов повышается уровень удовлетворенности браком и наоборот.

2. Высокую удовлетворенность браком можно считать показателем супружеской совместимости по характерологическому аспекту психологической совместимости.

3. Обнаружена разница в субъективном представлении супругов о своей супружеской совместимости.

Литература

1. Андреева Т. В. Семейная психология : учеб. пособие / Т. В. Андреева. — СПб. : Речь, 2005. — 244 с.
2. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учеб. пособие для студ. вузов / О. А. Карабанова. — М. : Гардарики, 2008. — 319 с.
3. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи : учеб. пособие / А. Г. Лидерс. — М. : Академия, 2008. — 432 с.
4. Малкина-Пых И. Г. Семейная терапия / И. Г. Малкина-Пых. — М. : ЭКСМО, 2005. — 992 с. (Сер. Справочник практического психолога).
5. Обозов Н. Н. Совместимость и срабатываемость людей : учеб. пособие / Н. Н. Обозов. — СПб. : Облик, 2000.
6. Рассказова И. Н. Основы семейной психологии : учебно-методическое пособие / И. Н. Рассказова, А. Ю. Маленова. — Омск : Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2009. — 124 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/24913.html>.
7. Роджерс К. Брак и его альтернативы. Позитивная психология семейных отношений / К. Роджерс. — М. : Этерна, 2012. — 320 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/45901.html>.
8. Супружеская совместимость. — URL: <http://psylist.net/family/00063.htm>.
9. Тукшаитова А. К. Изучение факторов удовлетворенности браком в молодых семьях / А. К. Тукшаитова // Академия профессионального образования. — 2016. — № 10(64). — С. 77—79.
10. Шнейдер Л. Б. Семейная психология. Антология / Л. Б. Шнейдер. — М. : Академический проект, Трикста, 2010. — 720 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/60138.html>.

SATISFACTION WITH MARRIAGE AS AN INDICATOR OF MARITAL COMPATIBILITY

A. I. Gnivkovskaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
rosstroy.anna@gmail.com

I. V. Mihaylova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
44kd11@gmail.com

At present, the society needs for establishment of factors that maintain the stability of marital relations, their interconnection and influence on the family. The article deals with the interrelation of marriage satisfaction and the characterological compatibility of the spouses. The topic is covered from different sides of the influence of this aspect on the satisfaction with marriage. The leading methods of the research are sociometry, marriage questionnaire and compatibility tests, statistical methods that allow to reveal the interrelation between the marriage satisfaction and the compatibility of spouses, and also to reveal the significant differences between male and female ideas of their own compatibility. The authors confirmed the main hypothesis for the existence of the relationship between the psychological compatibility of spouses and their satisfaction with marriage: the higher the compatibility of spouses, the higher their satisfaction with marriage, and vice versa. The article presents the results of a comparative analysis of the level of satisfaction with the marriage of men and women, analyzes the possible psychological reasons for this aspect, and draws an analogy with other studies in this field. According to the results of the empirical study, a particular hypothesis about

the existence of differences between the objective indicator of the characterological compatibility of the spouses and the so-called subjective measure of compatibility, as a personal representation of the spouses about their marital compatibility, was not confirmed. The results of the research can be useful in developing methods for marriage counseling, correcting the incompatibility of spouses within the framework of family therapy, and also serve as a source of additional information for making recommendations to young spouses and measures to prevent family conflicts.

Key words: satisfaction with marriage, marital compatibility, psychological compatibility, character compatibility, marriage, family.

References

1. Andreeva T. V. (2005) *Semeynaya psihologiya* [Family psychology: study guide]. St. Petersburg: Rech, 244 p.
2. Karabanova O. A. (2008) *Psihologiya semeynyh otnosheniy i osnovy semeynogo konsultirovaniya* [Psychology of family relations and the fundamentals of family counseling: studies. allowance for stud. Universities]. Moscow: Gardariki, 319 p.
3. Lidets A. G. (2008) *Psihologicheskoe issledovanie semyi* [Psychological examination of the family: study guide]. Moscow: Akademiya, 432 p.
4. Malkina-Pykh I. G. (2005) *Semeynaya terapiya* [Family therapy: the series "Reference book of a practical psychologist"]. Moscow: EKSMO, 992 p.
5. Obozov N. N. (2000) *Sovmestimost i sbratyvaemost lyudey* [Compatibility and responsiveness of people: a tutorial]. St. Petersburg: Oblik.
6. Rasskazova I. N., Malenova A. Yu. (2009) *Osnovy semeynoy psihologii* [Fundamentals of family psychology]. Omsk: Omsk State University. F. M. Dostoevsky, 124 p. URL: <http://www.iprbookshop.ru/24913.html>.
7. Rogers K. (2012) *Brak i ego alternativy. Pozitivnaya psihologiya semeynyh otnosheniy* [Brak and his alternatives. Positive psychology of family relations]. Moscow: Eterna, 320 p. URL: <http://www.iprbookshop.ru/45901.html>.
8. *Supruzheskaya sovmestimost* [Spousal compatibility]. URL: <http://psylist.net/family/00063.htm>.
9. Tukshaitova A. K. (2016) *Izuchenie faktorov udovletvorennosti brakom v molodyh semyah* [Study of factors of satisfaction with marriage in young families]. *Akademiya professionalnogo obrazovaniya*, (64), p. 77—79.
10. Schneider L. B. (2010) *Semeynaya psihologiya. Antologiya* [Family psychology. Anthology]. Moscow: Academic project, Tricksta, 720 p. URL: <http://www.iprbookshop.ru/60138.html>.

С. Н. Митин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.ru

Т. О. Нягукова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
mint_snow@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СВОЙСТВ ВНИМАНИЯ У СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Работа посвящена изучению особенностей развития свойств внимания у слабослышащих детей младшего школьного возраста. В настоящее время нарушения слуховой функции считаются одними из распространенных нарушений психофизического развития человека. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в мире около 42 млн имеют депривацию слуховой функции той или иной степени. Потеря слуха провоцирует задержку психического развития ребенка, что ставит вопрос о необходимости дифференциальной диагностики умственного развития слабослышащих детей. Большой научной и социальной проблемой является увеличение количества врожденных и приобретенных в раннем детском возрасте заболеваний слуховой системы, что требует поиска новых путей физической, психологической и социальной реабилитации детей с особыми потребностями.

Основной задачей исследования было изучение свойств внимания слабослышащих детей с разной степенью нарушений умственного развития. В качестве психодиагностических методик определения свойств внимания были выбраны методики Шульте и Тулуз-Пьерона. Эмпирическая гипотеза о том, что у слабослышащих детей с задержкой психического развития свойства внимания развиты лучше, чем у слабослышащих детей с умственной отсталостью, подтвердилась. Было установлено, что у слабослышащих детей с умственной отсталостью меньше объем внимания по методике Шульте по сравнению со слабослышащими детьми с задержкой психического развития. По методике Тулуз-Пьерона у слабослышащих детей с задержкой психического развития, по сравнению со слабослышащими детьми с умственной отсталостью, более высокая концентрация внимания и значительно меньшее количество ошибок, несмотря на одинаковую скорость выполнения задания. При помощи факторного анализа по методу главных компонент было установлено, что внимание как психический процесс у слабослышащих детей с различным уровнем умственного развития имеет двухфакторную структуру, по которой дети с задержкой психического развития опережают своих сверстников с умственной отсталостью. Полученные в ходе исследования результаты могут служить основой для дифференциальной диагностики уровня умственного развития слабослышащих детей и разработки психокоррекционных программ для детей с нарушениями слуха.

Ключевые слова: дети с нарушениями слуха, произвольное внимание, задержка психического развития, умственная отсталость, младший школьный возраст, слуховая депривация.

По данным Всемирной организации здравоохранения, в мире насчитывается около 250 млн лиц с особыми потребностями, из которых 42 млн имеют недостатки слуха. В России один ребенок из ста имеет депривацию слуха той или иной степени, и наблюдается тенденция к увеличению количества детей-инвалидов по слуху. Значительно увеличивающийся уровень врожденных и приобретенных в раннем постнатальном периоде заболеваний сенсорной системы требует новых подходов к физической реабилитации и обучению детей, имеющих проблемы со слухом.

Попытки выделения слабослышащих детей как особой категории, нуждающейся в специальном обучении, в России были предложены

В. И. Флери еще в первой половине XIX века [3]. Однако, несмотря на продолжительную историю и значительное количество научных работ в области обучения слабослышащих многие проблемы современной сурдопедагогики и сурдопсихологии еще не решены [2, 5, 12]. Недостаточность эффективных и обоснованных методик реабилитационной и педагогической работы с детьми с депривацией слуха не позволяет качественно и своевременно осуществлять формирование когнитивных и личностных качеств ребенка [4]. Также представляет определенную сложность дифференциальная диагностика когнитивных нарушений у детей с депривацией слуха, среди которых можно особо выделить за-

держку психического развития и умственную отсталость у слабослышащих детей младшего школьного возраста.

Младший школьный возраст, как известно, рассматривается как сенситивный период для развития произвольных психических функций (в том числе и внимания), обеспечивающих успешность познавательной деятельности. Произвольное внимание, основной функцией которого является контроль и организация поведения и деятельности в соответствии с условиями среды, особо значимо в младшем школьном возрасте, когда вместе с началом систематического обучения закладываются основы дальнейшего развития всей познавательной сферы ребенка.

Для изучения особенностей развития произвольного внимания слабослышащих детей младшего школьного возраста нами при помощи методики Шульте в модификации К. К. Платонова и теста Тулуз-Пьерона (упрощенный вариант методики для детей 6—8 лет) было проведено исследование у 14 младших школьников Областного государственного казенного образовательного учреждения «Школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья № 92» г. Ульяновска.

Основной задачей исследования было изучение половых, возрастных и психологических различий слабослышащих детей с разным уровнем психического развития. По методике Шуль-

те уровень развития объема произвольного внимания в группе девочек оказался выше, чем в группе мальчиков, вне зависимости от возраста и года обучения, хотя следует заметить, что данные различия не являются статистически достоверными. Также не было выявлено различий относительно уровня развития свойств внимания детей до 10 лет и детей старше 10 лет. Таким образом, можно констатировать, что в целом уровень развития свойств внимания в данном возрастном диапазоне приблизительно одинаков и с трудом поддается развитию. Что касается таких свойств внимания, как распределение и переключение, то их колебательный характер может служить основанием для разработки психокоррекционных программ, так как отсутствие динамики в развитии внимания при переходе в среднюю школу может оказаться серьезной психолого-педагогической проблемой, которая препятствует усвоению учебного материала как на уроке, так и при выполнении домашних заданий [10].

В ходе исследования были также сопоставлены группы слабослышащих детей с умственной отсталостью и задержкой психического развития. Эмпирическая гипотеза о том, что у слабослышащих детей с задержкой психического развития свойства внимания развиты лучше, чем у слабослышащих детей с умственной отсталостью, подтвердилась (см. табл. 1).

Таблица 1

Средние значения свойств внимания и достоверность различий между группами слабослышащих детей с задержкой психического развития и слабослышащих детей с умственной отсталостью по методикам Шульте и Тулуз-Пьерона

	Дети с задержкой психического развития	Дети с умственной отсталостью	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости
Объем внимания, баллы	10,00	7,50	8,0	0,010**
Скорость выполнения задания	51,25	53,57	22,0	0,794
Среднее количество ошибок	3,55	11,30	7,0	0,028*
Концентрация внимания	0,93	0,79	7,0	0,028*
Переключение внимания	4,12	11,44	17,0	0,361
Устойчивость внимания	1,62	3,69	11,0	0,093
Связь точности и скорости	0,33	0,56	12,0	0,121

* — статистически значимые различия на уровне не ниже 0,05;

** — статистически значимые различия на уровне не ниже 0,01.

Было установлено, что у детей с умственной отсталостью ниже объем внимания ($X_{зпр}=10,0$, $X_{уо}=7,5$, $U=8,0$, $p \leq 0,01$).

У слабослышащих детей с задержкой психического развития, по сравнению с детьми с

умственной отсталостью, значительно меньшее количество ошибок ($X_{зпр}=3,55$, $X_{уо}=7,5$, $U=7,0$, $p \leq 0,05$), несмотря на одинаковую скорость выполнения задания, и более высокая концентрация внимания ($X_{зпр}=3,55$, $X_{уо}=7,5$, $U=7,0$, $p \leq 0,05$).

Полученные в ходе сравнения групп результаты позволили предположить, что в младшем школьном возрасте у слабослышащих детей такой психический процесс, как внимание, имеет как минимум двухкомпонентную структуру. Данная структура отражает, с одной стороны, произвольную саморегуляцию (устойчивость и концентрация), а с другой — динамические характеристики (переключение и распределение). Данное предположение было проверено при помощи факторного анализа по методу главных компонент с варимакс-вращением факторов.

В качестве исходных переменных были взяты 7 шкал — свойств внимания из двух методик (Шульте и Тулуз-Пьерона), которые использованы в данном исследовании. Всего нами было получено 2 фактора, объясняющих почти 79 % дисперсии. В таблице 2 представлены факторные нагрузки исходных переменных на каждый из факторов.

Таблица 2
Факторные нагрузки исходных переменных на полученные факторы

Исходные переменные	Факторы	
	1	2
Объем внимания, баллы	-0,827	0,147
Скорость выполнения задания	0,306	-0,691
Среднее количество ошибок	0,982	-0,008
Концентрация внимания	-0,979	-0,061
Переключение внимания	0,053	0,836
Устойчивость внимания	0,819	0,457
Связь точности и скорости	0,415	0,752

Первый фактор образован такими переменными, как концентрация внимания, устойчивость и объем внимания, куда тесно примыкает точность выполнения задания (среднее количество ошибок). Данный фактор можно назвать фактором устойчивой регуляции внимания. Второй фактор представляет собой динамические характеристики внимания — переключение внимания, скорость выполнения задания, куда также примыкает такой показатель, как связь скорости и точности. Таким образом, можно заключить, что структура процессов внимания слабослышащих детей представлена двумя факторами.

Выводы

В ходе исследования было установлено, что свойства внимания слабослышащих детей не зависят от пола, что обусловлено универсальностью свойств внимания. Некоторые различия между группами мальчиков и девочек, в частно-

сти больший объем внимания (в баллах) по методике Шульте, могут быть обусловлены как случайными причинами, так и более быстрым развитием девочек в младшем школьном возрасте. В нашем исследовании также не подтвердилась гипотеза относительно положительной динамики в развитии свойств внимания в младшем школьном возрасте — свойства внимания у слабослышащих детей развиваются медленнее, чем у детей с нормальным психофизиологическим развитием.

У слабослышащих детей с задержкой психического развития, по сравнению со слабослышащими детьми с умственной отсталостью, лучше развиты все свойства внимания, что может служить основанием для более точной дифференциальной диагностики умственного развития детей с нарушениями слуха. Значительные различия в развитии свойств внимания в группе слабослышащих детей с разным психологическим диагнозом предполагают различные подходы к обучению и коррекции психического развития в школьном возрасте.

Данное исследование было проведено на малой выборке, носило пилотажный характер и поэтому одной из его целей было определение проблемного поля для более обширных исследований свойств внимания слабослышащих школьников с разным уровнем умственного развития. Основным проблемным полем в изучении свойств внимания слабослышащих школьников с задержкой психического развития и умственной отсталостью, на наш взгляд, является вопрос о слабой динамике развития внимания в процессе школьного обучения, что может являться причиной низкой успеваемости и трудностей социальной адаптации слабослышащих детей в более старшем возрасте.

Полученные результаты позволяют поставить вопрос о более глубоком изучении возрастной динамики внимания. В частности, представляются интересными вопросы об отставании в уровне развития внимания слабослышащих детей по сравнению со здоровыми детьми, о границах развития внимания в каждом возрастном диапазоне. Перспективным научным направлением в исследовании свойств внимания слабослышащих школьников также является разработка психокоррекционных программ развития психических процессов, позволяющих преодолеть отставание в развитии по сравнению со здоровыми сверстниками. Основной упор в развитии внимания, согласно полученным нами результатам, должен делаться на развитии сознательной волевой регуляции внимания.

Литература

1. Алейникова С. А. Отношение педагогов и родителей к интегрированному обучению детей с нарушенным слухом / С. А. Алейникова, М. М. Маркович, Н. Д. Шматко // Дефектология. — 2005. — № 5. — С. 19—30.
2. Басова А. Г. История сурдопедагогики : учеб. пособие для студ. дефектол. фак. пед. ин-тов / А. Г. Басова, С. Ф. Егоров. — М. : Просвещение, 1984. — 295 с.
3. Батов Г. Н. История обучения слабослышащих детей в России : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. Н. Батов. — М., 1998. — 24 с.
4. Богданова Т. Г. Сурдопсихология : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Т. Г. Богданова. — М. : Академия, 2002. — 203 с.
5. Боскис Р. М. Глухие и слабослышащие дети / Р. М. Боскис. — М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963. — 335 с.
6. Выготский Л. С. Основы дефектологии / Л. С. Выготский. — СПб. : Лань, 2003. — 654 с. — (Учеб. для вузов. Спец. лит.).
7. Зыкова Т. С. Школы глухих и слабослышащих детей на этапе модернизации образования / Т. С. Зыкова // Дефектология. — 2005. — № 5. — С. 31—36.
8. Матвеев В. М. Психические нарушения при дефектах зрения и слуха / В. М. Матвеев. — М. : Просвещение, 2012. — 98 с.
9. Программа воспитания и обучения слабослышащих дошкольников со сложными (комплексными) нарушениями развития / Л. А. Головниц ; под ред. Л. А. Головниц. — М. : УМИЦ «ГРАФ ПРЕСС», 2013. — 128 с.
10. Речицкая Е. Г. Готовность слабослышащих дошкольников к обучению в школе : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. Г. Речицкая, Е. В. Пархалина. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — С. 193.
11. Романов В. Я. Психология внимания / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. — М. : АСТ, Астрель, 2016. — 704 с.
12. Уфимцева Л. П. Психологические проблемы интегрированного обучения детей с нарушениями слуха в общеобразовательной школе / Л. П. Уфимцева // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. — 2005. — № 6. — С. 65—70.

**FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF ATTENTION PROPERTIES
 IN HEARING-IMPAIRED CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION**

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 snm7151@gmail.com

T. O. Nyagukova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 mint_snow@mail.ru

The paper deals with the peculiarities of the development of attention properties among hearing-impaired children of primary school age. At present, hearing impairment is one of the most common disorders of the psychophysical function of a person. According to the World Health Organization, there are about 42 million hearing-impaired people in the world. The hearing loss promotes the developmental delay of a child, that creates the need for differential diagnosis of the mental development of children with hearing impairment. A large scientific and social problem is the increase in the number of congenital and acquired diseases of the auditory system in early childhood, which requires the search for new ways of physical, psychological and social rehabilitation of children with special needs.

The main tasks of the research were to study the properties of attention of children with hearing impairment with different degrees of mental development disorders. As a psychodiagnostic technique for determining the properties of attention, the Schulte and Toulouse-Pieron methods were chosen. The empirical hypothesis that the properties of attention among hearing-impaired children with a delay in mental development are better developed than in those with hearing impaired children with mental retardation. It was found that the hard-of-hearing children with mental retardation have less attention on the method of Schulte compared to hard-of-hearing children with mental retardation. According to the Toulouse-Pieron method, the children with hearing impairment with a delay in mental development, in comparison with hard-of-hearing children with mental retardation, have a higher concentration of attention and a much smaller number of errors, despite the same speed of the task. With the help of factor analysis by the method of main components it was established that attention, as a mental process of children with hearing impairments with different levels of mental development, has a two-factor structure, in which children with mental retardation outstrip their peers with mental retardation. The results obtained during the study can serve as a basis for differential diagnosis of the level of mental development of children with hearing impairment and the development of psycho-correction programs for children with hearing impairment.

Key words: children with hearing problems, attention, mental retardation, junior school age, auditory deprivation.

References

1. Aleinikova S. A., Markovich M. M., Shmatko N. D. (2005) Otnoshenie pedagogov i roditeley k integririvannomu obucheniyu detey s narushenym sluhom [The attitude of teachers and parents to the integrated learning of children with hearing loss]. Defektologiya, (5), p. 19—30.

2. Basova A. G., Egorov S. F. (1984) Istoriya surdopedagogiki [History of the surdopedagogy]. Study guide for students defectol. fact. ped. in-tov. Moscow: Prosveshchenie, 295 p.
3. Batov G. N. (1998) Istoriya obucheniya slaboslyshashchih detey v Rossii [The history of teaching hearing children in Russia]. Author's abstract. dis. ... cand. ped. sciences. Moscow, 24 p.
4. Bogdanova T. G. (2002) Surtopsihologiya [Surdopsychology]. Study guide for stud. supreme ped. training. Institutions. Moscow: Academiya, 203 p.
5. Boskis P. M. (1963) Gluhie i slaboslyshashchie deti [Deaf and hard-of-hearing children]. Moscow: Publishing house of Acad. ped. sciences of the RSFSR, 335 p.
6. Vygotsky L. S. (2003) Osnovy defektologii [The fundamentals of defectology]. St. Petersburg: Lan, 654 p.
7. Zykov T. S. (2005) Shkoly gluhih i slaboslyshashchih detey na etape modernizatsii obrazovaniya [Schools of Deaf and Hard-of-hearing Children at the Stage of Educational Modernization]. Defektologiya, (5), p. 31—36.
8. Matveev V. M. (2012) Psihicheskie narusheniya pri defektah zreniya i sluha [Mental disorders in vision and hearing disabilities]. Moscow: Prosveshchenie, 98 p.
9. Golovchits L. A. (2013) Programma vospitaniya i obucheniya slaboslyshashchih doskolnikov so slozhnymi narusheniyami razvitiya [The program of education and training of hearing-impaired preschool children with complex developmental disabilities]. Moscow: UMITS "GRAF PRESS", 128 p.
10. Rechitskaya E. G., Parkhalina E. V. (2000) Gotovnost slaboslyshashchih doskolnikov k obucheniyu v shkole [Willingness of hearing-impaired preschool children to study at school]. Textbook for students of higher education. training. institutions. Moscow: Humanite. ed. center VLADOS, 193 p.
11. Romanova V. Y., Gippenreiter Yu. B. (2016) Psihologiya vnimaniya [Psychology of attention]. Moscow: ACT, Astrel, 704 p.
12. Ufimtseva L. P. (2005) Psihologicheskie problem integrirovannogo obucheniya detey s narusheniyami sluha v obshcheobrazovatelnoy shkole [Psychological problems of integrated education of children with hearing disorder in the general education school]. Vospitanie i obuchenie detey s narusheniyami razvitiya, (6), p. 65—70.

В. Б. Салахова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
valentina_nauka@mail.ru

Ю. А. Костыряченко

Московский
государственный
психолого-педагогический
университет
(г. Москва, Россия)
yakost181@mail.ru

МОТИВАЦИЯ И МОТИВЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ*

В статье представлены результаты теоретико-методологического анализа проблемы мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей. Актуальность темы обусловлена тем, что проблемы, связанные с девиантным поведением несовершеннолетних, привлекают особое внимание ученых и постоянно рассматриваются как в отечественных, так и в зарубежных научных работах (Г. С. Прыгин, И. В. Севастьянова, Е. А. Парыгина, С. А. Беличева, И. В. Иванникова, Н. С. Курек, В. Д. Менделевич, В. Н. Иванченко, А. Г. Асмолов, С. Н. Ениклопов, А. В. Леонтьев, Р. В. Чиркина и др.). Тем не менее, несмотря на большое количество и высокий уровень исследований, посвященных изучению особенностей личности несовершеннолетнего с девиантным поведением, необходимо констатировать недостаток работ, посвященных данной проблеме. В основном рассматриваются либо отдельно мотивы, либо ценностные ориентации, либо установки на те или иные формы девиаций подростков. В связи с этим и учитывая современные тенденции развития социальной психологии, во-первых, считаем необходимым использовать элементы системного подхода в исследовании проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и, во-вторых, отмечаем особую ценность изучения мотивов и мотивации подростков с целью предупреждения девиаций в поведении.

Ключевые слова: мотивы и мотивация несовершеннолетних правонарушителей, мотивация преступного поведения, личность несовершеннолетнего.

*Статья подготовлена в рамках государственного задания ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей» на 2018 год № 25.12634.2018/12.1.

Под преступным поведением понимается поведение, когда субъект выбирает противоправный способ удовлетворения потребностей и желаний, применяя физическую силу или оружие с целью нанесения травмы, увечья или лишения жизни. В этом случае преступный замысел превращает агрессивное поведение в преступление. Мотивация преступного поведения может отражать не только агрессию, но и другие противоправные поступки.

Один из ведущих криминалистов В. Н. Кудрявцев под мотивацией преступного поведения понимает процесс формирования мотива преступления, его развития и оформления, а затем и реализации в преступных действиях и поступках. Он считает, что мотивацию необходимо отличать от механизма преступного поведения как по объему, так и по содержанию этих понятий. Мотивация, по мнению В. Н. Кудрявцева, не охватывает всего механизма, потому что последний включает осуществление принятого реше-

ния и самоконтроль. В. Н. Кудрявцев не включает в мотивацию и оценку ситуации субъектом, и предвидение им последствий своих действий, и принятие решения [12].

Лунеев В. В. считает, что наряду со всеми перечисленными элементами в мотивацию входит и анализ наступивших последствий, и даже раскаяние и выработка защитного мотива [13].

Большинство криминологов понимают мотив как побуждение. Так, С. А. Тарарухин определяет мотив как осознанное побуждение к совершению конкретного волевого акта, представляющего социальную опасность и предусмотренного уголовным законом в качестве преступления [16]. К. Е. Игошев понимает мотив преступного поведения как побуждение, сформировавшееся под влиянием социальной среды и жизненного опыта личности. Побуждение является внутренней непосредственной причиной преступной деятельности и выражает личностное отношение к тому, на что направлена преступная деятельность [3, 4, 10].

Развивая знания о мотиве и основываясь на положении о том, что мотив — это побуждение, по мнению В. Н. Кудрявцева, о мотиве преступления можно говорить только тогда, когда уже появились или формируются такие элементы преступного поведения, как объект или предмет воздействия, цель или средство достижения преступного результата. Преступное поведение в данном аспекте отождествлено с преступным мотивом, который в случае недостижения в данный момент цели переходит в мотивационную установку. Человек еще не преступник (и может им так и не стать), но уже социально опасен, поскольку имеет решимость (намерение) совершить преступление [12].

Понимание этого важно для профилактики преступлений, которая должна заключаться не только в устранении условий для их совершения, но и в изменении взглядов и установок личности, в ее реабилитации и последующей ресоциализации. Кроме того, В. Н. Кудрявцев пишет о том, что знание мотивов преступного поведения необходимо для осуществления профилактической работы с личностью. Прогнозирование будущего поведения человека может дать представления о содержании, глубине и степени устойчивости его антиобщественных взглядов. Знание мотивов позволяет судить о социальных условиях формирования и развития личности, а также о ситуации, в которой возникло преступное намерение.

Таким образом, для изучения мотивов девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей необходимо выявлять замыслы, особенности личности, которые могут привести к появлению мотивов и мотивационных установок преступных действий и поступков.

Отсутствие устоявшихся взглядов на сущность и структуру мотива, единых знаний и представлений о мотиве приводит ученых к очевидным противоречиям. С одной стороны, как отмечалось ранее, исследователи утверждают, что о мотиве преступления можно говорить только тогда, когда уже появились или формируются объект воздействия, цель и средство достижения преступного результата. С другой стороны, утверждается, что не следует допускать такую крайность, при которой в мотив включаются именно эти элементы, иначе он начинает охватывать всю субъективную сторону умышленного преступления.

Таким образом, в работах по мотивации преступного поведения отражается общее положение проблемы мотивации, существующее в психологической науке и практике, со всеми ее

противоречиями. Изучая мотивы девиантного поведения несовершеннолетних, необходимо знать о переживаниях и чувствах личности, совершившей преступление, о ее потребностях и интересах, идеалах, установках и убеждениях, целях и средствах их достижения, о планировании результата. Для понимания причин девиантного поведения несовершеннолетних важно знать все то, что послужило основанием преступного поступка. Это возможно только в том случае, если мотив девиантного поведения несовершеннолетних рассматривать как сложное многокомпонентное психологическое образование, а процесс его формирования — как динамичный и стадийный [1, 2, 6, 9].

Лунеев В. В. говорит о том, что мотив наряду со своей важнейшей функцией побуждения выполняет также регулятивную функцию фильтра при отборе и оценке субъектом того, что способствует или противодействует удовлетворению актуальной потребности. Он же рассматривает и другую функцию мотива — отражательную, о которой психологи прямо не говорят. Также криминалисты утверждают, что мотивация — это процесс формирования мотива, мотив является результатом этого процесса [13].

Положительным во взглядах криминалистов на мотив является положение о том, что мотивация девиантного поведения несовершеннолетних отражает не только и не столько ту или иную криминогенную ситуацию, в которой оно совершается, сколько все предшествующие негативные влияния социальной среды, сформировавшие личность с девиантной направленностью, личность, которая характеризуется деформированной мотивационной сферой [5].

Основываясь на данном утверждении, можно констатировать, что временные пределы отражения криминогенных влияний в мотивации преступления нельзя ограничивать рамками конкретной социальной ситуации.

Изучая структуру мотива, необходимо изучать историю формирования личности, ее структуру [11]. Исследования в области криминологии свидетельствуют о том, что между доминирующими стремлениями правонарушителя и его социальными ролями, связями имеется взаимосвязь. В связи с этим в 70—75 % случаев особенности личности находят отражение в особенностях мотивов преступного поведения [7, 15].

Также следует отметить исследования В. Б. Голицына, который выявил, что для несовершеннолетних делинквентов характерным является доминирование потребностей в средствах существования и недостаточная сформиро-

ванность потребностей развития, познания, труда, межличностного общения.

По выраженности тех или иных потребностей Д. И. Фельдштейн делит подростков с антисоциальной направленностью личности на пять групп [8].

В первую группу входят несовершеннолетние правонарушители, ставшие на путь преступного поведения случайно. Они слабовольны и легко поддаются влиянию социального окружения. Потребности у них просоциальные и не являются сами по себе причиной их антисоциальных поступков.

Во вторую группу входят несовершеннолетние правонарушители со слабо деформированными потребностями. Они легко внушаемы, легкомысленны, заискивают перед товарищами.

В третью группу входят несовершеннолетние правонарушители, которые характеризуются конфликтом между деформированными и просоциальными потребностями, интересами и установками. Сформировавшиеся у них нормативные нравственные взгляды не стали убеждениями. Для таких подростков характерным является стремление к гедонизму, что и приводит к асоциальным поступкам.

В четвертую группу входят несовершеннолетние правонарушители с деформированными потребностями и низменными побуждениями, подражающие тем подросткам-правонарушителям, у которых имеется устойчивый комплекс аморальных потребностей и откровенно асоциальная направленность личности. Девиантные действия и поступки совершаются ими в основном ситуативно, в результате спонтанно возникшего на фоне общей направленности личности мотива.

В пятую группу входят несовершеннолетние правонарушители с устойчивым комплексом социально-отрицательных аномальных, аморальных и низменных потребностей. Эгоизм, стремление к гедонизму, отсутствие способности сопереживать другому и агрессивность сочетаются у них с сознательно совершаемыми правонарушениями [14].

Как свидетельствует проведенный теоретико-методологический обзор, существенным для криминалистов является вопрос о том, на каком этапе мотивации начинают проявляться криминалогически значимые отклонения личности.

Кудрявцев В. Н. и Лунеев В. В. утверждают, например, что потребностей, мотивов и частично целей, свойственных только преступному поведению, нет, как нет и асоциальных потребностей и мотивов [13].

Авторы, которые придерживаются противоположной точки зрения, критикуются за социальную оценку мотива и утверждение, что мотив зависит не от его абстрактного содержания, а от того, в систему каких общественных отношений он включен и каким общественным отношениям противопоставлен. Утверждается также, что потребности и мотивы нельзя правильно оценить в части полезности или вредности, поскольку последняя раскрывается через цель, средства ее достижения и наступившие последствия, через отношение субъекта к социальным ценностям, которыми он пренебрегает, реализуя свое желание.

Побуждение социально нейтрально, так как по одному и тому же внешне схожему побуждению могут быть совершены как преступление, так и благородный поступок. Но мотив, если его понимать как основание поступка, не может быть нейтральным. Такое заблуждение возникло у криминологов потому, что мотив они понимают слишком узко, не включая в него те элементы, которые делают поведение человека преступным.

Понимание мотива как основания поступка позволяет говорить об асоциальных мотивах ввиду антиобщественной направленности замысла субъекта. Антиобщественный замысел становится таковым в связи с общественными отношениями, моралью общества, дающей нравственную оценку тому или иному поступку. Криминальны не сами по себе потребности и многие цели, взятые в отдельности, криминальный оттенок им придают другие компоненты мотива. Основную криминальную «нагрузку» в нем несет компонент, связанный с нравственным контролем. Именно деформации этого компонента структуры личности приводят к преступному поведению, а не корысть, зависть, месть, недовольство, обида и озлобленность. От возникновения этих состояний до намерения совершить преступление может быть большая дистанция. При отсутствии потребности или соответствующей ситуации не было бы и преступления.

Таким образом, большинство компонентов, образующих структуру мотива преступления, не криминальны. Однако, поскольку человек выбирает криминальные пути и средства удовлетворения потребности и достижения цели, мотив в целом, как и замысел, намерение, приобретает преступный характер [15].

Относительно возрастных особенностей мотивации преступного поведения представляется целесообразным отметить следующее.

Лунеев В. В. приводит данные, которые показывают, что мотивы преступного поведения у лиц разного возраста существенно различаются [13]. Подросткам 14—16 лет присущи два вида криминальной мотивации: корыстная и насильственно-эгоистическая.

Конкретными причинами девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей являются: желание развлечься, показать силу, смелость, ловкость, утвердить себя в глазах сверстников, стремление к чему-то особенному. Поэтому три четверти преступлений подростков носит ситуативно-импульсивный характер.

В 16—17-летнем возрасте снижается число преступлений по корыстным мотивам. Мотивация девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей становится разнообразнее. Мотивами преступного поведения у лиц этого возраста являются: корысть, хулиганство, добыча средств на алкогольные напитки и наркотические средства либо психотропные вещества, месть, конформизм (следование референтной группе), стремление показать свою силу и смелость, стремление к самоутверждению.

Таким образом, осуществленный теоретико-методологический анализ особенностей мотивов, потребностей и мотивационной сферы личности несовершеннолетних правонарушителей, а также их возрастных особенностей позволяет сделать следующие выводы. Проблема исследования особенностей мотивационной сферы девиантных подростков давно и плодотворно раз-

рабатывается в рамках психологической науки. Установлены особенности мотивации девиантного поведения несовершеннолетних, свидетельствующие о типичных и индивидуальных деформациях в структуре мотивов, целей, потребностей, определены типы несовершеннолетних на основе доминирующих в мотивации потребностей и мотивов, проведен сравнительный анализ мотивов по возрастному признаку.

Выявлено, что характерными особенностями мотивации девиантного поведения подростков являются: ослабление комплекса социально полезных потребностей; искусственный, извращенный или примитивный характер некоторых потребностей; нарушение равновесия между различными видами потребностей; распространенность потребности в самоутверждении, нередко имеющей извращенный характер.

Определено, что мотивация девиантного поведения — это такая система целей, потребностей и мотивов, которая характеризуется дисгармоничностью, противоречивостью, деформированностью ее компонентов, побуждающих к асоциальным действиям и поступкам.

Сущность мотивационной сферы несовершеннолетних с девиантным поведением заключается, во-первых, в специфическом составе и соотношении целей, потребностей и мотивов, во-вторых, в корреляционных связях компонентов мотивации девиантного поведения с компонентами эмоциональной, волевой, экзистенциальной сфер и сферы саморегуляции.

Литература

1. Антонян Ю. М. Причины преступного поведения / Ю. М. Антонян. — М., 1981.
2. Беличева С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. — М. : Социальное здоровье России, 1993. — 198 с.
3. Беличева С. А. Ресоциализация как организованный социально-педагогический процесс / С. А. Беличева. — URL: <http://www.ergeal.ru/txt/archive/psy/book1/IV5.htm>.
4. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. — М. : Академия, 1990. — 182 с.
5. Девиантное (отклоняющееся) поведение подростков, многообразие, опыт, трудности, поиск альтернатив / под ред. Ю. А. Клейберга. — Тверь, 2000.
6. Рудакова И. А. Девиантное поведение / И. А. Рудакова, О. С. Ситникова, Н. Ю. Фальчевская. — Ростов н/Д. : Феникс, 2005. — 156 с.
7. Профилактика агрессивных и террористических проявлений у подростков : методическое пособие / С. Н. Ениколов, Т. В. Ерофеева, И. Соковня и др. — М. : Просвещение, 2002. — 158 с.
8. Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Изд. центр «Академия», 2004. — 288 с.
9. Иванченко В. Н. Установки личности и противоправное поведение / В. Н. Иванченко, А. Г. Асмолов, С. Н. Ениколов // Вопросы психологии. — 1991. — № 2. — С. 97—102.
10. Игошев К. Е. Опыт социально-психологического анализа личности несовершеннолетнего правонарушителя / К. Е. Игошев. — М. : Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1967.
11. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2003. — 508 с.
12. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. — М., 1982.
13. Лунеев В. В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика / В. В. Лунеев. — М., 1980.
14. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения : учеб. пособие / В. Д. Менделевич. — М. : МЕДпресс, 2001. — 427 с.

15. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) / В. Ф. Пирожков. — Тверь : ИПП «Приз», 1994. — 320 с.
16. Селецкий А. И. Несовершеннолетние с делинквентным поведением / А. И. Селецкий, С. А. Тарарухин. — Киев, 1981.

MOTIVATION AND MOTIVES OF JUVENILE OFFENDERS*

V. B. Salakhova

Centre for Protection of Rights of Children (Moscow, Russia)
 valentina_nauka@mail.ru

Y. A. Kostyryachenko

Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia)
 yakost181@mail.ru

The article presents the results of the theoretical and methodological analysis of the problem of the motivation sphere of juvenile offenders. The relevance of the presented topic is due to the fact that the problems associated with the deviant behavior of minors attract special attention of scientists and are constantly considered in both domestic and foreign scientific works (G. S. Prygin, I. V. Sevastyanova, E. A. Parygina, S. A. Belicheva, I. V. Ivannikova, N. S. Kurek, V. D. Mendelevich, V. N. Ivanchenko, A. G. Asmolov, S. N. Enikopolov, A. V. Leontiev, R. V. Chirkina et al.). Nevertheless, despite the large number and high level of research devoted to the study of the personality of a minor with deviant behavior, it is necessary to state a lack of work devoted to this problem. In the main, either motives, or value orientations, or attitudes toward certain forms of deviation of adolescents are considered. In this regard, and taking into account the current trends in the development of social psychology, firstly, we consider it necessary to use elements of a systematic approach to the study of the problem of deviant behavior of minors and, secondly, note the special value of studying the motives and motivations of adolescents in order to prevent deviations in behavior.

Key words: motives and motivation of juvenile delinquents, motivation of criminal behavior, personality of a minor.

*The article has been written within the state assignment done at the Federal State Budgetary Research Institution "Centre for Protection of Rights of Children" for 2018, № 25.12634.2018/12.1.

References

1. Antonyan Yu. M. (1981) Prichiny prestupnogo povedeniya [The causes of criminal behavior]. Moscow.
2. Belicheva S. A. (1993) Osnovy preventivnoy psilogii [Fundamentals of Preventive Psychology]. Moscow: Social Health of Russia, 198 p.
3. Belicheva S. A. Resotsializatsiya kak organizovannuy sotsialno-pedagogicheskiy protsess [Resocialization as an organized social-pedagogical process]. URL: <http://www.ergeal.ru/txt/archive/psy/book1/IV5.htm>.
4. Vilyunas V. K. (1990) Psihologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka [Psychological mechanisms of human motivation]. Moscow: Academy, 182 p.
5. Kleiberg Yu. A. (2000) Deviantnoe (otklonyayushcheesya) povedenie podrostkov, mnogoobrazie, opyt, trudnosti, poisk alternativ [Deviant behavior of adolescents, diversity, experience, difficulties, search for alternatives]. Tver.
6. Rudakova I. A., Sitnikova O. S., Falchevskaya N. Yu. (2005) Deviantnoe povedenie [Deviant behavior]. Rostov on Done: Feniks, 156 p.
7. Enikolopov S. N., Erofeeva T. B., Sokovnya I. (2002) Profilaktika agressivnyh i terroristicheskikh proyavleniy u podrostkov [Prevention of aggressive and terrorist manifestations in adolescents: Methodical manual]. Moscow: Prosveshchenie, 158 p.
8. Zmanovskaya E. V. (2004) Deviantologiya (Psihologiya otklonyayushchegosya povedeniya) [Deviantologiya (Psychology of deviant behavior): Textbook]. Moscow: Akademia, 288 p.
9. Ivanchenko V. N., Asmolov A. G., Enikopolov S. N. (1991) Ustanovki lichnosti i protivopravnoe povedenie [Personality settings and unlawful behavior]. Voprosy psilogii, (2), p. 97—102.
10. Igoshev K. E. (1967) Opyt sotsialno-psihologicheskogo analiza lichnosti nesovershennoletnego pravonarushitelya [Experience of social psychological analysis of the personality of a minor offender]. Moscow: Scientific Research and Editorial and Publishing Department.
11. Iljin E. P. (2003) Motivatsiya i motivy [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter, 508 p.
12. Kudryavtsev V. N. (1982) Pravovoe povedenie: norma i patologiya [Legal behavior: norm and pathology]. Moscow.
13. Luneev V. V. (1980) Prestupnoe povedenie: motivatsiya, prognozirovaniye, profilaktika [Criminal behavior: motivation, prognostication, prevention]. Moscow.
14. Mendelevich V. D. (2001) Psihologiya deviantnogo povedeniya [Psychology of Deviant Behavior: Textbook]. Moscow: MEDpress, 427 p.
15. Pirozhkov V. F. (1994) Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminalnaya subkultura) [Laws of the criminal world of youth (criminal subculture)]. Tver: IPP "Priz", 320 p.
16. Seletsky A. I., Tararukhin S. A. (1981) Nesovershennoletnie s delinkventnym povedeniem [Juveniles with delinquent behavior]. Kiev.

В. Б. Салахова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
valentina_nauka@mail.ru

И. И. Хабибуллин

Московский
политехнический
университет
(г. Москва, Россия)
ilnur08ru@mail.ru

ОБЩЕНАУЧНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ*

В последнее время значительно усилился интерес специалистов в управлении качеством к методологической базе своей науки. Этот всплеск интереса вызван очевидной для данного сообщества задержкой теоретической проработки лавинообразно накапливаемого эмпирического материала. В результате падает эффективность и самих эмпирических исследований, поскольку становится все труднее ясно формулировать их исходные гипотезы, приводить научно обоснованные объяснения получаемых в опыте эффектов, прогнозировать развитие тех или иных явлений, а в итоге и предлагать адекватные решаемым проблемам рекомендации в прикладном и практическом секторах управления качеством. Однако начавшийся штурм теоретических высот управления качеством необходимо подкреплять общенаучными основами методологии познания. Особенно важно знание общих принципов познания и их конкретизации в управлении. В данной статье представлен феноменологический анализ проблемы методологических научных принципов, дано содержательное определение методологических принципов и представлена их классификация.

Ключевые слова: общенаучные методологические принципы, феноменологический анализ, управление проектами.

*Статья подготовлена в рамках государственного задания ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей» на 2018 год № 25.12634.2018/12.1.

В советской методологической литературе обычно эксплицируются три уровня методологии [14]. Во-первых, *философская методология*, которая «образует высший уровень методологического анализа, включающий мировоззренческую интерпретацию результатов науки, *анализ общих форм и методов научного мышления*, его *категориального строя* с точки зрения той или иной картины мира» [11]. Во-вторых, *общенаучная методология*, которая «включает *изучение общенаучных принципов, подходов и форм исследования*» [11]. Наконец, в-третьих, *конкретно-научная методология*, включающая «совокупность *методов, принципов исследования и процедур*, применяемых в той или иной отрасли науки» [11].

Методологические принципы проявляются на всех уровнях методологии как системы. Можно выделить следующие уровни методологического принципа. Первый — предметно-концептуальный — содержит онтологические основания методологического принципа. Например,

среди оснований принципа объединения можно отметить представление о единстве мира. Это представление может быть либо формальным (возможность единого математического языка описания мира), либо содержательным (возможность единственного и минимального количества оснований для описания мира) [13]. Вторым уровнем является уровень регулятивов, который будет включать в себя совокупность правил-рекомендаций и правил-запретов. Для принципа объединения можно привести следующие регулятивы: регулятив принципа математизации (стремление к единому универсальному языку описания мира), регулятив принципа соответствия (требование непротиворечивости и преемственности физических теорий), регулятив принципа простоты (стремление к минимальному числу принципов описания мира). Эти регулятивы в научном исследовании будут реализовывать концептуальный уровень [13]. Третий — уровень реализации (функционирования) методологического принципа. Принцип объединения

реализуется в виде редукции (например, попытка сведения электродинамики к механике и наоборот) или синтеза (например, попытка синтеза квантовой механики и теории относительности) физических теорий.

Подчеркнем взаимосвязь уровней. Регулятивы обусловлены уровнем концептуальных оснований, который связывает средства познания между собой и с предполагаемым объектом познания. Функции детерминированы регулятивами, а следовательно, и концептуальными основаниями. Методологические принципы проявляются на всех уровнях методологии как системы. Операциональный и функциональный уровни методологического принципа можно зафиксировать на конкретно-научном уровне, т. е. в научных тестах в виде инвариантов теоретических операций ученых (например, стремление синтезировать или редуцировать группу исследуемых явлений к наименьшей группе, стремление объяснить группу явлений через принятую модель мира и т. д.). На философском уровне можно зафиксировать проявление концептуального уровня методологического принципа, поскольку особенность этого уровня для методологических принципов — предельная абстрактность. Таким образом, методологический принцип представляет собой объединение общего (связь с научным методом) и особенного (предельная абстрактность концептуального содержания). «Если в случае общего вид и содержание системы методологических принципов будет определять философская система, то в случае особенного они могут быть определены конкретно-научной теорией» [14].

Понятие «принцип» используется практически во всех областях теоретической и практической деятельности человека, оставаясь, тем не менее, достаточно неоднозначным понятием. Рассмотрим ряд определений понятия «принцип».

Наиболее четкое определение методологического принципа дает А. Л. Симанов: «Каждый принцип формируется на основе процесса конкретно-научного познания, выступая его итогом, квинтэссенцией познавательной практики и регулятивом этой практики. Тем самым специфицируется как содержание данного принципа, так и его функционирование. С другой стороны, любой методологический принцип связан по своей природе также с философскими взглядами и предпочтениями исследователя» [14].

Здесь раскрыты следующие признаки методологического принципа: обозначена связь с уровнями познания (конкретно-научным и философским) и со взглядами (научными и фило-

софскими) исследователя; перечислены общие функции (отмечены онтологическая и гносеологическая). Однако определение не раскрывает структуру содержания понятия.

Другое определение предлагает Н. Ф. Овчинников. Он пишет: «Нас интересуют процессы вызревания научных теорий, процессы их роста. Разнообразные истоки или корни этих процессов мы назовем принципами теоретизации. Поскольку эти принципы органически включены в методы построения теории, они могут называться и методологическими принципами» [13].

Лебедев С. А. в первом приближении под принципом понимает положение, принимаемое изначально в научном исследовании (для гипотетико-дедуктивной модели), обладающее достаточной степенью общности для данной области знания, выполняющее как минимум эвристическую и конструктивную функции [7].

Баранец Н. Г. полагает, что общенаучные методологические принципы сформулированы в процессе осмысления практики научного исследования. Они не определяют содержание научного знания и не являются его формально-логическим обоснованием. Их задача заключается в детерминировании оптимального выбора средств, предпосылок, понятий при построении новой теории [2].

Македонская В. В. рассматривает сущность научных принципов. *Научный принцип* — это конкретизация мировоззренческих позиций, убеждений и общих принципов в процессе научного познания. Под общими принципами подразумеваются обусловленные убеждениями правила действий и норма поведения в какой-либо сфере бытия и соответствующем виде деятельности [9]. Научные принципы заключают двоякий смысл: во-первых, в них отражаются на научном языке основы организации мира (т. е. дается научное отражение принципов организации Природы), что делает их объяснительными представлениями (моделями) по поводу получаемых в научных исследованиях фактов и закономерностей, и, во-вторых, они направляют исследовательскую мысль по наиболее адекватному и эффективному пути научного поиска истины, что делает их исходными условиями (регуляторами) научных исследований. Таким образом, научные принципы предопределяют и стимулируют накопление предельно адекватных знаний о природе, человеке и обществе, что, в свою очередь, расширяет возможности людей в выборе предельно адекватных моделей и способов своего индивидуального и общественного поведения.

Македонская В. В. выделяет ряд общенаучных принципов. Это антропный принцип, принцип детерминации, принцип дополнительности (комплементарности), принцип инвариантности, принцип методического атеизма, принцип объективности, принцип относительности, принцип самоорганизации, принцип системности, принцип соответствия, принцип соотношения неопределенностей.

Антропный принцип утверждает в качестве неотъемлемого свойства мира его принципиальную познаваемость, возможную изменяемость под влиянием познающего субъекта. Впервые этот принцип был выдвинут в 1961 году американским физиком Р. Х. Дайком и к настоящему времени принят естественными науками.

Принцип детерминации — это принцип всеобщей обусловленности. Чаще всего рассматривается причинная детерминация: причина определяет следствие. Возможны и другие виды детерминации: системная (зависимость системы от свойств входящих в ее состав частей и элементов и, наоборот, зависимость компонентов системы от свойств целого); целевая (цель как образ будущего результата действий обуславливает процесс и способы ее достижения); актуальная (обусловленность активности взаимодействующих объектов их актуальным состоянием, особенностями ситуации взаимодействия и спецификой совершаемых действий); детерминация типа обратной связи, при которой следствие воздействует на вызвавшую его причину; статистическая (возможность получения различных следствий при действии одной и той же причины, обусловленных вероятностными закономерностями) и др. Наибольшее внимание в науке уделялось и до сих пор уделяется причинной и статистической детерминациям как альтернативным принципам организации мира [9].

Причинная детерминация — наиболее понятный вид обусловленности. Причина есть фактор, порождающий следствие. Четкое оформление принципу придал П. С. Лаплас (1749—1827). Он сформулировал механистический вариант детерминизма, базирующийся на динамических законах ньютоновской механики и приводящий к отождествлению причинности с необходимостью и отрицанию объективного характера случайности. Согласно лапласовскому (динамическому) детерминизму, значение координат и импульсов всех частей и элементов Вселенной в данный момент времени однозначно определяет ее состояние в любой прошедший и будущий момент. Лапласовский детерминизм неплохо отражает положение дел на макроскопическом

уровне организации мира (в том числе внутреннего субъективного мира). Физики считают, что в макропроцессах статистический элемент атомной физики, вообще говоря, не играет роли, поскольку статистические законы дают для этих процессов столь большую степень вероятности, что их можно считать практически детерминированными. Но с переходом на экстремальные микро- и мегауровни организации мира приходится констатировать доминирование случайности над строгой однозначной причинностью [10, 12].

Статистическая (вероятностная) детерминация. Исследования в квантовой физике показали невозможность переноса принципа строгой причинности в область микромира. Суть статистической детерминации раскрывается в следующих высказываниях физиков. В разных сферах жизни атома — в поведении ядра и в поведении электронов — проступала общая черта: существование набора возможностей, разрешенных природой, вместо одного-единственного варианта. Это противоречило классическому ожиданию одинакового поведения в одинаковых условиях. Это противоречило требованию однозначности хода физических событий.

Во второй половине XX века в науке постепенно формируется мнение, что как динамическая (строго причинная), так и статистическая (вероятностная) детерминация являются специфическими проявлениями закона причинности.

Принцип относительности указывает на зависимость любых свойств объектов реальности от их движения. Здесь надо напомнить два обстоятельства. Во-первых, что свойство объекта есть результат проявления имманентно присутствующего этому объекту качества при его взаимодействии с другими объектами реальности. Во-вторых, движение как способ существования материи в самом общем виде есть любые изменения как результат взаимодействия материальных объектов.

Принцип системности — это методологическое направление в изучении реальности, рассматривающее любой ее фрагмент как систему. Система есть некоторая целостность, взаимодействующая с окружающей средой и состоящая из множества элементов и частей, находящихся между собой в некоторых отношениях и связях. Система как целое синтезирует свойства частей и элементов, в результате чего она обладает свойствами более высокого уровня организации, которые во взаимодействии с другими системами могут представлять как ее функции. Системные исследования осуществляются с помощью системных анализа и синтеза. В процес-

се анализа система выделяется из среды, определяются ее состав, структура, функции, интегральные свойства и характеристики, системообразующие факторы, взаимосвязи со средой. В процессе синтеза создается модель реальной системы, повышается уровень обобщения и абстракции описания системы, определяется полнота ее состава и структуры, закономерности ее развития и поведения [3, 8].

Баранец Н. Г. среди общенаучных методологических принципов выделяет следующие.

Принцип инвариантности выражает требование сохранения свойств и отношений в процессе преобразования, сочетание вариативных и инвариантных элементов теории. Например, законы движения в классической механике инвариантны относительно пространственно-временных преобразований Галилея, законы движения в теории относительности при преобразованиях Лоренца. При переходе от старой теории к новой прежнее свойство инвариантности или остается, или обобщается, но не отбрасывается. Инвариантность вытекает из материального единства мира, из принципиальной однородности физических объектов и свойств [2].

Принцип соответствия состоит в том, что с появлением новых, более общих теорий прежние концепции сохраняют свое значение для прежней предметной области, но выступают как частный случай новых теорий. Благодаря этому возможны обратный переход от последующей теории к предыдущей, их совпадение в некоторой предельной области, где различия между ними оказываются несущественными. Например, законы квантовой механики переходят в законы классической механики, когда можно пренебречь величиной кванта действия, законы теории относительности переходят в законы классической механики при условии, если скорость света считать бесконечной. Закономерная связь старых и новых теорий проистекает из внутреннего единства качественно различных уровней материи [2].

Принцип дополнительности является установкой исследовательской практики, предполагающей для воспроизведения целостности явления на определенном, «промежуточном» этапе его познания применять взаимоисключающие и взаимоограничивающие друг друга «дополнительные» классы понятий, которые могут использоваться обособленно в зависимости от особых (экспериментальных) условий, но только взятые вместе исчерпывают всю поддающуюся определению и передаче информацию. Принцип дополнительности был сформулирован Н. Бором

для описания микрообъектов (согласно ему получение экспериментальной информации об одних физических величинах, описывающих микрообъект, неизбежно связано с потерей информации о некоторых других величинах, дополнительных к первым) [2].

Принцип наблюдаемости — это методологическое требование к научной теории иметь эмпирическое обоснование, применять такие величины и понятия, которые операциональны и допускают опытную проверку, остальные должны быть изъяты. Г. А. Гамов написал в 1927 году: «Начало принципиальной наблюдаемости гласит: при построении физической теории можно пользоваться лишь величинами принципиально наблюдаемыми. Если в теории обнаруживается присутствие принципиально ненаблюдаемой величины, то теория должна быть перестроена на новых началах так, чтобы в новом виде она не содержала этой величины». Это требование никогда жестко не реализовалось в науке, потому что ненаблюдаемые величины могут выполнять конструктивно-вспомогательную роль и не всегда могут быть четко отличаемы от наблюдаемых. Принцип наблюдаемости, в связи с формированием понимания того, что теория не является индуктивным обобщением наблюдаемых фактов, существенно уточнился. Как сказал А. Эйнштейн в беседе с В. Гейзенбергом: «Сможете ли вы наблюдать данное явление, будет зависеть от того, какой теорией вы пользуетесь. Теория определяет, что именно можно наблюдать» [2].

Сорокин А. И. полагает, что термин «принцип» (от лат. *principium*) означает «начало», «основа». Принципы — это исходные, коренные положения какой-либо теории, учения или науки. Они могут быть субъективным отражением объективных закономерностей природы и общества или организующими началами человеческой деятельности [15]. С углублением знания в той или иной области принципы развиваются, совершенствуются, конкретизируются, превращаются в методологические концепции. Поэтому система принципов никогда не может быть завершена. Она всегда остается открытой для дополнений, изменений, основанных на все новом опыте, его анализе, осмыслении, обобщении.

Ученый выделяет ряд общенаучных методологических принципов. Принцип системности получил свое логическое завершение в общей теории систем [16]. По характеру взаимоотношений с внешней средой системы бывают закрытые (замкнутые) и открытые. Замкнутым системам свойственны жесткая детерминиро-

ванность, линейность развития, равновесность и устойчивость. Открытым системам присущ стохастический характер процессов, в которых случайностям отводятся определяющие позиции. Управление такими открытыми системами, как, например, социальные организации, предполагает выработку оптимального решения на основе плюралистического подхода. Жесткий директивный характер управления здесь возможен лишь как частный случай при проработке множества вариантов принятия управленческих решений [1, 4].

В условиях неравновесных открытых систем решающее значение приобретает принцип самоорганизации систем, который развивается в рамках синергетической концепции. Универсальность явления самоорганизации стала научным фактом. Было установлено, что как в живых организмах, так и в физических и химических системах при подводе к ним вещества и энергии из хаотических состояний могут возникнуть высокоупорядоченные пространственные, временные или пространственно-временные структуры. В изучение явлений самоорганизации втягивается все больше научных направлений — кибернетика, общая теория систем, биология, социология, менеджмент и другие. Интегрирует эти науки синергетика, которая исследует совместное действие разнообразных подсистем, в результате чего возникают более совершенные структуры, происходит самоорганизация в функционировании уже существующих систем. Синергетика рассматривает самоорганизацию как спонтанное упорядочение хаотических, нелинейных процессов в системах, далеких от равновесия. Она стремительно завоевывает признание в научном мире, становится не только теорией самоорганизации, но и новой парадигмой, новым научным мировоззрением, новой теорией бытия, охватывающей вопросы эволюции Вселенной, генезиса и функционирования сложных био- и социосистем [5, 15]. Социальные системы и протекающие в них процессы также можно рассматривать с позиций неравновесной нелинейности. Когда в общественной жизни накапливаются многочисленные

случайные отклонения от состояния равновесия, тогда под их влиянием система входит в состояние качественного изменения — старые связи утрачивают свою силу, а будущие состояния становятся многовариантными и непредсказуемыми однозначно [6].

Принцип вероятности может характеризовать поведение как природных, так и социальных систем. Он означает, что будущее состояние системы можно предсказать лишь с определенной степенью вероятности, а не однозначно. Так, исторический процесс развития общества не предопределен и не запрограммирован — он вероятностен, его вероятностная природа проявляется в многовариантности развития. Ошибки в выборе направления развития дорого стоят: они могут привести к потере перспективы или постановке эфемерных задач, а могут и к огромным потерям (людским, материальным, временным) [15].

Принцип развития к концу XX века перерос в концепцию универсального эволюционизма, пытающегося вскрыть общие закономерности в механизме эволюции разных природных систем. Универсальным принципом эволюции в дарвинской теории биологической эволюции считался естественный отбор. Согласно современной точке зрения, отбор не способствует новообразованию, он лишь выполняет роль сита, отсортировывая формы, уже возникшие под влиянием мутации или других механизмов.

Поиск и учет самоорганизационных начал становится чрезвычайно важным в управлении социальными организмами — системами. Здесь принцип самоорганизации может рассматриваться как принцип саморегулирования. В отличие от обычных регулирующих устройств в технических детерминированных системах, способных обеспечить их устойчивость только в заданном диапазоне изменений параметров, саморегулирование может менять стратегию приспособления, решая задачи регулирования, которые не были заранее сформулированы или заданы. Это означает, что способность к саморегулированию открывает возможности для саморазвития системы, т. е. приобретения ею новых качеств.

Литература

1. Авилова В. В. От региональной экономики к экономике инноваций: преемственность задач и перспективные направления современных научных экономических исследований в сфере управления инновационным развитием / В. В. Авилова, М. В. Егорова, А. И. Шинкевич // Вестн. Казанского технологического ун-та. — 2010. — № 4. — С. 250—266.
2. Баранец Н. Г. Философия науки / Н. Г. Баранец. — Ульяновск : Вектор-С, 2011.
3. Блауберг И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. — М. : Наука, 1973. — 270 с.

4. Бурганова Л. А. Ревизия ценностей науки управления / Л. А. Бурганова // Вестн. Казанского технологического ун-та. — 2011. — С. 212—219.
5. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — С. 483.
6. Колбасин А. М. Принципы управления качеством инновационных проектов / А. М. Колбасин // Экономика и экономические науки. — 2013. — С. 103—105.
7. Лебедев С. А. Философия науки : краткая энцикл. / С. А. Лебедев. — М. : Академический проект, 2008. — 691 с.
8. Македонская В. В. Общенаучные принципы познания как методологические основы психологии / В. В. Македонская, В. В. Никандров // Вестн. С.-Петерб. ун-та. — 2008. — Вып. 1. — Сер. 12. — С. 179.
9. Македонская В. В. Общенаучные принципы познания как методологические основы психологии / В. В. Македонская, В. В. Никандров // Вестн. С.-Петерб. ун-та. — 2008. — Вып. 1. — Сер. 12. — С. 176—186.
10. Мальковская И. А. Трансформация государства и эволюция публичного администрирования в условиях глобализации (актуализация европейского опыта для России) / И. А. Мальковская // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. — Сер. Политология. — 2006. — № 8. — С. 28.
11. Методология в сфере теории и практики. — Новосибирск : Наука, 1988. — 305 с.
12. Набиев Р. А. Научно-методические подходы к управлению качеством проектной продукции / Р. А. Набиев, А. Г. Алибеков // Вестн. Астраханского гос. технического ун-та. — Сер. Экономика. — 2010.
13. Овчинников Н. Ф. Принципы теоретизации знания / Н. Ф. Овчинников. — М., 1996. — 214 с.
14. Симанов А. Л. Методологические принципы физики: общее и особенное / А. Л. Симанов, А. Стригачев. — Новосибирск : Наука, 1992. — 222 с.
15. Сорокин А. И. Общенаучные методологические принципы и концепции познавательной и практической деятельности / А. И. Сорокин // Вестн. Новгородского гос. ун-та. — 2004. — № 27.
16. Сорокин А. И. Философские вопросы физики и космологии / А. И. Сорокин. — Великий Новгород, 2003. — С. 44—48.

GENERAL SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PRINCIPLES*

V. B. Salakhova

Centre for Protection of Rights of Children (Moscow, Russia)
 valentina_nauka@mail.ru

I. I. Khabibullin

Moscow Polytechnic University (Moscow, Russia)
 ilnur08ru@mail.ru

Recently, the interest of specialists in quality management to the methodological basis of their science has significantly increased. This surge of interest is caused by the apparent delay for the given community of the theoretical elaboration of avalanche-like accumulated empirical material. As a result, the effectiveness of empirical research itself is also decreasing, since it becomes more difficult to articulate their initial hypotheses, to give scientifically grounded explanations for the effects obtained in the experiment, to predict the development of certain phenomena, and, in the end, to offer recommendations adequate to the problems to be solved in the applied and practical sectors of management quality. However, the storming of the theoretical heights of quality management must be supported by the general scientific foundations of the methodology of cognition. It is especially important to know the general principles of cognition and their concretization in management. This article presents a phenomenological analysis of the problem of methodological scientific principles, provides a meaningful definition of methodological principles and presents their classification.

Key words: general scientific methodological principles, phenomenological analysis, project management.

*The article has been written within the state assignment done at the Federal State Budgetary Research Institution "Centre for Protection of Rights of Children" for 2018, № 25.12634.2018/12.1.

References

1. Avilova V. V., Egorova M. V., Shinkevich A. I. (2010) Ot regionalnoy ekonomiki k ekonomike innovatsiy: preemstvennost zadach i perspektivnye napravleniya sovremennyh nauchnyh ekonomicheskikh issledovaniy v sfere upravleniya innovatsionnym razvitiem [From the Regional Economy to the Economy of Innovation: Continuity of Problems and Prospective Directions of Modern Scientific Economic Research in the Sphere of Innovative Development Management]. Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta, (4), p. 250—266.
2. Baranets N. G. (2011) Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. Ulyanovsk: Vector-C.
3. Blauberger I. V., Yudin E. G. (1937) Stanovlenie i sushchnost sistemnogo podhoda [Formation and essence of the system approach]. Moscow: Nauka, 270 p.
4. Burganova L. A. (2011) Reviziya tsennostey nauki upravleniya [Audit of the values of management science]. Vestnik Kazanskogo Tekhnologicheskogo universiteta, p. 212—219.
5. Giddens E. (1999) Sotsiologiya [Sociology]. Moscow: Editorial URSS, p. 483.
6. Kolbasin A. M. (2013) Printsipy uoravleniya kachestvom innovatsionnyh proektov [Principles of Quality Management of Innovative Projects]. Ekonomika i ekonomicheskie nauki, p. 103—105.

7. Lebedev S. A. (2008) *Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya* [Philosophy of Science: a short encyclical]. Moscow: Academ. project, 691 p.
8. Makdonskaya V. V., Nikandrov V. V. (2008) *Obshchenauchnye printsipy poznaniya kak metodologicheskie osnovy psihologii* [General scientific principles of knowledge as the methodological basis of psychology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 1(12), p. 179.
9. Makdonskaya V. V., Nikandrov V. V. (2008) *Obshchenauchnye printsipy poznaniya kak metodologicheskie osnovy psihologii* [General scientific principles of knowledge as the methodological basis of psychology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 1(12), p. 176—186.
10. Malkovskaya I. A. (2006) *Transformatsiya gosudarstva i evolyutsiya publichnogo administrirovaniya v usloviyah globalizatsii (Aktualizatsiya evropeyskogo opyta dlya Rossii)* [Transformation of the state and the evolution of public administration in the context of globalization (actualization of the European experience for Russia)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Series: Political science*, (8), p. 28.
11. *Metodologiya v sfere teorii i praktiki* [Methodology in the field of theory and practice]. Novosibirsk: Nauka, 1988, 305 p.
12. Nabiev R. A., Alibekov A. G. (2010) *Nauchno-metodicheskie podhody k upravleniyu kachestvom proektnoy produktsii* [Scientific-methodical approaches to quality management of project products]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Series: The Economy*.
13. Ovchinnikov N. F. (1996) *Printsipy teorizatsii znaniya* [Principles of knowledge theorizing]. Moscow, 214 p.
14. Simanov A. L., Strigachev A. (1992) *Metodologicheskie printsipy fiziki: obshchee i osobnoe* [Methodological principles of physics: general and special]. Novosibirsk: Nauka, 222 p.
15. Sorokin A. I. (2004) *Obshchenauchnye metodologicheskie printsipy i kontseptsii poznavatelnoy i prakticheskoy deyatelnosti* [General scientific methodological principles and concepts of cognitive and practical activity]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, (27).
16. Sorokin A. I. (2003) *Filosofskie voprosy fiziki i kosmologii* [Philosophical questions of physics and cosmology]. V. Novgorod, p. 44—48.

А. О. Седова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
ananasik-aos@mail.ru

С. Н. Митин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ, КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается проблема изучения вопросов творческого мышления, когнитивных стилей и копинг-стратегий у студенческой молодежи, актуальность которых определяется современным обществом и его социальным заказом, требующим от молодого специалиста творческой, нестандартности подхода, генерирования новых идей, что может помочь ему справиться с трудностями и разрешать стрессовые ситуации. С целью анализа взаимосвязи показателей творческого мышления, когнитивных стилей «Полезависимость-Полenezависимость» и стратегий совладающего поведения у студенческой молодежи было проведено эмпирическое исследование. В нем приняло участие 52 человека, среди них 26 студентов гуманитарного факультета и 26 студентов факультета математики. В качестве психодиагностического инструментария были выбраны методика Дж. Брунера на определение типов мышления и уровня креативности, тест «Включенные фигуры» К. Готтшальдта и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман. Интерпретация результатов данного исследования позволила сделать основные выводы: студенты-гуманитарии с развитым творческим мышлением ориентированы на внешние факторы, не стремятся избегать разрешения проблемы, но при столкновении с проблемной ситуацией первичная негативная реакция препятствует ее быстрому разрешению, тем самым давая им возможность грамотно спланировать и найти оптимальные выходы из этой стрессовой ситуации; творческие студенты-математики менее подвержены влиянию внешних факторов, обладают высоким контролем эмоциональной сферы, способны генерировать новые решения, что позволяет им предпринимать осознанные шаги к разрешению проблемы.

Ключевые слова: творческое мышление, когнитивные стили, полезависимость, полenezависимость, копинг-стратегии, способы совладающего поведения, студенческая молодежь, исследование взаимосвязи.

Сегодня все большую актуальность приобретает изучение проблемы творческого мышления, так как современному обществу необходим творческий специалист, который способен нестандартно подходить к решению проблемных вопросов, генерировать огромное количество новых идей, уходить от шаблонов и стандартных схем мышления, что подтверждает важную роль когнитивных процессов, с помощью которых человек воспринимает, организует и перерабатывает внешнюю информацию. Вместе с этим особое внимание уделяется изучению вопроса совладания человека со стрессовыми ситуациями, так как современный ритм жизни интенсивен, насыщен событиями и сопровождается возникновением постоянных проблем. Особенно это важно и значимо для студенческой молодежи, которая находится в стадии неопределенности, эмоциональных переживаний и личностного самоопределения. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время вопросы взаимосвязи творческого мышления,

когнитивных стилей и копинг-стратегий у студенческой молодежи находят большой отклик в обществе, они недостаточно изучены и, следовательно, нуждаются в более подробном исследовании.

Проблемами изучения творческого мышления ученые стали заниматься еще с начала XX века. Большинство работ по этой теме связано с именами зарубежных и отечественных психологов, таких как Дж. Гилфорд, Э. П. Торренс, Я. А. Пономарев, Д. Б. Богоявленская. Они понимали творческое мышление как функцию психики, умение оперативно решать поставленные задачи, быть нестандартным, независимым, уверенным в собственных силах; творческое мышление — это то, что присуще каждому человеку без исключения, но стоит отметить, что оно зависит от индивидуально-личностных качеств, мотивации, а также когнитивных свойств человека.

Когнитивные стили активно изучались с 50-х годов прошлого века зарубежными и оте-

чественными учеными, такими как Г. Уиткин, Г. Олпорт, Е. А. Климов, М. А. Холодная. Они рассматривали когнитивные стили как устойчивую систему способов познавательной деятельности, которая определяет способы мышления, восприятия и обработки информации, проявляющиеся при решении различных задач, в различных проблемных ситуациях. Так, люди с разным преобладанием того или иного когнитивного стиля, соответственно, будут иметь различные способы поведения и выхода из стрессовых ситуаций.

Проблемой стратегий совладающего поведения (копинг-стратегий) личности ученые стали заниматься со второй половины XX века. Большинство работ по этой теме связано с именами зарубежных и отечественных психологов, таких как Р. Лазарус, С. Фолкман, Л. И. Анцыферова, Т. Л. Крюкова. Они трактовали копинг-стратегии, или стратегии совладающего поведения, как способы преодоления трудностей — это действия по поддержанию гармонии между требованиями среды и ресурсами, которые удовлетворяют этим требованиям. В итоге человек снижает негативные последствия стрессовой ситуации или адаптируется к ней, не стараясь ее преодолеть.

Несмотря на обширную теоретическую базу исследования и пристальный интерес к феноменам творческого мышления, когнитивных стилей и копинг-стратегий, в психологической науке до

сих пор не рассматривался практический опыт изучения взаимосвязи этих элементов и влияния каждого из них друг на друга. Это говорит об актуальности данного вопроса и действительно представляет интерес для современной психологии.

Выборку нашего исследования составили студенты ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», общее количество испытуемых — 52 человека в возрасте от 17 до 21 года: 26 студентов факультета гуманитарных наук и социальных технологий и 26 студентов факультета математики, информационных и авиационных технологий. Каждый респондент прошел диагностику по трем методикам: методика на определение типов мышления и уровня креативности Дж. Брунера, тест «Включенные фигуры» К. Готтшальдта и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса.

С целью выявления взаимосвязи творческого мышления и копинг-стратегий у студентов факультета гуманитарных наук и социальных технологий и студентов факультета математики, информационных и авиационных технологий, нами был проведен корреляционный анализ результатов исследования. Для этого полученные данные были подвержены математическому анализу при помощи r -критерия Спирмена (см. рис. 1); критические значения критерия $r_s=0,39$ при $p \leq 0,05$ и $r_s=0,50$ при $p \leq 0,01$.

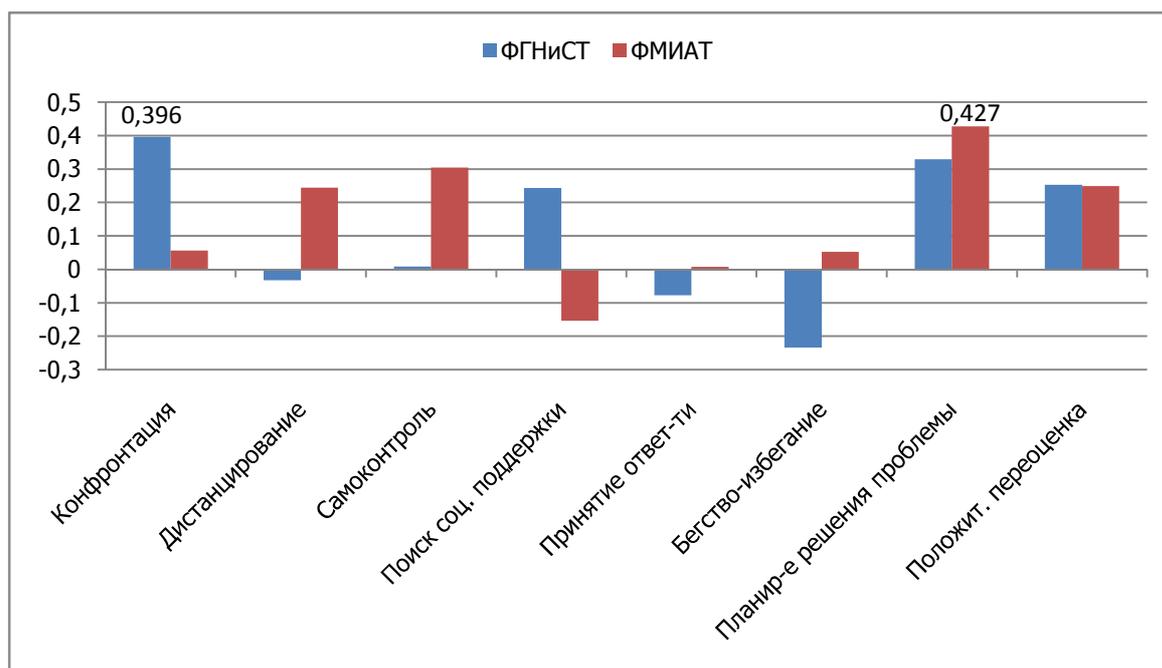

Рис. 1. Результаты корреляционного анализа между показателями творческого мышления и копинг-стратегиями

В результате был обнаружен значимый положительный коэффициент корреляции творческого мышления и копинг-стратегии «Конфронтация» ($r_s=0,396$ при $p \leq 0,05$) у студентов-гуманитариев. Это свидетельствует о том, что творческие люди реагируют или проявляют некоторую агрессивность по отношению к трудноразрешимой ситуации. Стоит отметить, что конфронтация — это эмоционально-фокусированная стратегия, то есть она касается эмоционального реагирования на проблему, а творческие люди отличаются наличием спонтанных реакций и эмоциональной подвижностью. Такому человеку сложно планировать собственное поведение, предугадывать исход ситуации, иногда он поступает необдуманно и неразумно. Вероятно, после эмоционального всплеска и яркой реакции на ситуацию творческий человек сможет направить свою энергию на социально одобряемые действия, раскрыть потенциал и реализовать природные способности. Таким образом, чем выше уровень творчности человека, тем скорее он при разрешении трудных жизненных ситуаций будет реагировать агрессивно.

Также была обнаружена значимая положительная корреляция творческого мышления и копинг-стратегий «Планирование решения проблемы» ($r_s=0,427$ при $p \leq 0,05$) у студентов-математиков. Такой показатель свидетельствует о том, что данные творческие личности анализируют стрессовую ситуацию, а действуют с учетом пережитого опыта и имеющихся у человека ресурсов. Копинг-стратегия «Планирование решения проблемы» — проблемно-ориентированная стратегия — связана с рациональным анализом стрессовой ситуации и способствует ее конструк-

тивному разрешению. Необходимо отметить, что люди с высоким показателем творческого мышления независимы от чужого мнения, опираются на собственные силы, инициативны, настойчивы, что помогает им предпринимать осознанные шаги к разрешению трудной жизненной ситуации. Также творческим людям свойственно находить новые и нестандартные решения проблемных вопросов, генерировать новые идеи, поэтому у них больше возможностей найти оптимальный выход из сложившейся ситуации.

Далее наш анализ был посвящен взаимосвязи уровней творческого мышления и когнитивных стилей «Полезависимость» и «Полenezависимость». Для этого полученные данные также были подвержены математическому анализу при помощи t -критерия Спирмена (см. рис. 2). Согласно результатам, у студентов факультета гуманитарных наук и социальных технологий выражен отрицательный или обратно пропорциональный коэффициент корреляции по шкале «Полезависимость» ($r_s=-0,099$), это говорит о том, что один из показателей может увеличиваться, в то время как другой уменьшаться, а по шкале «Полenezависимость» выражен положительный коэффициент корреляции ($r_s=0,178$). Однако эти показатели не достигают уровня статистической значимости, что говорит о незначимой корреляции. У студентов факультета математики, информационных и авиационных технологий по шкалам «Полезависимость» и «Полenezависимость» наблюдается обратно пропорциональный коэффициент корреляции ($r_s=-0,316$ и $r_s=-0,094$ соответственно), эти показатели также не достигают уровня статистической значимости.

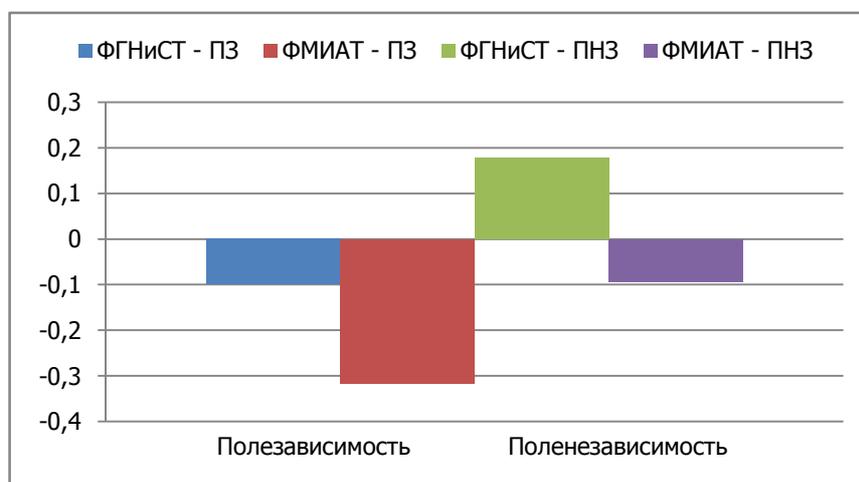

Рис. 2. Результаты корреляционного анализа между показателем творческого мышления и когнитивными стилями «Полезависимость» и «Полenezависимость»

Дальнейший анализ был посвящен взаимосвязи когнитивных стилей «Полезависимость-Полезависимость» и копинг-стратегий. Для

этого полученные данные были подвержены математическому анализу при помощи t -критерия Спирмена (см. рис. 3).

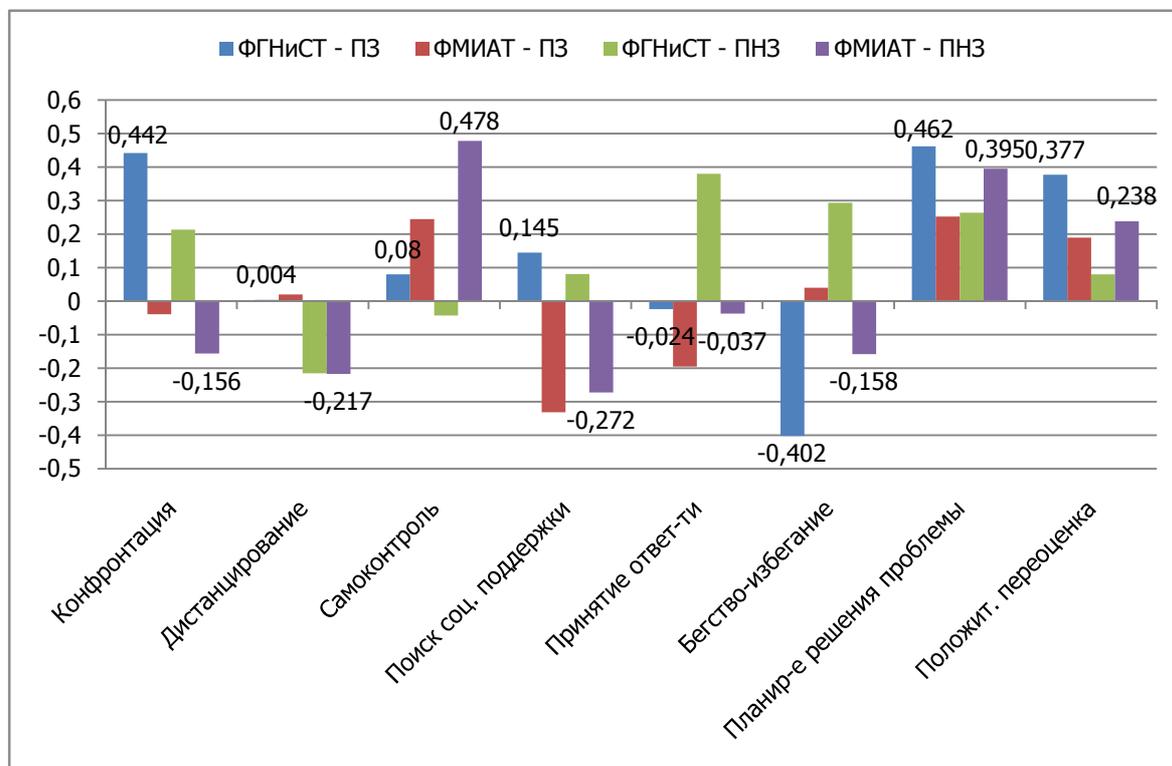

Рис. 3. Результаты корреляционного анализа между когнитивными стилями «Полезависимость» и «Полезависимость» и копинг-стратегиями

В результате у студентов гуманитарного факультета была обнаружена значимая положительная корреляция когнитивного стиля «Полезависимость» и копинг-стратегии «Конфронтация» ($r_s=0,442$ при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что такие люди ориентированы на внешние факторы, обладают социальными навыками, легко взаимодействуют с окружающими, более чувствительны по отношению к другим людям. Но в процессе общения могут проявлять чрезмерную упертость, отрицательные эмоциональные реакции, выражать свое мнение и активно отстаивать его, создавая конфликтную и стрессовую для себя ситуацию. Следовательно, в данном случае конфронтация не будет являться решением проблемы, а только некой психологической разрядкой, снятием психоэмоционального напряжения.

Также значимая положительная корреляция когнитивного стиля «Полезависимость» была обнаружена по показателю копинг-стратегии «Планирование решения проблемы» ($r_s=0,462$ при $p \leq 0,05$). Данная стратегия рассматривается

психологами как адаптивная, она способствует конструктивному разрешению трудностей. Это может говорить о хороших навыках социального взаимодействия, общительности, доверия и эмпатии к окружающим, дает возможность наладить новые контакты и знакомства, что позволяет на основе имеющегося социального опыта вырабатывать определенный план по выходу из сложившейся ситуации. Но такой человек, вероятно, зависим от группы, часто прислушивается к мнению окружающих, следовательно, в поиске оптимальных решений ему могут помочь близкие, друзья, авторитетные личности, те люди, которым он доверяет.

Отрицательная взаимосвязь когнитивного стиля «Полезависимость» была обнаружена по показателю копинг-стратегии «Бегство-избегание» ($r_s=-0,402$ при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что данные переменные изменяются обратно пропорционально: если одна увеличивается, то другая уменьшается и наоборот. Соответственно, студенты с ярко выраженной полезависимостью стремятся к самообладанию,

имеют высокий контроль поведения, готовы нести ответственность за свои действия, следовательно, они не избегают решения проблем, умеют налаживать социальные контакты, отстаивать собственные интересы и справляться со стрессом в сложной ситуации. Менее выражена полнезависимость у тех студентов, которые при общении с людьми проявляют осторожность и нерешительность, не зависят от мнения окружающих, вероятно, имеют психологические барьеры, следовательно, уклоняются от разрешения проблемы, возможно полное игнорирование, некорректная оценка происходящего, уход от ответственности, пассивность и сохранение дистанции с участниками конфликта.

У студентов факультета математики была выявлена значимая положительная корреляция между когнитивным стилем «Полнезависимость» и копинг-стратегией «Самоконтроль» ($r_s=0,478$ при $p \leq 0,05$). Полнезависимые студенты склонны проявлять самостоятельность, критичны и требовательны к себе и другим, целенаправленно сохраняют дистанцию при общении с окружающими, поэтому в меньшей степени подвержены влиянию внешних факторов, а также хорошо скрывают свои чувства и эмоции, которые они переживают в связи с трудной ситуацией. Следовательно, они независимы, дисциплинированы, обладают высоким самоконтролем, проявляемая ими сдержанность помогает сбросить эмоциональную энергию и перенаправить ее на эффективное разрешение проблемной ситуации.

Также у студентов-математиков была обнаружена значимая положительная корреляция когнитивного стиля «Полнезависимость» и копинг-стратегии «Планирование решения проблемы» ($r_s=0,395$ при $p \leq 0,05$). Студенты с выраженной полнезависимостью обладают высоким интеллектом, умеют контролировать и сдерживать свои эмоции, сосредоточены на поиске, способны генерировать новые решения и вырабатывать стратегии преодоления трудной жизненной ситуации, предпочитают самостоятельно анализировать проблему и прогнозировать последствия своих действий. Следовательно, они имеют больше возможностей найти наиболее приемлемый выход из проблемной ситуации, их отличает большая продолжительность подготовительных и контрольных действий по разрешению проблемы, они намного реже используют эмоционально-ориентированные копинг-стратегии, что способствует наиболее конструктивному и продуктивному разрешению проблемы.

Анализируя выявленные взаимосвязи творческого мышления, когнитивных стилей и копинг-стратегий студентов гуманитарного факультета и факультета математики, можно говорить о том, что связи носят как положительный, так и отрицательный характер.

В частности, показатели творческого мышления у студентов-гуманитариев коррелируют с конфронтационным копингом, а у студентов-математиков — с копингом, направленным на планирование разрешения стрессовой ситуации. Это свидетельствует о том, что творчески развитые студенты гуманитарного факультета эмоционально и конфронтационно реагируют на проблемные ситуации, стремясь к их быстрому разрешению; студенты факультета математики с развитым творческим мышлением планомерно подходят к решению ситуаций стресса, они анализируют возможности и вероятные результаты своих действий.

Когнитивные стили «Полнезависимость-Полнезависимость» и показатели творческого мышления не зависят друг от друга, полученные результаты свидетельствуют о незначимой корреляции этих переменных у студентов-гуманитариев и студентов-математиков. Это может быть связано с рядом причин: специфика выборки, недостаточное количество респондентов, что не позволило нам получить статистически значимые результаты.

Также когнитивные стили «Полнезависимость-Полнезависимость» у студентов гуманитарного факультета коррелируют с копингами «Конфронтация» и «Планирование решения проблемы», а также отрицательно взаимосвязаны с копингом «Бегство-избегание». Это свидетельствует о том, что у студентов-гуманитариев хорошо развиты социальные навыки, они ориентированы на внешние факторы, эмоционально нестабильны, что порождает конфронтацию по отношению к другим участникам проблемы, часто зависимы от группы, при решении сложных ситуаций прислушиваются к авторитетному мнению. Тогда как у студентов-математиков когнитивные стили коррелируют с копингами «Самоконтроль» и «Планирование решения проблемы». Это говорит о том, что студенты-математики при общении с окружающими осторожны, независимы, менее подвержены эмоциональным вспышкам, обладают самоконтролем, критичны, требовательны, способны нести ответственность за свои действия, что помогает им максимально грамотно планировать и прогнозировать наиболее эффективные выходы из сложившейся стрессовой ситуации.

Таким образом, результаты нашей работы отчасти подтвердили разработки и исследования других авторов о том, что наблюдается

взаимосвязь между показателями творческого мышления, когнитивными стилями и способами совладающего поведения.

Литература

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журн. — 1994. — № 1. — С. 3—18.
2. Ахтамьянова И. И. Взаимосвязь когнитивных стилей и типов мышления у школьников / И. И. Ахтамьянова, Л. Р. Ситдикова // Вестн. Башкирского гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы. — 2017. — № 3. — С. 36—43.
3. Вакарев Е. С. Взаимосвязь когнитивных стилей и креативности личности / Е. С. Вакарев // Проблемы современного педагогического образования. — 2015. — № 49-1. — С. 347—355.
4. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления / под ред. А. М. Матюшкина. — М.: Прогресс, 2015. — С. 433—456.
5. Крюкова Т. Л. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Т. Л. Крюкова, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. — 474 с. (Интеграция академической и университетской психологии).
6. Саидова З. Х. Основные направления исследования творческого мышления в отечественной и зарубежной психологии / З. Х. Саидова // Молодой ученый. — 2015. — № 23. — С. 901—905. — URL: <https://moluch.ru/archive/103/23770> (дата обращения: 25.03.2018).
7. Холодная М. А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума / М. А. Холодная. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 384 с.
8. Чернецкая Н. И. Творческое мышление как высшая форма мышления / Н. И. Чернецкая // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 3: Педагогика и психология. — 2009. — № 2. — С. 225—230.
9. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, appraisal and coping / R. S. Lazarus, S. Folkman. — N. Y.: Springer Publishing, 1984. — 445 p.
10. Torrance E. P. The Manifesto: A Guide to Developing a Creative Career / E. P. Torrance. — N. Y.: Ablex Publishing, 2006. — 149 p.
11. Witkin H. A., Goodenough D. R. Cognitive Styles: Essence and Origins: Field Dependence and Field Independence / H. A. Witkin, D. R. Goodenough. — N. Y.: International Universities Press, 1981. — 135 p.

INTERRELATION OF CREATIVE THINKING, COGNITIVE STYLES AND COPING STRATEGIES OF STUDENTS

A. O. Sedova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
anasik-aos@mail.ru

S. N. Mitin

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

The article studies the issue of creative thinking, cognitive styles and coping strategies among students, the relevance of which is determined by modern society and social order that requires from a young specialist creativity, non-standard approach, generating new ideas that can help him overcome difficulties and resolve stressful situations. In order to analyze the correlation between the indicators of creative thinking, cognitive styles «field dependence-field independence» and the strategies of coping behavior of students, an empirical study was conducted. The empirical study was attended by 52 people, including 26 students of the faculty of humanities and 26 students of the faculty of mathematics. As a psycho-diagnostic instrumentation were chosen the methodology of J. Bruner to determine the types of thinking and the level of creativity, Gottschaldt's Hidden Figure Test and «Ways of Coping Questionnaire» by R. Lazarus and S. Folkman. The interpretation of the results of this research has allowed to draw the main conclusions: students-humanitarians with developed creative thinking are focused on external factors who do not strive to solve the problem, but when faced with a problem situation, primary negative reaction interferes with its fast solution, thereby, giving them the opportunity to plan and find the best solutions to this stressful situation; creative students-mathematicians are less affected by external factors, have a high control of the emotional sphere, that they're able to generate new decisions that allows them to take conscious steps to solve the problem.

Key words: creative thinking, cognitive styles, field dependence, field independence, coping strategies, ways of coping, students, research of interrelation.

References

1. Antsyferova L. I. (1994) Lichnost v trudnyh zhiznennyh usloviyah: ghtjcvyslenie, preobrazovanie situatsiy i psihologicheskaya zashchita [Personality in difficult life conditions: reconsideration, transformation of situations and psychological protection]. Psihologicheskiy zhurnal, (1), p. 3—18.

2. Akhtamjanova I. I., Sitdikova L. R. (2017) Vzaimosvyaz kognitivnyh stiley i tipov myshleniya u shkolnikov [The interrelation of cognitive styles and types of thinking of pupils]. Vestnik of Bashkir State Teacher Training University named after M. Akmulla, (3), p. 36—43.
3. Vakarev E. S. (2015) Vzaimosvyaz kognitivnyh stiley i kreativnosti lichnosti [The interrelation of cognitive styles and creativity of the personality]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya, (49-1), p. 347—355.
4. Gilford J. (2015) Tri storony intellekta [Three parties of intelligence]. Psychology of thinking. Moscow: Progress, p. 433—456.
5. Kryukova T. L., Zhuravlev A. L., Sergienko E. A. (2008) Sovladayushchee povedenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Coping behavior: current state and prospects]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of RAS", 474 p. (Integration of academic and university psychology).
6. Saidova Z. H. (2015) Osnovnye napravleniya issledovaniya tvorcheskogo myshleniya v otechestvennoy i zarubezhnoy psihologii [The main directions of research of creative thinking in domestic and foreign psychology]. Molodoy uchenyj, (23), p. 901—905. URL: <https://moluch.ru/archive/103/23770> (accessed: 25.03.2018).
7. Holodnaya M. A. (2004) Kognitivnye stili: o prirode individualnogo uma [Cognitive styles: About the nature of individual mind. 2nd prod.]. St. Petersburg: Piter, 384 p.
8. Chernetskaya N. I. (2009) Tvorcheskoe myshlenie kak vysshaya forma myshleniya [Creative thinking as the highest form of thinking]. Vestnik of Adygei State University. Series 3: Pedagogy and psychology, (2), p. 225—230.
9. Lazarus R. S., Folkman S. (1984) Stress, appraisal and coping. N. Y.: Springer Publishing, 445 p.
10. Torrance E. P. (2006) The Manifesto: A Guide to Developing a Creative Career. N. Y.: Ablex Publishing, 149 p.
11. Witkin H. A., Goodenough D. R. (1981) Cognitive Styles: Essence and Origins: Field Dependence and Field Independence. N. Y.: International Universities Press, 135 p.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

А. В. Романова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
a_romanova@bk.ru

Д. Е. Курушина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
kurushina.darya@bk.ru

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ НА ИНФЛЯЦИЮ

Для реализации цели деятельности Центрального банка — обеспечение устойчивости национальной валюты — Банком России введен режим таргетирования инфляции. Основным инструментом инфляционного таргетирования становится ключевая ставка. В статье рассматривается механизм влияния ключевой ставки на инфляцию, исследуется реакция банковской системы на повышение ключевой ставки в целях сдерживания инфляционных процессов. Наиболее ожидаемой реакцией рынка является изменение в сторону увеличения процентных ставок по банковским депозитам и сужение, вследствие повышения ссудного процента, объема предоставленных кредитов. Последствия решения от 14 сентября о повышении ключевой ставки до 7,5 % немедленно отразились на депозитных ставках в сторону их повышения. Изменение ставок по ссудным операциям, так же как и обращение за рефинансированием в Центральный банк, демонстрирует неоднозначную тенденцию. Центральный банк будет оценивать целесообразность дальнейшего повышения ключевой ставки, принимая во внимание динамику инфляции и экономики относительно прогноза, а также учитывая риски со стороны внешних условий и реакции на них финансовых рынков. Особое внимание в статье уделено возрастающей роли немонетарных факторов инфляции. Из проведенного исследования становится очевидной необходимость применения монетарных методов в комплексе с инструментами немонетарной политики.

Ключевые слова: ключевая ставка, банк, инфляция, регулирование, денежно-кредитная политика.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно одним из активно используемых инструментов денежно-кредитного регулирования в любой стране служат процентные ставки. В России данный показатель был введен в 2013 году, установлен на уровне 5,5 %, при этом действенным инструментом оставалась ставка рефинансирования. С 2014 года, в рамках перехода к инфляционному таргетированию, Банк России меняет вид используемой для регулирования процентной ставки, повсеместно применяется ключевая ставка.

МАТЕРИАЛЫ/МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе исследования были использованы системный подход, аналитические и сравнительные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Ключевая ставка оказывает непосредственное воздействие на инфляционные процессы. Главная причина инфляции — появление в экономике «лишней» денежной массы, а повышение ключевой ставки способствует оттоку этих

«лишних» денег из экономики. Повышаются проценты по кредитам, вследствие этого снижается потребление и спрос, создается тренд на сбережения. В результате происходит снижение цен и ослабление инфляции. А снижение ключевой ставки в свою очередь приводит к увеличению спроса и потребления и, как следствие, усилению инфляции из-за прироста денежной массы.

В таблице 1 представлены изменения ключевой ставки в РФ и соответствующие колебания инфляции [11].

Таблица 1
Динамика изменения ключевой ставки и инфляции за 2015—2018 гг. (%)

Период	Изменение ключевой ставки	Изменение уровня инфляции
Февраль 2015 г.	-2	+1,74
Июнь 2015 г.	-1	+0,35
Июнь 2016 г.	-0,5	+0,18
Май 2017 г.	-0,5	+0,26
Февраль 2018 г.	-0,25	+0,16
Март 2018 г.	-0,25	+0,05

Анализ данных таблицы подтверждает взаимосвязь снижения ключевой ставки и роста инфляции.

14 сентября 2018 года Банк России впервые с декабря 2014 года повысил ключевую ставку. На сегодняшний момент она составляет 7,5 %. Данное решение связано с тем, что рост инфляции до целевых 4 % происходит быстрее, чем ожидалось. Годовые темпы прироста потребительских цен увеличились до 3,1 % в августе, тем самым превысив прогноз Банка России. Баланс рисков еще более сместился в сторону проинфляционных рисков. Согласно пессимистическому прогнозу, темп инфляции в 2019 году может достигнуть 5—5,5 % [10]. ЦБ будет оценивать целесообразность дальнейшего повышения ключевой ставки, принимая во внимание динамику инфляции и экономики относительно прогноза, а также учитывая риски со стороны внешних условий и реакции на них финансовых рынков.

Наиболее ожидаемой реакцией рынка является изменение в сторону увеличения процентных ставок по банковским депозитам и сужение, вследствие повышения ссудного процента, объема предоставленных кредитов. Последствия решения от 14 сентября немедленно отразились на депозитных ставках: 14 сентября Бинбанк

поднял ставки по рублёвым вкладам, 17 сентября — Джей энд Ти Банк, Банк «Авангард», Тинькофф Банк, Запсибкомбанк, Алтынбанк, Кетовский Коммерческий Банк, 18 сентября — УБРиР, Банк «Санкт-Петербург», «Русский Стандарт», Банк «ФК Открытие», далее присоединились и Газпромбанк, Альфа-банк, региональные банки: Нижегородский банк «Ассоциация», Калужский Газэнергобанк и многие другие также повысили ставки по вкладам в рублях и валюте.

Однако реакция банков на кредитном рынке при изменении ключевой ставки оказывается менее предсказуемой. Классический механизм должен приводить к активизации кредитных процессов при снижении ключевой ставки. Так, в 2017 году, по сравнению с 2016 годом, несмотря на снижение ключевой ставки, в структуре привлеченных средств произошло замещение централизованных кредитов другими источниками, в частности вкладами физических лиц (по данным Банка России, 2,4 против 3,4 % и 30,5 против 30,2 %). Обращение банков за рефинансированием в Банк России показывает неоднозначную тенденцию (см. табл. 2). Если Альфа-банк и Райффайзенбанк демонстрируют классическую реакцию: снижение — повышение, то у Россельхозбанка разнонаправленное движение, у Газпромбанка — обратное.

Таблица 2
Объем кредитов ЦБ, выданных крупнейшим банкам (тыс. руб.)

Наименование банка	1.07.2018	1.07.2017	1.07.2016
Ключевая ставка	7,25 %	9 %	10,5 %
Альфа-банк+	6393323	35958310	3564000
Газпромбанк-	46969932	37415054	87873773
Райффайзенбанк+	15527794	842538	0
Россельхозбанк+-	20261243	22886514	22364431

В целом в 2017 году действительно наблюдается заметная позитивная динамика в сегменте кредитования: совокупный портфель кредитов вырос на 6,2 %. При этом такая же динамика ключевой ставки в 2016 году приводит к сокращению портфеля на 0,8 %. Заслуживающим внимания является и тот факт, что в 2017 году доля кредитов в экономике в активах банков снизилась с 51,1 до 50,8 %.

Центральный банк обладает существенным арсеналом инструментов и методов денежно-кредитного регулирования. Однако на современном этапе монетарные методы могут ока-

заться бессильными перед факторами инфляции немонетарного характера.

Так, особое место среди неденежных факторов инфляции занимают структурные диспропорции в экономике, а именно большая разница в производительности промышленного сектора и сектора сферы услуг, превышение выпуска средств производства над выпуском предметов потребления, несоответствие структуры рабочей силы (половозрастной, профессиональной, региональной) новым запросам со стороны производства; неравномерность производительности секторов, работающих на внешний и внутренний рынок. Следствием этого становится неконтролируемый рост цен, обусловленный огромным количеством издержек.

Кроме того, значительным инфляционным фактором в России является высокая монополизация рынков. Предприятия в условиях несовершенной конкуренции имеют возможность произвольно взвинчивать свои издержки, а следовательно, повышать цены на выпускаемую ими продукцию. В рамках антимонопольного регулирования, начиная с 2015 года, российские регионы осуществляют реализацию положений Стандарта о развитии конкуренции. Банк России предлагает координацию с Федеральной антимонопольной службой по формированию перечней рынков в субъектах Российской Федерации с учетом рынков, вносящих искажения в уровень цен [8].

Также немалую роль играют и инфляционные ожидания населения, предполагающие ожидание экономическими субъектами темпа роста уровня цен на конечную продукцию, темпа роста цен на факторы производства, ресурсы, тем самым обеспечивая самоподдерживающий характер инфляции. По состоянию на август 2018 года инфляционные ожидания в России составляют 9,9 %, при этом есть признаки некоторого увеличения склонности к потреблению [5]. Произошедшее в августе ослабление рубля и приближение даты изменения ставки НДС могут привести к **увеличению инфляционных ожиданий в последующие месяцы**. Эта неопределенность входит в число основных инфляционных рисков.

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

На современном этапе становится очевидным влияние неденежных факторов на динамику инфляционных процессов. Посредством целенаправленного воздействия на ключевую ставку Банк России вполне успешно достигает целей по таргетированию инфляции, однако наиболее эффективным все-таки является комплексный подход, основанный на координации монетарных методов и инструментов с инструментами немонетарной политики. Подобный системный подход будет способствовать повышению эффективности денежно-кредитных инструментов Банка России.

Литература

1. Андрианов В. Д. Инфляция: причины возникновения и методы регулирования / В. Д. Андрианов. — М. : Айрис-пресс, 2013. — 318 с.
2. Васильева Н. К. Влияние процентной политики Центрального Банка на депозитную политику коммерческих банков / Н. К. Васильева, К. В. Гугова // Научный журнал КубГАУ. — 2017. — № 133(09). — С. 1—15.
3. Витчукова Е. А. Ключевая ставка и ставка рефинансирования: изменение подходов к инструментам денежно-кредитной политики Банка России / Е. А. Витчукова // Проблемы экономики и менеджмента. — 2016. — № 4. — С. 120—126.
4. Данилов Ю. Г. Зависимость инфляции от ставки рефинансирования / Ю. Г. Данилов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20. — С. 701—705.
5. Инфляционные ожидания и потребительские настроения населения : информационно-аналитические материалы ЦБ РФ. — URL: <http://www.cbr.ru/DKP/surveys/inflation>.
6. Мухьяров М. Р. Анализ ключевой ставки как основного инструмента денежно-кредитной политики Банка России / М. Р. Мухьяров // Молодой ученый. — 2015. — № 22. — С. 451—453.
7. О системе процентных инструментов денежно-кредитной политики Банка России : информационно-аналитические материалы ЦБ РФ. — URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=130913_13504271.htm.
8. О немонетарных факторах инфляции и мерах по снижению ее волатильности : информационно-аналитические материалы ЦБ РФ. — URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/25502/nfi.pdf>.
9. Печалова М. Ю. Денежно-кредитная политика Банка России и инфляционные процессы в экономике / М. Ю. Печалова // Экономика, налоги, право. — 2017. — № 3. — С. 31—41.
10. Пресс-служба Центрального Банка Российской Федерации. — URL: <https://www.cbr.ru/press/keypr>.
11. Федеральная служба государственной статистики. — URL: <http://www.gks.ru>.
12. Чепурных А. П. Экономическая роль и динамика ключевой ставки Банка России на современном этапе / А. П. Чепурных, И. Г. Воробьева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : материалы X Междунар. науч.-практич. конф. (Чебоксары, 21 мая 2018 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2018. — С. 260—262.

ANALYSIS OF THE KEY INTEREST RATE IMPACT ON INFLATION**A. V. Romanova**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
a_romanova@bk.ru**D. E. Kurushina**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
kurushina.darya@bk.ru

In order to achieve the goal of the Central Bank — ensuring the stability of the national currency, the Bank of Russia introduced the inflation targeting. The key interest rate becomes the main instrument of inflation targeting. The article deals with the mechanism of the key rate impact on inflation, the reaction of the banking system to the key rate increase in order to contain inflation processes. The most expected reaction of the market is a change in the direction of increasing interest rates on Bank deposits and the narrowing, due to the increase in loan interest, the volume of loans granted. The consequences of the decision of September 14 to raise the key rate to 7.5% immediately affected Deposit rates in the direction of their increase. The change in interest rates on loan operations, as well as the appeal for refinancing to the Central Bank shows an ambiguous trend. The Central Bank will assess the feasibility of further increase in the key rate, taking into account the dynamics of inflation and the economy relative to the forecast, as well as taking into account the risks from the external environment and the reaction of financial markets to them. Particular attention is paid to the increasing role of non-monetary inflation factors. From the conducted research the necessity of application of monetary methods in a complex with instruments of non-monetary policy becomes obvious.

Key words: key rate, bank, inflation, regulation, monetary policy.

References

1. Andrianov V. D. (2013) *Inflyatsiya: prichiny vozniknoveniya i metody regulirovaniya* [Inflation: causes and methods of regulation]. Moscow: Ayris-press, 318 p.
2. Vasilyeva N. K., Gutova K. V. (2017) *Vliyaniye protsentnoy politiki Tsentralnogo Banka na depozitnyuyu politiku kommercheskih bankov* [The impact of the Central Bank's interest rate policy on the Deposit policy of commercial banks]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*, 133(09), p. 1—15.
3. Vitshukova E. A. (2016) *Klyuchevyja stavka i stavka refinansirovaniya: izmeneniye podhodov k instrumentam denezhno-kreditnoy politiki Banka Rossii* [Key rate and refinancing rate: changes in approaches to monetary policy instruments of the Bank of Russia]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*, (4), p. 120—126.
4. Danilov Ju. G. (2014) *Zavisimost inflyatsii ot stavki refinansirovaniya* [Dependence of inflation on the refinancing rate]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"*, (20), p. 701—705.
5. *Inflyatsionnye ozhidaniya i potrebitelskie nastroyeniya naseleniya: informatsionno-analiticheskie materialy CB RF* [Inflationary expectations and consumer sentiments of the population: information and analytical materials of the Central Bank of Russia]. URL: <http://www.cbr.ru/DKP/surveys/inflation>.
6. Muhyarov M. R. (2015) *Analiz klyuchevoy stavki kak osnovnogo instrumenta denezhno-kreditnoy politiki Banka Rossii* [Analysis of the key rate as the main tool of the monetary policy of the Bank of Russia]. *Molodoy uchenyy*, (22), p. 451—453.
7. *O sisteme procentnykh instrumentov denezhno-kreditnoy politiki Banka Rossii: informatsionno-analiticheskie materialy CB RF* [On the system of interest instruments of the monetary policy of the Bank of Russia: information and analytical materials of the Central Bank of Russia]. URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=130913_13504271.htm.
8. *O nemonetarnykh faktorah inflyatsii i merah po snizheniyu ee volatilnosti: informatsionno-analiticheskie materialy CB RF* [On non-monetary factors of inflation and measures to reduce its volatility: information and analytical materials of the Central Bank of Russia]. URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/25502/nfi.pdf>.
9. Pechalova M. Ju. (2017) *Denezhno-kreditnaya politika Banka Rossii i inflyatsionnye protsessy v ekonomike* [Monetary policy of the Bank of Russia and inflation processes in the economy]. *Ekonomika, nalogi, pravo*, (3), p. 31—41.
10. *Press-sluzhba Tsentralnogo Banka Rossijskoy Federatsii* [Press Service of the Central Bank of the Russian Federation]. URL: <https://www.cbr.ru/press/keypr>.
11. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal Service of State Statistics]. URL: <http://www.gks.ru>.
12. Chepurnyh A. P., Vorob'eva I. G. (2018) *Jekonomicheskaya rol i dinamika klyuchevoy stavki Banka Rossii na sovremennom etape* [Economic role and dynamics of the key rate of the Bank of Russia at the present stage]. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary: CNS "Interaktivplus"*, p. 260—262.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. Д. Гемранова

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
Shabrova94@gmail.com

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ХАРАКТЕР УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена истории становления культурологического знания в системе отечественного университетского образования. Анализ начинается с понятия «культура», которое является базовым в понимании специфики культурологического образования. Формирование и распространение как научное направление культурология получила в начале XX века благодаря американскому культурологу Лесли Уайту.

В статье анализируется становление культурологии как самостоятельного направления и специальности высшего профессионального образования в отечественной системе университетского образования. Культурология — это мировоззренческая дисциплина, ориентированная на формирование ключевых параметров культуры личности.

Наибольшее распространение отечественное культурологическое образование получило в советский период. В 1960—1980-е годы прошлого века данное направление начало формироваться в образовательной системе государства. В конце XX столетия в отечественной системе образования были предприняты шаги для всесторонней интеграции культурологии в образовательный процесс.

Ключевые слова: образование, университет, культура, культурология, социокультурное пространство, эстетическое образование.

Наблюдая за европейской культурой на протяжении многих веков, можно с уверенностью сказать, что ее развитие значительным образом соотносится с развитием университетов. Развитие Европы во многом обусловлено именно развитием университетов. Об этом свидетельствует связь между социокультурными трансформациями в обществе и изменениями в жизни университетов. Вместе с тем феномен университета занимает значительное место в европейской культуре, веками оставаясь центром достижений человеческой цивилизации. За долгое существование университет и сам дока-

зал свою способность быть интеллектуальным центром не только западной, но и мировой культуры.

На современном этапе в философии образования несколько последних десятилетий ведутся масштабные дебаты на тему кризисного состояния современных университетов и, что не менее важно, осуществляется теоретическое обоснование новой университетской идеи. Современное состояние университетов рассматривается исследователями с разных сторон. Многие известные авторы вводят в оборот такие термины, как «университет в руинах» (Ридингс Б.,

1996), «смерть университета» (Стронг М., 2014) и другие.

Следует отметить, что у университетов почти на генетическом уровне закреплена способность преодолевать кризисные явления, в этом им способствует постоянное обновление университетской идеи, что помогает университетам приспосабливаться к различным ситуациям в разные исторические промежутки.

Университет как хранитель академической традиции, как организация с высоким уровнем инерции в вопросах внедрения инноваций предстает в разных образах перед представителями философии образования. Каждый исследователь вкладывает свой смысл в термин «университет», и изучить это можно, вникнув глубже в процессы становления университета как социокультурного феномена. Это позволяет еще раз убедиться в том, что именно подходы философии образования способны на высоком теоретическом уровне решить проблему поиска обновленной университетской идеи.

Сама идея университета, которую нельзя отнести только к трансляции знаний в стенах университетов, является предметом исследований в области истории становления университета в европейской культуре. С методологических позиций философия университетского образования может являться источником эвристических идей, с помощью которых произошло углубленное понимание особенностей этого феномена, обеспечивающих гибкость университета перед изменчивостью новых эпох. Однако с сохранением фундаментальной университетской традиции университеты имеют свою ориентированность на потребности современного общества. Идеологическая составляющая идеи университета всегда оставалась некоей платформой, на которой строилась университетская жизнь в разные культурные эпохи: «Университет остается университетом в той мере, в которой он разворачивает свою жизнь вокруг проблематики реального человека, которая является носителем конкретных социально, культурно, национально и этнически обусловленных качеств» [1, с. 61—62].

С конца XVIII века университеты стали субъектами развития национальных образовательных систем, среди которых особое место занимают немецкая и английская системы. Ключевыми идеями университета стали подходы к феномену университета, реализованные на практике В. фон Гумбольдтом и Дж. Г. Ньюменом.

Окончательно оформилась идея классического университета лишь в XIX—XX вв. Так,

идея нового, или неоклассического, университета берет свое начало в трудах немецких философов XIX века. Невзирая на то, что немецкая классическая философская традиция представлена внушительным списком выдающихся авторов, имя не только теоретика, но и практика В. фон Гумбольдта имеет особое значение [2, с. 67—81]. У истоков немецкой традиции осмысления университета стояли такие выдающиеся философы, как Иммануил Кант, Фридрих Шлейермахер, Иоганн Готлиб Фихте и др. Идеи этих мыслителей были реализованы благодаря реформаторской деятельности немецкого философа Вильгельма фон Гумбольдта. Именно Гумбольдт определил концептуальные основы университетского образования. Ядром данной концепции является мысль о том, что государственная система образования должна иметь интеллектуальную направленность на распространение культуры, опирающейся на универсальное и фундаментальное образование [3, с. 37].

По модели классического университета Гумбольдта (термин «классический университет» закрепился в обращении в XIX веке) можно выделить три основные задачи универсальных университетов, которые определяют смысл его существования, — речь идет о передаче, расширении и использовании знаний; соответственно, видами деятельности, связанными с этими задачами, являются преподавание, научно-исследовательская работа и деятельность, направленная на служение обществу [4, с. 26]. Научная деятельность, по В. фон Гумбольдту, должна находиться в фокусе деятельности университета, придавая ему ответственность за прогресс человечества, за научно-технический прогресс.

Неудивительно, что в трудах, посвященных классическому университету, нашла свое отражение идея средневекового университета. Среди них особое место занимает работа под названием «Идея университета», автором которой является Дж. Г. Ньюмен (1801—1890) — английский теолог, педагог, церковный деятель, один из выдающихся мыслителей и литераторов XIX века. В ней автор останавливается на некоторых особенностях знания, изучаемого в университете, которое отличает его от других учебных заведений [2, с. 67—81].

«Идея университета» Ньюмена — самая что ни на есть выдающаяся работа, посвященная данной теме. Этот фундаментальный труд во многом заложил традицию философского размышления об университете как о субъекте социальных изменений в жизни общества. Как пишет в своей работе А. А. Грибанькова, «одной

из основополагающих идей этой работы является всестороннее актуальное обоснование миссии университета — утверждение единства человечества» [3, с. 39].

По мнению Ньюмена, основная цель университета — это культивирование интеллекта. Под интеллектом он понимал относительно устойчивую систему интеллектуальных наклонностей индивида, соизмеримых с его умственными способностями, а также с эффективностью индивидуального подхода к ситуации, требующей познавательной активности и обладающей универсальными характеристиками, со стилем мышления и стратегией решения жизненных проблем.

Ньюмен выделил еще одну свойственную университетскому знанию черту — свободу и либерализм. В этом случае термин «либеральный» относится к знанию и является собой, по мнению Е. В. Строгоцкой, «особую идею, которая всегда была и вечно будет по причине неизменности сути человека, как выступает специфичной идея Прекрасного» [2, с. 67—81].

В модели университета, разработанной Дж. Г. Ньюменом, университет должен быть ориентирован не только на науку, но также и на утверждение либеральных идей.

«Таким образом, идея классического университета исходит из представления о нем как об учреждении, которое посредством накопления, сохранения и передачи универсального либерального (неутилитарного) знания обеспечивает обучающегося здесь не столько профессией, сколько жизненными ориентирами, определенным мировосприятием. Основной миссией классического университета является обучение достижениям культуры, развитие интеллекта и духовности, рассматриваемых в качестве конечных целей университетского образования, единственно отвечающих его природе», — резюмирует в своей работе Е. В. Строгоцкая [2, с. 67—81].

Исследователь идеи классического университета в европейской культуре М. Френей пишет по этому поводу следующее: «В идее университета Дж. Г. Ньюмена формируются мыслительные навыки, которые останутся на всю жизнь, их атрибутами являются свобода, равенство, спокойствие, умеренность и мудрость, а сами их носители будут лучше выполнять свою роль в обществе, станут умными, способными и активными членами общества» [4, с. 29].

Общественное развитие, к которому приобщают университеты, по мысли Дж. Г. Ньюмена, заключается в эффективном распространении знаний, воспитании образованных граждан. Университет должен являться местом для полу-

чения универсальных знаний. Цель университетского образования должна носить не только моральный, но и интеллектуальный характер, призывая тем самым к распространению и расширению, а не приумножению знаний.

В XX веке произошел ряд изменений в образовательных системах. Стремительно увеличилось количество студентов и преподавателей, расширилась сеть высших учебных заведений, а сама система образования получила индустриальные черты: когда личность становится продуктом образовательного процесса, направленного на удовлетворение потребностей промышленности. Университеты постепенно начали работать на удовлетворение потребностей индустриального общества.

Дальнейшие рассуждения о задачах, замыслах и абсолютах университета как социального института, распространившиеся в XX столетии, привлекли широкий круг выдающихся мыслителей в различных научных областях.

Утилитарная ориентированность университета в XX столетии имела как положительные, так и отрицательные черты — в центре образовательного процесса находилась личность, что для индустриального общества обозначало ограничение навыков производственного характера. Это позволило говорить о таких явлениях, как «человек массы» (Ортега-и-Гассет Х., 1930) и «одномерный человек» (Маркуза Г., 1964).

Миссия университета в XX веке в работах испанского философа и социолога Х. Ортега-и-Гассета анализировалась вокруг необходимости вернуть университет к своему истинному предназначению как института, на который возложена ответственность за прогресс человечества, для которого высшей ценностью является сам человек: «Университет должен быть институциональной проекцией студента, двумя важными характеристиками которой являются, во-первых, дефицит способности получать знания, и, во-вторых, сущность получаемых знаний для жизни» [5, с. 43]. Х. Ортега-и-Гассет полагал, что главная функция университета заключается в постижении фундаментальных с точки зрения культуры дисциплин. Безупречный университет, по мнению Ортега-и-Гассета, — это университет, в котором главенствующим становится факультет культуры. Тот самый факультет, который призван приобщать студентов к культурным традициям прошлого, основываясь на анализе реальных исторических событий, сформировавших университетские традиции. Ученик должен стать профессионалом своего дела, и ему вовсе не обязательно для этого быть

ученым. По этой причине у Ортега-и-Гассета научные исследования не входят в число основных функций университета [5, с. 44].

Все вышеперечисленные идеи можно обнаружить и в российской идее университета. Уже в XVIII веке русский философ М. В. Ломоносов полагал, что университет может являться центром российской культуры. В начале XX века исследователь университетской истории А. А. Кизеветтер дал определение сути университета и его главной традиции как единение нужд науки и человеческого бытия [6; 3, с. 45].

Говоря об университете, важно отметить его культуuroобразующую функцию. Как утверждает академик В. А. Садовничий, «университеты никогда не умирают, поскольку являются, прежде всего, порождением и воплощением духа и интеллекта своей нации. Исчезнет она — исчезнут и ее университеты... Пока живут университеты, живет и нация. Поэтому-то университеты и являются в цивилизованных странах национальным достоянием» [7, с. 45].

Вывод

В качестве выводов хотелось бы привести следующий тезис: «Тысячу лет существует базовая дидактическая модель (с определенными

оговорками). Но за эту тысячу лет университет рождался и умирал не один и не два раза. Университет Средневековья, университет эпох Возрождения и Просвещения и, наконец, будущий университет XXI века — это разные университеты. Их можно вывести друг из друга. Каждый из них рождался и умирал по мере того, как исчерпывалась очередная концепция человека, когда он выходил в новое социокультурное измерение» [1, с. 59].

Последние несколько десятилетий в философии образования ведется оживленная дискуссия о кризисе университета и потребности поиска новой идеи. В данной статье был осуществлен анализ происхождения университета в европейской истории с целью продемонстрировать характер трансформаций идеи университета, который мог бы быть эвристическим для обоснования современной университетской идеи для глобализирующегося общества XXI века. В статье было показано, что университет, чтобы обеспечить себе статус важного социокультурного феномена, должен воспринять современный «дух времени» и соответствующие ему концепции, предложив свою роль в современной социокультурной динамике.

Литература

1. Университеты на пороге третьего тысячелетия. «Ломоносов — 94»: докл. и тез. выступлений. Секции, семинары, круглые столы: материалы Международного конгресса «Университеты на пороге третьего тысячелетия: проблемы единства и многообразия» (Ломоносов — 94). Москва, 17—19 октября 1994 г. / ред. О. В. Долженко [и др.]. — М., 1995. — 188 с.
2. Строгоцкая Е. В. Идея и миссия современного университета / Е. В. Строгоцкая // Вопросы образования. — 2009. — № 4. — С. 67—81.
3. Грибанькова А. А. Модернизация университетского образования: историко-культурные и философские основы. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. — 77 с.
4. Френей М. Образовательная задача университета: очерк целеполаганий / М. Френей // Университетское образование: Рефераты. Переводы. Статьи / сост. И. В. Карапетянц; науч. ред. Ю. Л. Троицкий; Рос. гос. гуманитарный ун-т. Управление международных связей. — М.: РГГУ, 2001. — С. 26—40.
5. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. М. Н. Голубевой; ред. перевода А. М. Корбут; под общ. ред. М. А. Гусаковского. — Минск: БГУ, 2005. — 104 с.
6. Отюцкий Г. П. Идея университета как выражение смысла университетского образования / Г. П. Отюцкий // Материалы интернет-конф. «Университет и система непрерывного образования» (к 100-летию Саратовского гос. ун-та). — URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/13579/Ostyzkii.doc>.
7. Садовничий В. А. Россия. Московский университет. Высшая школа / В. А. Садовничий. — М., 1995.

UNIVERSITY AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

A. D. Gemranova

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 Shabrova94@gmail.com

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 snm7151@gmail.com

The article deals with the development of cultural knowledge in the system of soviet university education. The authors analyze the concept "culture" which is fundamental in understanding the specificity of cultural education. The formation and the development of culturology date back to the beginning of the XX century thanks to the American culturologist Leslie White.

The article analyzes the formation of culturology as an independent discipline, as well as the specialty of higher vocational education in the soviet system of university education. Culturology is a worldview discipline aimed at the formation of the key parameters of the personal culture.

Soviet cultural education got widespread use in the soviet period. In 1960—1980 of the last century the direction began to develop in the state educational system. At the end of the XX century in the soviet educational system the certain steps were undertaken for well-rounded integration of culturology into the educational process.

Key words: education, university, culture, cultural studies, socio-cultural space, aesthetic education.

References

1. Dolzhenko O. V. (1995) *Universitety na poroge tretyego tysyachiletiya. "Lomonosov — 94: doklady i tezisy vystupleniy [Universities on the threshold of the third millennium. Lomonosov — 94: Reports and theses of speeches]. Sections, seminars, round tables: materials of the International Congress "Universities on the threshold of the third millennium: problems of unity and diversity" (Lomonosov — 94). Moscow, October 17—19, 1994. Moscow, 188 p.*
2. Strogetskaya E. V. (2009) *Ideya i missiya sovremennogo universiteta [The idea and mission of a modern university]. Voprosy obrazovaniya, (4), p. 67—81.*
3. Gribankova A. A. (2011) *Modernizatsiya universitetskogo obrazovaniya: istoriko-kulturnye i filosofskie osnovy [Modernization of university education: historical, cultural and philosophical foundations]. Kaliningrad: Publishing house BFU named after I. Kant, 77 p.*
4. Freney M., Karapetyants I. V., Troitsky Yu. L. (2001) *Obrazovatel'naya zadacha universiteta: ocherk tselepolaganiy [Educational task of the university: essay of goal-setting]. University education: Abstracts. Translations. Articles. Moscow: RGGU, p. 26—40.*
5. Ortega-i-Gasset H., Golubeva M. N. (2005) *Missiya universiteta [Mission of the University]. Minsk: BSU, 104 p.*
6. Otyutskiy G. P. *Ideya universiteta kak vyrazhenie smysla universitetskogo obrazovaniya [The idea of a university as an expression of the meaning of university education]. Proceedings of the Internet conference "The University and the System of Continuing Education" (on the 100th anniversary of Saratov State University). URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/13579/Ostyzkii.doc>.*
7. Sadovnichiy V. A. (1995) *Rossiya. Moskovskiy universitet. Vysshaya shkola [Russia. Moscow university. High school]. Moscow.*

А. В. Мартыненко

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
avalmart@list.ru

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена проблемам функционирования и изменениям религиозной идентичности в условиях современного информационного общества. Вопрос религиозной идентичности крайне важен для понимания и самоопределения современного человека, поскольку религия и мораль лежат в основе духовности как свойства личности. В формировании религиозной идентичности участвуют одновременно личностный и социальный факторы. Свои коррективы в функционал религиозной идентичности исторически вносили и вносят сами религии как общественные институты: монолитные изначально религии раскалывались на множество толков в зависимости от различий в интерпретации священных текстов; неизбежно изменялись исторические условия жизни верующих. В ответ на угрозу размывания религиозной идентичности в истории культуры возникал фундаментализм как стремление вернуться к началу. Современное состояние религиозной идентичности характеризуется как кризисное. Сегодня интернет-пространство стало эффективным средством массовой популяризации как традиционных конфессий в диджитал-формате, так и множества эклектических учений. Всплески фундаментализма, феномены постсекулярности и киберрелигиозности, плюрализация религиозных центров, беспрепятственное распространение новых религиозных движений, сект, незарегистрированных религиозных групп, квазирелигиозных сообществ нью-эйджевского толка, феномен «веры без религии» — эти и другие особенности религиозной идентичности имеют как позитивные, так и негативные аспекты влияния на жизнь общества, и поэтому могут восприниматься как кризис, за которым непременно придет новая устойчивость, и как апокалиптический хаос, не несущий ничего, кроме разрушения, социальным формам человеческого бытия — через мракобесие и фанатизм к полной бездуховности.

Ключевые слова: социология религии, религиозная идентичность, религия, вера, религиозность, информационное общество, интернет-пространство.

Вопросы религии одни из самых сложных вопросов в истории культуры, поскольку религия была и остается явлением неоднозначным, противоречивым и влиятельным. При рассмотрении религиозной идентичности, понимаемой как осознание принадлежности к определенной религии, следует помнить о том, что религиозность и религия не сводимы друг к другу. Религиозность — это состояние веры в сверхъестественное, которая может быть и вне конкретной религии. Религия же включает в себя, помимо веры, культ, представления, чувства, организацию. Отсюда религиозность субъективна, а религия — явление общественное. Состояние религиозности является определяющим для формирования религиозной идентичности. «Религиозную идентичность можно определить через весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм и интенсивности) — через колебания в вере (неопределен-

ность отношения к религии, индифферентность) — до неверия и атеизма» [9].

При этом существует некоторая сложность в социологической концептуализации религиозной идентичности, определяемой двумя основными моментами:

1) Религиозная идентичность ассоциируется с осознанием принадлежности к определенной конфессии, в то время как внеконфессиональная религиозность также занимает значительное место среди верующих (около 25 %) и часто не принимается в расчет. Тем не менее наиболее обоснованным представляется рассмотрение религиозной идентичности в рамках конкретной конфессии, так как именно конфессиональная идентичность «предполагает изрядную долю ответственности и внутренней дисциплины» и «приобретает для человека определенный внутренний смысл и перспективу» [8, с. 121].

2) Религиозная идентичность в России «нередко определяется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной национальной культурой, образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии ("русский, поэтому православный", "татарин, поэтому мусульманин")». Это подтверждается и данными Европейского социального исследования: «В России близость с людьми той же веры всегда или иногда ощущают подавляющее число респондентов, даже если они не являются последователями религии или практикующими верующими. Подобное чувство постоянно испытывает 28,8 % неверующих» [7].

Учитывая эти два момента, следует тем не менее отметить, что проблема религиозной идентичности представляется крайне важной для понимания и самоопределения современного человека прежде всего потому, что религия и мораль лежат в основе духовности как свойства личности. В условиях плюрализации ценностей, разложения традиционной морали, утверждения индивидуальной свободы в определении нравственных приоритетов религия предстает своеобразным островом вечных, не подверженных никаким «бурям» времени общечеловеческих ценностей, устойчивой веры, самодисциплины и духовных исканий, устремленных в вечность.

В формировании религиозной идентичности участвуют одновременно личностный и социальный факторы.

Первый подразумевает, что каждый человек испытывает личную потребность чувствовать свою принадлежность к определенной устойчивой общности, обрести смысл жизни вне материальных ценностей, ощущать причастность к чему-то (кому-то) вечному, непреходящему и всемогущему, найти духовный стержень, способный дать прочную «почву под ногами». В этом случае религиозная идентичность носит характер свободного сознательного выбора.

Социальный фактор указывает на определенную (порой существенную) степень влияния общества на выбор религиозной идентичности индивидом. Если человек усваивает принадлежность к определенной религии с рождения как факт принадлежности к конкретному народу, такая религиозная идентичность является традиционной и переплетается с национальной идентичностью (так, большинство верующих русских — православные, большинство верующих евреев — иудеи, большинство верующих

испанцев — католики). Если же религиозная идентичность насильно навязывается обществом или группой (в особенности деструктивными религиозными течениями), то такая искусственная несвободная идентичность не приносит ничего, кроме «отчуждения и разногласия в семье, разъединяет традиционную общину, раскалывает общество и государство» [5].

Сегодня утверждение о кризисе идентичности (любой, не только религиозной) стало общим местом в исследованиях этого феномена социологами, культурологами, психологами, философами. Но не следует абсолютизировать тот факт, что кризис идентичности — явление сугубо современное. Переход от индустриального общества к постиндустриальному с его радикальными изменениями в образе жизни и ментальности людей, несомненно, вносит существенный вклад в трансформацию картины мира человека, в том числе и в религиозную идентичность.

Тем не менее свои коррективы в функционал религиозной идентичности исторически вносили и вносят сами религии как общественные институты. Культура и общество не статичны, они неизбежно изменяются в историческом процессе. Как гласит общеизвестная истина: любая, даже самая замечательная идея, будучи обобществленной, неизбежно искажается, извращается. Например, учение Христа и современные христианские конфессии — уже весьма различные явления, также как и учение Сиддхартхи Гаутамы и современный буддизм. Что же является источником этих искажений?

Во-первых, естественный язык не совершенен. Изустно передаваемые идеи при неизбежной замене одних слов другими (синонимами) в момент пересказа уже претерпевают смысловые искажения. Письменно зафиксированные тексты создавались, как правило, позже и другими людьми. Кроме того, любой священный или религиозно-авторитетный текст писался во многом метафорическим архаическим языком, что со временем требовало толкования последующими поколениями. Отсюда неизбежно в истории культуры возникало множество «толков» и, как следствие, порождалось множество течений и направлений внутри изначально монолитной религии. Например, семантическая сложность Библии или наличие множества Евангелий, из которых только четыре были признаны каноническими (что, впрочем, не мешает обращаться периодически к остальным, а между тем сведения о личности и деяниях Христа в разных Евангелиях весьма разнятся). Коран, отличаю-

щийся большей монолитностью, тем не менее содержит много «темных» мест, которые становятся камнем преткновения для различных толкователей и используются в корыстных политических целях различными партиями. Примером подобного рода «темного места» может служить учение о джихаде, которое в равной степени может быть истолковано и как духовная борьба, и как физическая война с «неверными».

Во-вторых, искажения неизбежно появляются с изменением исторических условий существования верующих. Каждая религия возникает в определенный момент истории и в определенном месте. Ярким примером, подтверждающим этот тезис, может служить иудаизм. В Торе подробно прописаны законы, правила, предписания, идеально подходящие для той давней эпохи, когда культ единого Бога утвердился и когда у евреев было свое «место под солнцем». Затем в условиях диаспоры неизбежно потребовались уточнения и толкования тех самых истонных законов для радикально изменившихся условий существования евреев — без государства, без Храма, без жречества. Так, раввинами был составлен Талмуд — многотомный свод комментариев к Торе, который постоянно пополняется новыми уточнениями и предписаниями. Или, например, шариат — исламское законодательство, основанное на Коране. Но, опять же, ислам не только возник в определенное время в определенном месте (средневековье в Аравии), но еще и распространился на другие регионы с изначально другими условиями. Поэтому часто оказывается так, что предписания Корана не могут дать однозначного решения отдельных законодательных вопросов, в результате вынужденно признаются легитимными решения авторитетных богословов, аналогии или даже нормы адата (местного неисламского права).

Все это говорит о том, что в любой религии при сохранении основы основ веры всегда неизбежны и трансформации, которые размывают изнутри, дробят религиозную идентичность. В итоге формируются кризисные тенденции, которые могут быть сопряжены с реальной социальной опасностью: 1) расколы в единых религиях приводят часто к вражде между единоверцами; 2) отпочковываются различные секты и толки далеко не всегда конструктивного плана.

Как ответ на угрозу размывания религиозной идентичности в истории культуры возникали всплески фундаментализма как стремления вернуться к «подлинным истокам». Адекватно оценить это явление можно только с позиций историко-культурной перспективы. Целесооб-

разно сравнить фундаментализм Махатмы Ганди в Индии, фундаментализм Мартина Лютера в Германии, фундаментализм движения «Талибан» в Афганистане.

В первом случае движение к возрождению истоков несло позитивный момент пробуждения национального самосознания, обращения к «корням», которое способствовало укреплению нации и ее готовности принимать новое в согласии с собственной идентичностью (то есть того, что ей не противоречит, а наоборот, развивает и упрочивает).

Во втором случае фундаментализм возникает как стремление избавиться от морально устаревшей власти, которая перестала оправдывать ожидания людей и тормозила развитие, движение вперед.

Третий вариант выступает как мракобесие, стремление насильственными методами отгородиться не только от вредных влияний современности, но и полезных новшеств, и, как следствие — репрессии, геноцид, агрессия и искусственное (насильственное) отгораживание от мира.

Как отличить, что здесь есть «благо», а что есть «зло»? Думается, основным критерием в данном случае должен стать характер влияния на конструктивное развитие общества. Религиозный фанатизм в любых своих формах, очевидно, опасен именно своей односторонностью и радикализмом, поскольку мир не черно-белый, а цветной. Если обращение «к истокам» происходит исключительно под флагом религиозной идентичности, то это явный деструктив, если же учитываются также факторы культуры и истории, то такое движение способно дать положительные результаты (как это было в случае с фундаментализмом М. Ганди).

Современные кризисные тенденции в религиозной идентичности формируются под непосредственным влиянием того, что ныне именуется «информационным обществом». Этим термином подчеркивается тотальная глобализирующая роль информации во всех сферах жизнедеятельности современного человека. Более того, трансформируется социальная структура, которую М. Кастельс назвал «сетевым обществом», потому что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство» [6, с. 100].

Для религиозной идентичности важным становится феномен «постсекулярности», выявленный Ю. Хабермасом. Если процессы секуляризации, развернувшиеся еще в XVIII веке, вели

к жесткому разделению сфер влияния «священного» и «мирского», все меньше оставляя места для первого, то сегодня религиозные сообщества на равных с секулярными успешно претендуют на право интерпретации мира и формирования идентичности [10, с. 45]. Интернет-пространство в этом процессе играет роль своеобразного «микшера», где секулярные и религиозные точки зрения в равной степени открывают возможности свободного выбора для индивида, где церковь может свободно участвовать в обсуждении актуальных проблем современности и даже иметь преимущество в выработке наиболее влиятельного мнения, так как за века развития логических обоснований собственных верований у классических конфессий выработался прочный семантический потенциал, не чета секулярному. «Развитие интернет-технологий, — отмечает исследователь О. С. Бабешко, — во многом способствует индивидуализации религиозной идентичности, в основе которой лежит личностное отношение к священному. <...> Активное возвращение религии в социум можно проследить на примере Русской Православной Церкви, когда священнослужители стали высказываться в СМИ по актуальным вопросам жизни общества, принимать участие в работе различных общественно-экспертных институтов, таких как Общественная Палата, Всемирный Русский Народный Собор и т. д.» [1].

Специфическое медийное выражение современная религиозность находит в социальных сетях. И здесь прослеживается тенденция в западных, прежде всего американских, интернет-сообществах к формированию «киберрелигиозности», когда формируются целые «киберприходы», проводятся «онлайн-богослужения» [1].

Интернет открывает целый спектр новых возможностей для религиозных индивидов в развитии и упрочении своей религиозной идентичности, а для религиозных организаций — в расширении контингента адептов и укреплении своих позиций в современном обществе. Не каждый верующий дойдет до церкви или мечети, но каждый может, не выходя из дома, заказать молебен, получить поддержку священника, исповедаться, пообщаться с единоверцами, расширить свой религиозный кругозор через форумы, видеоблоги паломников, фотоальбомы святынь.

В информационном обществе происходит беспрецедентная в истории плюрализация религиозных центров. Если в традиционном обществе почти единственным центром духовной (религиозной, эстетической, нравственной, ми-

ровоззренческой) жизни был храм, то сегодня таких центров множество.

Причиной тому являются опять же во многом современные массмедиа, которые, во-первых, детерриторизируют религию, рассеивая ее далеко за пределы традиционных культурных и цивилизационных границ. В таких условиях классические конфессии распространяют свое влияние там, где исторически их не было. В итоге получается, что буддизм, например, начинают исповедовать в индивидуальном порядке европейцы и американцы независимо от их этнокультурной религиозной традиции. Этот факт, в свою очередь, влечет за собой неизбежную трансформацию/адаптацию буддийского мировоззрения под европейский менталитет, накладываясь на христианское по сути мировосприятие и порождая тем самым религиозную эклектику. Иными словами, детерриторизация религии приводит к размыванию границ религиозной идентичности.

Во-вторых, происходит свободное практически беспрепятственное распространение новых религиозных движений, сект, незарегистрированных религиозных групп, квазирелигиозных сообществ нью-эйджевского толка, для которых Интернет стал эффективным средством массовой популяризации своих эклектических «учений», представляющих собой «дикую» смесь элементов различных традиционных конфессий, философских систем, народных суеверий, образов масскульта, а также средством вербовки неофитов. Более того, каждый блогер потенциально может собрать вокруг себя адептов, если он в меру своей «начитанности» и увлеченности мистикой, паранормальными явлениями, восточной философией, эзотерикой, мифологией и т. п. создаст подобие эклектического учения. «Религиозное сознание человека информационного общества синкретично, его основная тенденция заключается в том, что оно представляет собой смесь религиозных представлений всех эпох и народов, «сдобренную» образами сказок и мифов, легенд, триллеров и фантазии (fantasy); оно не соборно: в каждой якобы верующей голове свой особый «коктейль». Этим компенсируется утрата целостности религиозного сознания» [2].

Еще одна тенденция в современной религиозной идентичности обозначается Е. Н. Чесновой как «приватизация религии», под которой подразумевается «понижение интереса к культурной практике и повышение интереса к идее личного Бога» [11, с. 165]. Многие верующие сегодня все чаще предпочитают обращаться к

Богу напрямую без посредства церкви, поскольку доверие к служителям культа изрядно пошатнулось у мыслящей части общества исходя из совокупности прецедентов самодискредитации и излишне активного вмешательства церкви в секулярную культуру. Так, сегодня священнослужители стремятся участвовать буквально в каждом значительном событии общества — от благословения действий правительства до освящения открывающейся сети секс-шопов.

Социологи В. П. Баранников и Л. Ф. Матрона при исследовании динамики религиозности в информационном обществе обращают внимание на феномен формальной религиозности как «проявление глубокого равнодушия к вопросам религии и веры при демонстративном соблюдении обрядовой стороны религиозного бытия». «Формальная религиозность — это та форма внешней религиозности, необлагороженная ни религиозным чувством, ни стремлением к реализации религиозных переживаний, о которой Иисус говорил как о лицемерной, фарисейской вере» [2]. Если попытаться оценить феномен формальной религиозности с точки зрения влияния на развитие общества, то он весьма неоднозначен.

С одной стороны, с позиций конструктивной духовной практики, каковой является любая традиционная религия в культурной основе своей, формальная религиозность в индивидуальных формах ничего не дает для духовного развития человека, кроме стагнации и пустоты, в общественных формах оказывается сопряженной с нетерпимостью к инакомыслию, фанатичной одержимостью со всеми вытекающими последствиями.

С другой стороны, формальное соблюдение культовых предписаний в условиях гипертрофированной свободы выбора способно дать индивиду подобие ценностных и моральных ориентиров. В любом случае формальная религиозность предстает как результат поверхностной фрагментарности современной духовной жизни, создавая угрозу потери целостности личности и усложняя процессы идентификации.

Наконец, сегодня весьма распространенным является феномен «веры без религии», который маркирует как раз отсутствие религиозной идентичности в традиционном смысле (как принадлежность к конкретной конфессии). «Эти люди не ходят в церковь, не принадлежат ни к одной из религий, не считают себя вполне атеистами, — словом, они "nones", "никакие"» [12]. Эти люди не ищут религию, но сохраняют некие аморфные религиозные представления, на во-

прос о вере они неизменно отвечают, что верующие, но не относят себя ни к одной религии. Казалось бы, это веяние современности позволяет, наконец, отделить личную веру от пагубных влияний общества. Но открытость (как незамкнутость и неопределенность) и незавершенность по определению этого явления чревата тем, что любая личная вера вне религии потенциально может быть облечена в завершенные и конкретные формы любой религиозной доктрины, в том числе и радикальной, нетерпимой, агрессивной, и здесь все зависит лично от каждого человека, его сознательности, благоразумия, способности мыслить самостоятельно, от того, насколько индивид способен справиться с этой безграничной свободой, чтобы не стать жертвой искушения ее кому-нибудь «подарить».

В частности, как много сегодня молодых людей попадают под влияние экстремистских группировок, маскирующихся под традиционные конфессии. Психологических причин тому много. Как отмечает этнопсихолог Ольга Павлова, «это и религиозно мотивированное самовозвеличение, жажда господства над людьми; это и утрата смыслов в окружающей жизни, кризисные ситуации, одиночество; психологические травмы; низкая самооценка, элементы расщепления личности (диссоциативные расстройства), недостаточная личная идентичность, сильная потребность в присоединении к группе; обостренное переживание социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач; социальная изолированность и отчужденность, ощущение потери жизненной перспективы, постоянная агрессивно-оборонительная готовность» [4]. Но при этом важно отметить, что религиозные люди, идентифицирующие себя с определенной конфессией, на несколько порядков реже попадают под негативное влияние различных псевдорелигиозных групп, прежде всего в силу прочной религиозной идентичности.

Религиозные организации, стремясь сохранить свое ускользающее влияние на общество, пытаются активно приспособиться к новым условиям: проникают в массмедиа, предлагают современные удобные диджитал-формы для отправления культовой практики и осуществления религиозного общения, вмешиваются в секулярную культуру, но часто переходят незримые границы между здравым смыслом и абсурдом (типа «батюшка онлайн» или исповедь и отпущение по клику «мыши»). Иными словами, то, что подразумевает живое общение, переводится в угоду гаджетофилам в виртуальные формы,

ведущие к деградации духовной сущности религии. Отсюда религиозная идентичность сегодня облекается в необычные для традиционного общества формы — в виде «формальной религиозности», которая имела место и раньше, но сегодня приобрела угрожающие масштабы, или «веры без религии», которой не нужна ни культурная практика, ни духовные посредники.

Таким образом, информационное «сетевое» общество задает новый тон в отношении к религии, которая, с одной стороны, остается пережитком прошлого традиционного уклада жизни, когда она являлась духовным фундаментом культуры, с другой стороны, являет собой альтернативу устойчивого мировоззрения, необходимого индивиду для выживания в хаосе тотального ценностного и смыслового плюрализма.

Религиозная идентичность сегодня характеризуется следующими особенностями:

— «постсекулярностью», когда в медиапространстве в равной степени микшируются секулярные и религиозные точки зрения, предоставляя индивиду тот или иной выбор;

— «кибер-религиозность» как крайняя «бесконтактная» форма идентификации индивида с определенной религиозной группой;

— плюрализация религиозных центров, влекущая за собой, во-первых, детерриторизацию религии, дифференцирующую вероучения на множество инвариантов, во-вторых, беспрепятственное распространение новых религиозных движений;

— «приватизация религии», когда верующие стремятся контактировать с Богом без посредников и воспринимают Его как личного Бога;

— формальная религиозность, оставляющая от религии только оболочку без духовной сущности;

— феномен «веры без религии», когда верующие не идентифицируют себя ни с одной из существующих религий и принципиально не стремятся к такой идентификации.

Эти и другие особенности религиозной идентичности имеют как позитивные, так и негативные аспекты влияния на жизнь общества, и поэтому могут восприниматься как кризис, за которым непременно придет новая устойчивость, и как апокалиптический хаос, не несущий ничего, кроме разрушения социальных форм человеческого бытия — через мракобесие и фанатизм к полной бездуховности.

Тем не менее человеческое общество еще слишком духовно незрело, чтобы полностью отказаться от религии. «Если человек утрачивает представление о высшей реальности, забывает о своем предназначении, происходит снижение его духовных потребностей. Закрываются “глаза души”, и зрение наше обращено даже не к вещам, а к видеоряду» [3]. Сознание современного человека, так искушенного в высоких технологиях и проникшего в глубины познания, слишком хрупко, подвержено немислимому соскальзыванию в хаос даже не «животного» — «нечеловеческого» одичания, которое способно только к разрушению. Этот заложенный в человеке механизм самоуничтожения в условиях дискредитации традиционных нравственных норм, засилья примитивного масскульта, к сожалению, может сегодня притормозить только религиозная идентичность как ограничение безграничной моральной свободы верой в реальность всемогущего сверхъестественного.

Литература

1. Бабешко О. С. Информационное общество и религия: постсекулярное общество / О. С. Бабешко // *Вопр. экономики и управления*. — 2017. — № 2. — С. 52—54. — URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/58/2018> (дата обращения: 05.06.2018).
2. Баранников В. П. Динамика религиозности в информационном обществе / В. П. Баранников, Л. Ф. Матронева. — URL: <https://studfiles.net/preview/427168>.
3. Бурова М. Л. Идентичность и идентификация в условиях информационного общества / М. Л. Бурова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — Тамбов : Грамота, 2014. — № 5(43) : в 3 ч. Ч. II. — С. 32—37. — URL: www.gramota.net/editions/3.html.
4. *Вопрос религиозной идентичности // Портал новостей Кавказа*. — URL: <https://dumsk.com/novosti/kultura-i-obrazovanie/7403-vopros-religioznoj-identichnosti.html>.
5. Джуманова Г. Ж. Национальная идентичность молодежи и самопознание / Г. Ж. Джуманова. — URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/90265/1/273-276.pdf>.
6. Кастэльс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастэльс. — Екатеринбург : У-Фактория, 2014. — 324 с.
7. Мчедлова М. М. Религиозная идентичность в современных социально-политических процессах в России и Европе / М. М. Мчедлова // *Вестн. Московского ун-та. Политические науки*. Сер. 12. — 2009. — № 3. — С. 95—102. — URL: <http://mognovse.ru/zkg-religioznaya-identichnoste-v-sovremennih-socialno-politic.html>.
8. Рыжова С. В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян / С. В. Рыжова // *Социологические исследования*. — 2016. — № 10. — С. 118—127.

9. Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия / Ж. Т. Тощенко. — URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf>.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — СПб.: Наука, 2013. — 382 с.
11. Чеснова Е. Н. Феномен религиозной веры в современном мире: особенности существования и перспективы / Е. Н. Чеснова // Научный диалог. — 2013. — № 11(23): История. Социология. Философия. — С. 164—176.
12. Филина О. Вера без посредников / О. Филина // Огонёк. — 2013. — № 40(5300). — 14 окт.

TRANSFORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY IN THE CONDITIONS OF MODERN INFORMATION SOCIETY

A. V. Martynenko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 avalmart@list.ru

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
 snm7151@gmail.com

The article analyzes the problems of functioning and changes of religious identity in the modern information society. The issue of religious identity is extremely important for the understanding and self-determination of modern man, since religion and morality are the basis of spirituality as a property of personality. Both personal and social factors are involved in the formation of religious identity. Religions themselves have historically made and are making their own adjustments to the functional of religious identity as social institutions: monolithic religions originally had many different meanings depending on the differences in the interpretation of sacred texts; the historical conditions of life of believers inevitably changed. In response to the threat of erosion of religious identity in the history of culture, fundamentalism arose as a desire to return to the beginning. The current state of religious identity is characterized as a crisis. In the modern network society, the Internet space has become an effective means of mass popularization of both traditional denominations in the digital format and a variety of eclectic "teachings". Outbursts of fundamentalism, the phenomena of postsecularism and cyber-religiosity, the religious pluralization of centers, the unhindered proliferation of new religious movements, sects, unregistered religious groups, quasi-religious communities of new age sense, the phenomenon of "belief without religion" — these and other features of religious identity have both positive and negative aspects of the impact on the life of society, and therefore can be defined as a crisis, which will be certainly followed by a new stability, and as an apocalyptic chaos, followed by the destruction of the social forms of human existence — through obscurantism and fanaticism to complete soullessness.

Key words: sociology of religion, religious identity, religion, faith, religiosity, information society, Internet space.

References

1. Babeshko O. S. (2017) Informatsionnoe obshchestvo i religiya: postsekulyarnoe obshchestvo [Information society and religion: post-secular society]. *Voprosy ekonomiki i upravleniya*, (2), p. 52—54. URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/58/2018/> (accessed: 05.06.2018).
2. Barannikov V. P., Matronina L. F. Dinamika religioznosti v informatsionnom obshchestve [Dynamics of religiosity in the information society]. URL: <https://studfiles.net/preview/427168>.
3. Burova M. L. (2014) Identichnost i identifikatsiya v usloviyah informatsionnogo obshchestva [Identity and identification in the information society. Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history]. *Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 5 (43): part II, p. 32—37. URL: www.gramota.net/editions/3.html.
4. Vopros religioznoy identichnosti [The question of religious identity]. News portal of the Caucasus. URL: <https://dumsk.com/novosti/kultura-i-obrazovanie/7403-vopros-religioznoj-identichnosti.html>.
5. Jumanova G. J. Natsionalnaya identichnost molodezhi i samopoznanie [National identity of youth and self-knowledge]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/90265/1/273-276.pdf>.
6. Castells M. (2014) Galaktiki Internet. Razmyshleniya ob internete, biznese i obshchestve [The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, business and society]. U-Factoria, 324 p.
7. Mchedlova M. M. (2009) Religioznaya identichnost v sovremennykh sotsialno-politicheskikh protsessah v Rossii i Evrope [Religious identity in modern socio-political processes in Russia and Europe]. *Vestnik of Moscow University. Politicheskie nauki*. Series 12, (3), p. 95—102. URL: <http://mognovse.ru/zkg-religioznaya-identichnoste-v-sovremennih-socialno-politic.html>.
8. Ryzhova S. V. (2016) Osobennosti izucheniya religioznoy identichnosti rossiyan [Features of the study of religious identity of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), p. 118—127.
9. Toschenko Zh. T. Religioznaya identichnost i byurokratiya [Religious identity and bureaucracy]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf>.
10. Habermas Yu. (2013) Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka, 382 p.
11. Chesnova E. N. (2013) Fenomen religioznoy very v sovremennom mire: osobennosti sushchestvovaniya i perspektivy [The phenomenon of religious faith in the modern world: features of existence and prospects]. *Nauchnyj dialog*, (23): History. Sociology. Philosophy, p. 164—176.
12. Filina O. (2013) Vera bez posrednikov [Vera without intermediaries]. *Ogonek*, 40(5300), 14 okt.

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

С. Н. Митин

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Система образования представляет собой часть общества, а отнюдь не изолированную от него структуру. Поэтому цели, содержание, формы и концепция образования определяются самим обществом и, со своей стороны, влияют на его развитие. Закономерно, что особую актуальность проблемы образования и воспитания приобретают в переходные периоды коренных общественных преобразований, ибо при всей важности экономических, научно-технических и социокультурных инноваций их нельзя рассматривать отдельно от главного действующего лица предполагаемых преобразований — человека. Только интеллектуальный, профессиональный и нравственный потенциал человека служит реальным гарантом каких бы то ни было преобразований, реализации прогнозов и планов.

Именно такая ситуация сложилась в российской исторической традиции в конце XIX — начале XX века, когда на первый план стали выходить прежде всего проблемы формирования и воспитания подрастающего поколения. В этот период вопросами образования и воспитания стали заниматься виднейшие умы российской науки — философы, историки, психологи, деятели культуры и образования. Как результат творческой деятельности, именно в рассматриваемом периоде вышло большое количество научных трудов, затрагивающих проблемы формирования и воспитания личности. Это время, когда остро стали звучать проблемы гуманизации образования, серьезное внимание уделялось индивидуализации, формированию гражданской позиции, патриотическому воспитанию и, самое главное, — духовно-нравственному развитию личности.

Ключевые слова: образование, гуманизм, общество, философия образования, воспитание, личность.

Образование — один из важнейших социальных институтов современной цивилизации. От качества образования в решающей мере зависят как темпы технологического, экономического, политического прогресса, так и состояние культуры и духовности в обществе, наконец, благополучие самого человека.

Провозглашённая сегодня в стране новая культурно-образовательная стратегия признаёт образование приоритетным в государственной политике и считает его одним из решающих факторов экономического и социального прогресса, мощным средством сохранения, развития и передачи от поколения к поколению накопленных человечеством духовных богатств [8, 2].

При этом основные направления, рассматриваемые русской философско-культурологической мыслью, должны стать фундаментом в разработке стратегического направления и деятельности современного общества. К наиболее существенным признакам, характеризующим новый этап развития системы образования в

нашей стране, следует отнести прежде всего принципиально новый подход к оценке роли и места человека в мире, во всех сферах жизни общества.

Он заключается в переходе от деклараций и лозунгов, провозглашавших всестороннее и гармоничное развитие личности в качестве самоцели, к осознанию того, что человеческая жизнь — высшая ценность в мире, а система образования должна быть адаптирована не только к потребностям государства, но и к растущим образовательным, социокультурным и духовным запросам самой личности, каждого человека. Именно недостаток внимания к конкретной человеческой личности породил немало умозрительных схем общественного переустройства, включая и реформы в сфере образования, которые вместо ожидаемого положительного эффекта приводили к застою, идеологическому догматизму и, как результат, к краху многочисленных образовательно-воспитательных парадигм, разрушающихся при соприкосновении

с реальной жизнью. Почти неограниченная тенденция к огосударствлению и механической унификации школ всех типов вела к господству авторитарной педагогики, а значит — к формализму, отчуждению учащейся молодёжи от своих учителей, снижала заинтересованность в овладении знаниями и их качество [1, 8].

Система образования, как и экономика, не избежала «валового» подхода. Соответствующий «продукт» она и выдавала. Между тем мало научить людей производительно работать, нужно их приучить производительно думать. Высшие ценности человечества — это мысли, и общество сильно числом активно мыслящих его членов. Говоря о нацеленности на человека, имеют в виду две её неразрывные стороны. Это прежде всего яркий, доказательный и занимательный разговор о человеке, творце всех ступеней мировой цивилизации. О человеке, который любит, трудится, страдает; о человеке, который защищает справедливость; о человеке, чьим мыслям и деятельности мир обязан великими открытиями. Не менее важна и другая сторона: обращение всех средств обучения, мыслей и речи педагога к интересам и потребностям подрастающего поколения. А это невозможно без давно уже ожидаемой ориентации и учета школьным образованием знаний о современном обществе, в котором мы живём, о мировом сообществе людей, о современной цивилизации. Понятно, что проблемы эти решаются в той или иной мере всеми предметами, всем строем школьной науки.

Однако главная линия развития содержания образования сегодня — его фундаментализация. Она ориентирует организацию самого знания таким образом, чтобы выделить в нём фундаментальный компонент. Это предполагает синтез элементов знаний конкретных наук в качестве основы мировоззренческой позиции человека. Поэтому актуальность эволюционно-синергетической концепции для общеобразовательных учебных учреждений очевидна: она способна обеспечить подготовку учащихся к восприятию единой картины мироздания, решению проблемы смысла жизни.

Актуальность и практическая значимость в этой связи наследия философско-культурологической мысли рубежа веков только усиливается, и поэтому необходимо уделить большее внимание при разработке основных направлений развития и в процессе формирования будущих педагогов данным проблемам, которые решаются в рамках изучения философии и культурологии образования [3, 7].

Поиски «идеальной» модели реформы народного образования 1980-х годов, попытки ограничиться локальными нововведениями в наиболее важных звеньях школы (в широком смысле этого слова) окончились малопродуктивно. В конечном счете была осознана необходимость отказа от эволюционного развития в пользу кардинальных перемен, перехода от разработки локальных проблем образования к макросоциальным решениям. Это означает, что стратегия переустройства школы осуществляется с учётом взаимосвязей учебных заведений с культурой, наукой, производством и общественными отношениями. Реализация такой глобальной стратегии потребовала нового социально-педагогического и культурно-образовательного мышления, позволяющего видеть проблемы образования в контексте динамично меняющегося мира, во взаимосвязи с противоречиями реальной диалектики общественного развития как в масштабах отдельных государств, так и в общечеловеческом измерении.

Необходимость нового образовательного мышления диктуется отчасти и существующим в настоящее время потребительским заказом. Вместе с тем хорошо известно, что качество и уровень продукции таковы, какова культура производителей, а последняя, заметим, в значительной мере формируется системой образования. Отсюда — общественная потребность в гуманитаризации и гуманизации сферы образования, направленной на культивирование индивидуальности в самом прямом и точном смысле этого слова. Как писал Пьер Бурдье, французский социолог, «образовательные институты в своей совокупности, начиная от организации строго индивидуальной работы, которую они предполагают, и до классификационных схем, которые они разворачивают, всегда отдают предпочтение оригинальному в ущерб распространённому и стремятся через содержание преподаваемого материала и через манеру его подачи усилить склонность к индивидуализму...». Система образования, не умеющая это делать, обрекает своих воспитанников в лучшем случае на выполнение ограниченного круга чётко очерченных обязанностей, но не на способность нешаблонно мыслить и тем более принимать нестандартные решения. Если раньше первейшей заботой социализации было приспособление подрастающих поколений к существующему порядку вещей, то ныне на первый план выдвинулась задача подготовки молодёжи к сотворению нового социума, вписываемого усилиями всего

мирового сообщества в постиндустриальную цивилизацию [8].

Вместе с тем, как отмечает академик Н. Моисеев, «как бы ни были сильны тенденции к экономической интеграции, мир в ближайшие десятилетия останется разобщённым и полным разнообразных противоречий непредсказуемой остроты. Но это будет мир «нового индивидуализма», общество, которое будет стремиться к тому, чтобы личность могла в максимальной степени проявить свои творческие способности». Разумеется, этот мир «нового индивидуализма» не означает возвращения к пониманию индивидуализма как «каждый сам за себя». Напротив, это означает возвышение индивида до уровня личностной ответственности за всё, что происходит с ним и вокруг него. Именно такая личность выступает сегодня базисным элементом всех происходящих общественных перемен. Особо следует подчеркнуть, что в условиях смены социального строя направленность дальнейшего развития будет определяться ценностными установками общества [8].

Выбор, перед которым поставлена сегодня Россия, отнюдь не является только политическим или только экономическим. Этот выбор носит универсальный, социокультурный, общечивилизационный смысл: будет ли Россия руководствоваться главным, определяющим человеческим измерением своего развития или по-прежнему будет подчинять это измерение безличностно-институциональным параметрам? В настоящее время во всём мире происходят совершенно определённые процессы, характеризующиеся гуманизацией и гуманитаризацией человеческих знаний. Если первая половина XX века проходила под знаком приоритетного развития физики, а затем химии и биологии, то XXI век станет веком гуманитарных наук о человеке и человечестве. Как справедливо отметил писатель С. Залыгин, «мы хотим, чтобы все без исключения науки приобрели целесообразность, которая определяется чувством меры, а эту меру можно назвать истиной. Этика для всех наук — вот что, прежде всего, необходимо. Но разработать такую этику должны, очевидно, науки гуманитарные, ибо этика — существо гуманизма. Подчинение науки и техники подлинным и долговременным интересам человечества вопреки интересам временным, интересам кажущимся — вот проблема, которую люди должны решать сегодня же, не откладывая».

Проблема гуманизации образования исключительно важна для средних общеобразовательных и высших учебных заведений [3, 5].

Появление ее в сфере образования не случайно и связано с гуманизацией всей нашей жизни, с осознанием роли человека в развитии общества. Мы понимаем под гуманизацией введение в образование высоких нравственных критериев профессиональной деятельности, ответственности, красоты.

Итак, формирование свободной и ответственной личности следует поставить в центр всей системы образования. И если в условиях авторитарно-репрессивной культуры подрастающему поколению давалась роль реципиента тех норм и установок, которые задавало ему старшее поколение, то в современных условиях молодёжь не признаёт подобного автоматизма и непреложно распределения ролей, что определяется распадом и дискредитацией различных форм традиционной авторитарной культуры [2, 4].

При всех внутренних факторах гуманизации образования решающее значение для построения гуманной и эффективной системы воспитания, обучения и развития человека имеет социально-экономическая обстановка в стране, определяющая реальный престиж образованности, профессионализма и компетентности каждого члена общества. Только сочетание внешних (социально-экономических) и внутренних (психолого-педагогических) стимулов и мотивов позволит перейти от благих пожеланий к построению работоспособных и эффективных образовательно-воспитательных структур, удовлетворяющих запросы как общества, так и развивающейся личности.

Социальная же эффективность системы образования и есть мера соответствия его уровня, качества и масштабов текущим и перспективным потребностям как личности, так и общества.

Успех каждой реформы системы образования определяется не только материально-экономическими, социально-педагогическими и организационными причинами, хотя в конечном счете это всегда выходило на первый план. Не менее важна и проблема концептуальной направленности реформ, соотношения двух её сторон: предметной сущности модернизаций, которые действительно должны вносить и утверждать новое, и сохранение самобытности национальной культуры, опоры на неё — то, что мы и называем преемственностью в лучшем смысле этого слова.

В истории отечественного образования отчётливо просматриваются три этапа, которым соответствовали педагогические концепции и теории определённой гуманистической ориентации, как правило, альтернативные официаль-

ной линии в образовательной сфере общества. Антрополого-гуманистическое направление в теории образования и воспитания в 1920-е годы представлено такими именами, как П. Каптерев, М. Рубинштейн, К. Вентцель и др., сторонниками развивающего обучения. В то время как идее «классового» воспитания соответствовала идея «классового» образования, особенность трактовки проблем образования и воспитания педагогами-антропологами в 20-е годы XX века заключалась в том, что их внимание было обращено не только и не столько к классовым, социально-политическим и идеологическим аспектам этих проблем, сколько к естественно-научным и психологическим сторонам образовательного процесса, поискам действенных побудителей развития личности. Главный методологический посыл сторонников этого направления — действие внешних побудителей может активизировать развёртывание вовне исходной психологической структуры организма, обеспечить оптимальное развитие её индивидуального инварианта, но не создать заново требуемое личностное качество [2, 3, 6, 9].

Цель образования — восстановление и дальнейшее развитие традиций русской школы и образования. Все три тенденции, как представляется, идут в русле развития гуманистической традиции, в истории которой выделяют также три ведущие идеи, прошедшие испытание временем и, к сожалению, так и не освоенные ещё до конца жизненной практикой. Среди них — идея свободного развития (представители эпохи Возрождения, Просвещения, социалисты-утописты, теоретики свободного воспитания); кантовская идея категорического нравственного императива, раскрывающая существо гуманизма (человек — не средство, а цель), в том числе и в образовательном процессе; идея приспособления системы воспитания к человеку, а не наоборот.

В сфере воспитательной деятельности переосмысливается весь комплекс проблем, объединённых темой «коллектив и личность». Принцип подчинения личных интересов общественным, доведённый до абсурда, не выдержал испытания жизнью ни в образовательной сфере, ни по всей системе общественных отношений. Одной из характерных особенностей современного состояния проблемы социализации и является коренное изменение её парадигмы.

Понимание социализации как процесса общественного воспроизводства, в ходе которого индивид приобретает способность выделить себя в качестве субъекта собственной жизни и жизнотворчества, содействуя не только поддержанию и воспроизводству существующей социальной системы, но и её изменению, ставит в центр внимания нашего исследования проблему взаимодействия двух противоположных тенденций социального формирования — общения и обособления личности.

Поэтому антропоориентированная педагогическая парадигма (от греческого «антропос» — человек) — воспитательная парадигма самореализации личности — формула современной гуманистической педагогики, современного гуманистического воспитания и образования. Таким образом, гуманистическая педагогика, недостатка в исторических корнях которой мы не испытываем, исходит из признания самоценности человека, понимается, в сочетании с учётом общественного характера его бытия, что требует вполне определённых ценностных установок и норм поведения. Наиболее массовым типом учебного заведения, дающего человеку путевку в жизнь, является общеобразовательная школа, которая в настоящее время находится в зоне повышенного общественного и научного внимания; именно общее образование, рассматриваемое как базовое звено системы непрерывного образования [10].

Литература

1. Гагаев П. А. Культурно-исторический аспект развития отечественных философско-педагогических учений 18—20 веков : дис. ... д-ра пед. наук / П. А. Гагаев. — Волгоград, 2000.
2. Гагаев А. А. Русские философско-педагогические учения 18—20 веков / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. — М., 2002.
3. Герунский Б. С. Философия образования для 21 века: в поисках практико-ориентированных образовательных концепций / Б. С. Герунский. — М., 1998.
4. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. — Л., 1991. — Т. 1—2.
5. Кравцов В. А. Философия образования в истории русской мысли / В. А. Кравцов. — М., 2002.
6. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милуков. — М. : Прогресс, 1993. — 528 с.
7. Менделеев Д. И. Сочинения / Д. И. Менделеев. — Л., 1952. — Т. 21, 23, 24.
8. Митина И. Д. Социокультурные парадигмы образовательной деятельности в общественно-политической мысли России конца 19 — начала 20 веков: философско-педагогический аспект : дис. ... д-ра пед. наук / И. Д. Митина. — Ульяновск, 2004.
9. Плеханов Е. А. Философско-педагогическая антропология «Нового богословия» / Е. А. Плеханов. — Владимир, 2002.
10. Степашко Л. А. Философия и история образования / Л. А. Степашко. — М., 1999.

EDUCATION AS A SOCIAL AND CULTURAL INSTITUTION OF MODERN SOCIETY**I. D. Mitina**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com**S. N. Mitin**Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

The education system is a part of society, and not a structure isolated from it. Therefore, the goals, content, forms, and concept of education are defined by the society itself, and, for their part, influence its development. Naturally the problems of education and upbringing are acquired during transition periods — periods of fundamental social transformations, because, for all the importance of economic, scientific, technical and socio-cultural innovations, they cannot be considered separately from the main character of the probable transformations man. Only the intellectual, professional and moral potential of a person serves as a real guarantor of any transformations, the implementation of predictions and plans.

This is exactly the situation that developed in the Russian historical tradition at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries, when the problems of the formation and upbringing of the younger generation came to the forefront. During this period, the most prominent minds of Russian science — philosophers, historians, psychologists, and cultural and educational workers — began to study the issues of education and upbringing. As a result of creative activity in the period under review, a large number of scientific works were published, affecting the problems of the formation and upbringing of the individual. This is the time when the problems of the humanization of education began to sound acute, serious attention was paid to individualization, the formation of a civic position, patriotic education and, most importantly, the spiritual and moral development of the individual.

Key words: education, humanism, society, philosophy of education, upbringing, personality.

References

1. Gagaev P. A. (2000) *Kulturno-istoricheskiy aspekt razvitiya otechestvennykh filosofsko-pedagogicheskikh ucheniy 18—20 vekov* [Cultural and historical aspect of development of the soviet philosophical and pedagogical learning]. Dis. ... Doctor of Pedagogics. Volgograd.
2. Gagaev A. A., Gagaev P. A. (2002) *Russkie filosofsko-pedagogicheskie ucheniya 18—20 vekov* [Russian philosophical and pedagogical learning]. Moscow.
3. Gerunskiy B. S. (1998) *Filosofiya obrazovaniya dlya 21 veka: V poiskah praktiko-orientirovannykh obrazovatelnykh kontseptsiy* [Philosophy of education for 21st century: in search of practice-oriented educational concepts]. Moscow.
4. Zenkovskiy V. V. (1991) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Vol. 1—2, Leningrad.
5. Kravtsov V. A. (2002) *Filosofiya obrazovaniya v istorii russkoy mysli* [Philosophy of education in the history of Russian thought]. Moscow.
6. Milyukov P. N. (1993) *Ocherki po istorii russkoy kultury* [Essays on the history of Russian culture]. Moscow: Progress, 528 p.
7. Mendeleev D. I. (1952) *Sochineniya* [Essays]. Leningrad, Vol. 21, 23, 24.
8. Mitina I. D. (2004) *Sotsiokulturnye paradigmy obrazovatelnoy deyatel'nosti v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii kontsa 19 — nachala 20 vekov: Filosofsko-pedagogicheskiy aspekt* [Social and cultural paradigms of learning activity in the social and political thought of Russia of late 19th — beginning 20th centuries]. Dis. ... Doctor of Pedagogics, Ulyanovsk.
9. Plekhanov E. A. (2002) *Filosofsko-pedagogicheskaya antropologiya "Novogo bogosloviya"* [Philosophical and pedagogical anthropology of "New theology"]. Vladimir.
10. Stepashko L. A. (1999) *Filosofiya i istoriya obrazovaniya* [Philosophy and history of education]. Moscow.

И. Д. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
snm7151@gmail.com

Т. С. Митина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
cherry07@mail.ru

А. В. Мартыненко

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
avalmart@list.ru

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ РИТУАЛОВ И ОБРЯДОВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Одной из приоритетных сфер современной культурологии является изучение социокультурной составляющей этнокультурной традиции, на формирование которого оказывает влияние ряд экономических, политических, социальных, культурных факторов. Сформированная этнокультурная традиция является социокультурным пространством жизни человека.

Таким образом, обряд и ритуал являются стереотипной поведенческой формой, которая предназначена для гармонии и единения с природой, божественными силами, космосом и прочими сакральными аспектами.

Многообразие подходов к обрядовой культуре и традиции демонстрирует широту человеческого понимания и сознания в аспекте социальных взаимодействий и преемственности поколений.

Каждый народ обладает своими уникальными традициями, обычаями, обрядами и ритуалами, а также национальной одеждой и кухней, устным народным творчеством, культурой танцев и музыки, характерными особенностями быта. Ритуалы и обряды в контексте культуры и традиции народа позволяют идентифицировать культуру, поймать характерные особенности и отличия от прочих культур, при этом сохраняя идентичность нации.

Глубокое понимание особенностей специфики культуры у разных народов способствует выстраиванию гармоничных отношений в процессе межкультурного общения.

Ключевые слова: культура, обычай, ритуал, традиция, искусство, повседневность, символ, образ, знак.

Опыт исследования ритуалов и обрядов в этнокультурной традиции как части русского этнокультурного пространства основывается на анализе существующих концепций, рассматривающих феномен данных понятий с различных точек зрения.

Понятия «ритуал» и «обряд» в некоторых источниках совпадают, более того, они упот-

ребляются равнозначными по смыслу. Анализ данных понятий дает представление о том, в чем заключается их различие и особенности.

Сфера действия обряда ограничивается областью быта и морали. Из этого следует, что обычай легко может сформироваться из обычных привычек. Несомненно, некоторые привычки на уровне этноса становятся обычаем.

Так, обряд представляет собой различные проявления действия, совокупность действий стереотипного характера, которым присуще символическое значение. Стереотипный характер действий обряда, то есть их чередование в некотором более или менее жестко заданном порядке, отражает происхождение слова «обряд». В сущности, с точки зрения этимологии оно означает именно «приведение чего-либо в порядок» [16]. Обряд можно также рассматривать с точки зрения характеристики действия человека. Кроме того, обряд определяется как совокупность символических стереотипных коллективных действий, воплощающих в себе те или иные социальные идеи, представления, нормы, ценности и вызывающих определенные коллективные чувства [14].

В дореволюционных исследованиях термин «ритуал» трактовали в качестве совокупности обрядов, которые сопровождают религиозный акт. Так, вплоть до 1980-х годов ритуал был соотносим с религиозной сферой, а обряд — с обыденной, житейской.

Позже обряд стал рассматриваться как целостная совокупность ритуалов. Главное, что отличает обряд от ритуала, — это отсутствие чего-либо предписанного, поскольку в русском народном обряде все исходит от устного народного предания.

Таким образом, под обрядом подразумевается корень символических действий, установленных в обществе.

Согласно воззрениям С. В. Глазко, от ритуала неотделимо понятие «сакральность». Так, в ритуале этнокультурной традиции обозначаются две грани «священного»: выявление божественного начала, к которому обращаются участники обряда, и табуирование непосредственного общения с этим божественным началом для обеспечения наибольшей сокровенности [3].

Ритуал является одной из архаических форм культурной традиции. Прообраз ритуала есть осуществление божественных тайн, сакральный культ, символизм [11, с. 84].

Истоки ритуалов в генетическом подходе находили в культуре тотемизма, причинами чего стали следующие аспекты:

1. Предмет религиозного поклонения тотемизма заключается в олицетворении социальных сил, которые господствуют над человечеством.
2. Конкретное выражение определенной общественной группы.
3. Переплетение социальных связей с обрядами и религиозными представлениями [15].

Демьянов В. А. отмечает глубокое психологическое воздействие ритуала на психику его участников, поскольку в этот момент самые поллярные эмоции сливаются воедино и преобладают над человеческим разумом.

Таким образом, можно заключить, что ритуал является стереотипной поведенческой формой, которая предназначена для гармонии и единения с природой, божественными силами, космосом и прочими сакральными аспектами.

Исходя из рассмотренных положений, мы можем выделить следующие функции обряда:

1. Космологическая функция.
2. Религиозно-правовая функция.
3. Социальная функция.
4. Производственно-экономическая функция.

В конечном итоге обряд представляет собой путь к Творцу, взаимодействие с миром Творца (со Светлым Ирием — тонким миром).

Ритуал по своему смыслу схож с обрядом, однако имеет и существенное различие. Необходимо подробнее рассмотреть данную категорию.

Существует поверье, что однажды в Светлом Ирие появился антими́р — область агрессивных энергий, отвергаемых Творцом. Эти энергии не живут по законам Прави и не имеют собственного источника существования, кроме паразитирования в явном мире с душами человеческими [8]. Именно такой энергией обладает ритуал: при исполнении проводящий его жрец, маг, окултист, псевдосвященник, псевдоволх, псевдостарец своими действиями формировал особый канал с антими́ром и вызывал к себе одного или нескольких хищных существ антими́ра. Кроме того, в ритуале обязательно предполагается и наличие жертвы. Такая жертва должна ассоциироваться с человеческим телом, человеческой кровью, иметь отношение к вещам того, на кого направлен ритуал [11].

Каждый народ обладает своими уникальными традициями, обычаями, обрядами и ритуалами, а также национальной одеждой и кухней, устным народным творчеством, культурой танцев и музыки, характерными особенностями быта. Ритуалы и обряды в контексте культуры и традиции народа позволяют идентифицировать культуру, поймать характерные особенности и отличия от прочих культур, при этом сохраняя идентичность нации. Глубокое понимание особенностей специфики культуры у разных народов способствует выстраиванию гармоничных отношений в процессе межкультурного общения. Исследование подходов к ритуально-обрядовой деятельности, глубоко укоренившихся

в жизни народов, предполагает влияние на современные отношения внутри социума в контексте межкультурной коммуникации [4].

Проблема традиции во все времена волновала исследователей. Так, еще в Древнем Китае существовали трактовки традиции и отношения к ним. В Европе возросший интерес к традиции отмечался во времена Ренессанса, чему послужили критика церкви и отжившие отношения [5].

Культуре ритуалов и обрядов посвящены работы В. Р. Смита, Дж. Фрезера, Э. Дюркгейма и З. Фрейда. Функциональный подход к изучению теории ритуалов и обрядов в культурной традиции, в частности происхождение и природу ритуалов, изучала группа таких авторов, как Б. И. Малиновский, А. Р. Радклиф-Браун, Е. Эванс-Причард, Т. Парсонс. Среди сторонников историко-религиозного подхода можно отметить Р. Отто, М. Элиаде, Е. О. Джеймса. Выделяя труды отечественных исследователей, социологов, этнографов, фольклористов приведем в пример С. А. Токарева, Б. Н. Путилова, А. К. Байбурина, А. С. Муратову.

Исследовательская мысль данных авторов способствует детальной интерпретации подходов к традициям и обрядам.

Головлева Е. Л. понимает обрядовую культуру как совокупность знаний об обрядах и их значении в практиках обрядовых действий. По мнению автора, понятие обрядовой культуры имеет как вербальное, так и невербальное значение, которое, в свою очередь, выражается в обрядовом поведении, жестах и фольклоре. Уровень обрядовой культуры определяется знанием и вовлеченностью конкретного индивида в знание обрядов и традиций [4].

Историко-культурологический подход к пониманию обрядовой деятельности и традиций был разработан С. Н. Иконниковой, М. С. Каганом, Э. С. Маркаряном. Такой подход позволяет анализировать обряд в качестве феномена культуры. Специфика данного метода заключается в следующем: здесь традиционная обрядовая культура рассматривается как ценностно-нормативные и регулятивно-коммуникативные механизмы социальной организации в контексте исторического ракурса. В сравнении с историко-культурологическим подходом к рассмотрению обрядов, прочие подходы являются более «частными».

В 1909 году в историю вошел такой термин, как «обряды перехода». Он был введен Арнольдом ван Геннепом, французским антропологом. Такие обряды связывались автором с кризисами индивидуального жизненного цикла и кален-

дарным циклом. Ученый пришел к выводу, что обряды перехода являются звеном той же модели, что и обряды инициации, служа при этом средством перемещения из одного статуса в другой. Таким образом, основная особенность ритуалов заключается в переходе индивида от одной сферы к другой [1].

Обряды перехода — это поэтапное прохождение человеком всех стадий жизненного пути от самого рождения и до смерти. Несомненно, что в архаических этапах истории они главенствовали, поскольку зачастую символизируют полную потерю бывшей сущности и приобретение нового статуса. Это связано с изменениями социальных статусов и даже появлением нового имени. В ритуалах перехода одно из ключевых мест отведено обрядам инициации, то есть переходу в статус взрослого полноправного члена племени. Эти ритуалы у различных народов могут сильно отличаться друг от друга. Зачастую обряды инициации связаны с необходимостью терпеть боль и испытывать голод. Обряды инициации для мужского населения являются наиболее сложными и важными из всех ритуалов перехода [6].

Интересно отметить, что обряды инициации сохранились в современном обществе, значительно претерпев изменения. К примеру, к таким обрядам можно отнести ритуал вступления в брачные отношения, выход на пенсию, ритуалы смерти и рождения, получение паспорта и прочие. Как видно из вышесказанного, главная цель обрядов инициации заключается в составлении и присвоении нового статуса.

Необходимо обратить внимание на то, что категории обряда, ритуала, обычая, традиции зачастую употребляются как взаимозаменяемые. Под традицией, как правило, понимается то, что принято людьми с незапамятных времен, устойчиво воспроизводится, повторяется [13].

Этнологический подход к пониманию и интерпретации обряда в качестве объекта исследования рассматривает традиционное общество в сравнении с современной культурой. Характерная черта такого подхода заключается в изучении культуры и человека в «естественном» состоянии, где ритуал имеет огромное значение для социокультурной адаптации. Сформированная система ритуала призвана контролировать и регулировать способы социального взаимодействия индивидов, вырабатывая стереотипы их поведения [6].

Этнология рассматривает ритуалы как сложное символическое действие, которое используется в жизни человека для связи его с

сакральными объектами. Так, ритуал представляет собой определенный набор действий, призванных повлиять на действительность. Такие действия всегда символичны и всенародны.

Примечательно, что вся ритуально-обрядовая деятельность свободно разделяется на две большие категории: положительные обряды и отрицательные ритуалы. Отрицательные ритуалы особым образом делят мир на сакральное, священное и обыденное. Положительные ритуалы противоположны в своем значении, поскольку идеология их заключается в единении двух вышеназванных миров. Иными словами, ключевой идеей положительных обрядов является обеспечение мирового единства и восстановление нарушенного порядка вещей в мире.

Кроме того, обряды и ритуалы рассматриваются с точки зрения религиозности и магии. Магия, в отличие от религий, опирается на сверхъестественные силы, обожествляя их. Магические ритуалы преследуют непосредственные, ближайшие цели, являются делом отдельных людей, а религиозные ритуалы — дело всего общества [6].

Сформировавшиеся ритуалы отличаются также массовостью и функциональностью для приверженцев, выполняющих их. Рассмотрим виды ритуалов при упомянутом критерии:

1. Кризисные ритуалы (совершаются группой или одним индивидом в критический период жизни).
2. Ритуалы интенсификации (совершаются в период потребности восстановления нарушенного ранее жизненного равновесия).
3. Ритуалы родства.

Классификация ритуалов затрагивает и половую принадлежность. Так, ритуалы бывают:

1. Женские.
2. Мужские.
3. Смешанные.

Также выделяют следующие ритуалы взаимоотношений в обществе:

1. Ритуалы избежания ограничений в поведении для поддержки дистанции между людьми различного статусного уровня.
2. Ритуалы презентации (служат для поощрения и активизации взаимодействия между людьми) [6, с. 90].

В ритуале этнокультурной традиции отсутствовала однородная семиотическая система, специально предназначенная для фиксации, хранения и переработки информации. Природному и культурному окружению придавался особый, знаковый характер. Основной темой, присутствующей в любом ритуале, являлась тема

творения мира, установления различного рода правил и схем (брачных отношений и родства).

Знаки, которые использовались в культуре ритуального типа, в силу собственной разнородности не были приспособлены к тому, чтобы образовывать тексты в привычном смысле этого слова. Они не могут быть выстроены в некую пространственную цепочку и, как следствие, не образуют привычной нам пространственной синтагматики. Отсюда нередко делается вывод, что семиотические структуры ритуального типа лишены этого важнейшего параметра текста. Ритуальный текст организован также с помощью синтаксических отношений, но они носят временной, а не только пространственный характер.

Необходимо обратиться к более подробному рассмотрению подходов к обрядам и ритуалам. Так, социологический подход, который исследовали Ю. В. Арутюнян, С. К. Бондырева и Л. Г. Ионин, в качестве задач имел в виду комплексный подход к особенностям макросреды, этнокультурной специфики. Этносоциология формировалась как специальная социологическая теория среднего уровня на основе эмпирических исследований. Этот подход близок к функционализму Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, которые считали, что общественные явления можно объяснить, анализируя их функции в общественной системе [9].

Сторонники генетического подхода — Э. Тейлор и У. Робертсон-Смит, Дж. Фрэзер и З. Фрейд, Э. Лэнг, Дж. Мак-Леннан и Р. Маретт — пришли к выводу, что при помощи обнаружения своеобразного исторического первокульта появляется возможность дать объяснение всем современным ритуалам. Основной предпосылкой данного подхода выступает идея о том, что онтогенез воспроизводит в ускоренной форме филогенез. В качестве первокульта и первокульта брались различные культуры и ритуалы. Одной из ключевых тем в контексте генетического подхода являлась тема жертвоприношений человека и животных, а также первопричины и мотивы возникновения таких ритуалов.

Зигмунд Фрейд определил ритуал совершенно обособленным и уникальным понятием. В основе его теории располагается представление о всеобщем и врожденном характере Эдипова комплекса, то есть детского сексуального влечения сына к матери и стремления к убийству отца. Согласно автору, тотемистические ритуалы сублимируют подавленные, вытесненные чувства любви и ненависти, вины и раскаяния, а их предназначение заключалось в обуздании

разрушительных иррациональных инстинктов всего человечества, направляя их в социально позитивное русло.

Не менее интересна концепция Р. Белла, поскольку он создал собственную идеологию перворитуала, где располагается картина мира, основанная на научных данных по изучению аборигенов Австралии, которая оставалась до европейской колонизации единственной обширной культурно-исторической областью мира, не затронутой ничьим влиянием. Согласно автору, эта стадия развития ритуала имеет свои особенности:

1. Высокая степень соответствия мифического мира миру реальному.

2. Текучесть внутренней структуры.

Здесь население не столько почитает сверхъестественную сущность, сколько сопоставляет себя с ними, при этом принимая участие в их жизни. Ритуал, таким образом, включает не жертвоприношения, а вполне конкретные действия, в ходе которых участники обряда своеобразно пытаются стереть границу между собственной личностью и сверхъестественными существами [10].

Функциональный подход к трактованию обрядовой деятельности предполагает, что абсолютно каждый элемент культуры функционально необходим для удовлетворения определенных потребностей человечества. В данном контексте субъекты культуры рассматриваются с позиции их места в целостной культурологической системе. Традиционное состояние социальных систем проявляется в самодостаточности, равновесии, гармоническом единстве. Именно с этой позиции и происходит оценка функциональности элементов культуры [10].

Функционализм приводил попытки оправдать ритуальное поведение, пользуясь такими понятиями, как «индивидуальные потребности» и «социальное равновесие». В этом контексте ритуал является формой удовлетворения потребности. Таким образом, центральное понятие в функциональном подходе отводится сущности функции.

В рамках функционального подхода Б. Малиновский говорит о ритуальном поведении как о форме магии. Так, человечеству свойственно прибегать к обрядовой практике в целях устранения чувства страха.

Жители Тробрианских островов, которых изучал Б. Малиновский, к магии обращались, как правило, до или во время плавания в море, предполагая, что иными способами они не могут обеспечить благополучное плавание, благоприятную погоду и ветер, изобилие рыбы.

Семиотические исследования являются значимым направлением в области изучения обрядовой культуры. Следуя данному пониманию, все культурные феномены закреплены знаками, тем самым представляя знаковые механизмы для демонстрации их рациональности. Так, знак передает определенный посыл и выполняет посредническую роль внутри культуры, а ритуал рассматривается непосредственно в качестве знаковой культуры. В качестве представителей данной мысли следует выделить Ю. М. Лотмана и А. М. Пятигорского.

Такие исследователи, как А. К. Байбурин, А. В. Гура, Г. А. Левинтон и другие, рассматривают ритуал в качестве многослойного текста, выраженного семиотическим языком культуры. Авторы полагают, что любой обряд может быть олицетворен именно в тексте с многообразием алфавитов и шрифтов. Смысл данного направления заключается в том, что ритуал — это некоторая последовательность действий и обращений к предметам, которые, в свою очередь, имеют символический смысл и связаны со словесными изречениями. В центре данного подхода находится трансляция социального опыта во времени и пространстве [2].

Головлева Е. Л. определяет обрядовую культуру как «совокупность знания обрядов и их значения и практики обрядовых действий, а также их включенность в повседневную жизнь. Оно содержит вербальную и невербальную составляющие, которые выражаются в обрядовом поведении, обрядовых жестах, обрядовом фольклоре, материальных компонентах обряда» [3].

Таким образом, многообразие подходов к обрядовой культуре и традиции демонстрирует широту человеческого понимания и сознания в аспекте социальных взаимодействий и преемственности поколений.

В связи с тем, что этнокультурная традиция включает осмысленное содержание всего составляющего, целесообразно проанализировать особенности символизма ритуалов и обрядов, которые им пронизаны.

Литература

1. Апухтина Н. Г. Традиционная обрядовая культура в контексте культурологических исследований: обзор подходов / Н. Г. Апухтина, Н. А. Сафонова // Вестн. Челябинской гос. акад. культуры и искусств. — 2013. — № 3. — С. 57—63.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — СПб. : Наука, 1993.
3. Глазко С. В. Ритуал как ключевое явление мифопоэтической традиции / С. В. Глазко // В лабораторию ученого. — 2010.
4. Головлева Е. Л. Обрядовая культура как источник формирования странового имиджа / Е. Л. Головлева // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2009. — № 4.
5. Четвертакова Ж. В. Культурологические подходы к методологии изучения традиций / Ж. В. Четвертакова // Аналика культурологии. — 2010.
6. Садохин А. П. Этнология : учеб. / А. П. Садохин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Гардарики, 2004. — 287 с.
7. Социология : учебно-методическое пособие для самостоятельного изучения дисциплины (для студентов ФПО и заочного обучения). — Харьков : Харьковская национальная акад. городского хозяйства, 2007.
8. Демьянов В. А. Рахманы, волхвы: борьба сквозь тысячелетия / В. А. Демьянов. — Исторический центр «Ровно Суренж», 2012. — URL: http://rivne-surenzh.com.ua/ru/our_articles/122.
9. Демьянов В. А. Семь правил Прави / В. А. Демьянов. — Исторический центр «Ровно Суренж», 2013. — URL: http://rivne-surenzh.com.ua/ru/our_articles/126.
10. Лисина Е. А. Многообразие подходов к определению понятия «ритуал». Восприятие ритуала / Е. А. Лисина // SuperInf. — 2012. — URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1886.
11. Обряды и ритуалы. В чем разница // Славянская культура. — 2012. — URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/arisk/objady-i-ritualy-v-chem-raznica.html>.
12. Обычаи, обряды, ритуалы в народной культуре // Автор 24. — 2015. — URL: https://author24.ru/spravochniki/kulturologiya/vzaimodeystvie_kultur_kak_dialog/obychai_obryady_ritualy_v_narodnoy_kulture.
13. Русский свадебный обряд // У нас свадьба. — 2016. — URL: <http://www.unassvadba.ru/academy/traditions-and-rituals/article/svadebnyy-obryad-na-rusi-us>.
14. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. — М., 2014. — С. 291—292.
15. Теория и методология научного исследования / Рос. ун-т дружбы народов. — 2016. — URL: <http://esystem.pfur.ru/mod/book/view.php?id=30759&chapterid=242>.
16. Белова О. В. Христианство народное / О. В. Белова // Славянские древности : этнолингвистический слов. : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого ; Ин-т славяноведения РАН. — М. : Междунар. отношения, 2012. — Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 462—466.

SPECIFICITY OF STUDYING RITUALS AND RITES IN ETHNO-CULTURAL TRADITION

I. D. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
snm7151@gmail.com

T. S. Mitina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
cherry07@mail.ru

A. V. Martynenko

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)
avalmart@list.ru

One of the priority spheres of modern Culturology is the study of socio-cultural component of ethno-cultural tradition, the formation of which is influenced by a number of economic, political, social, cultural factors. Formed ethno-cultural tradition is a socio-cultural space of human life.

Thus, the rite and the ritual is a stereotyped behavioral form, which is created for harmony and unification with nature, divine forces, cosmos and other sacral aspects.

The diversity of approaches to ritual culture and tradition demonstrates the breadth of human understanding and consciousness in the aspect of social interactions and continuity of generations.

Each nation has its own unique traditions, customs, rites and rituals, as well as national clothing and cuisine, oral folk art, dance and music culture, characteristic features of everyday life. Rites and rituals in the context of culture and traditions allow to identify the culture, find the characteristics and differences with other cultures, while maintaining the identity of the nation.

A deep understanding of the peculiarities of culture of different peoples helps to build harmonious relations in the process of intercultural communication.

Key words: culture, custom, ritual, tradition, art, everyday life, symbol, image, sign.

References

1. Apukhtina N. G., Safonova N. A. (2013) Traditsionnaya obryadovaya kultura v kontekste kulturologicheskikh issledovaniy: obzor podhodov [Traditional ritual culture in the context of cultural studies: a review of approaches]. Vestnik of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, (3), p. 57—63.
2. Bayburin A. K. (1993) Ritual v traditsionnoy culture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochno-slavyanskikh obryadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka.
3. Glazko S. V. (2010) Ritual kak klyuchevoe yavlenie mifopoeticheskoy traditsii [Ritual as the key phenomenon of the mythopoetic tradition]. V laboratoriyu uchenogo.
4. Golovleva E. L. (2009) Obryadovaya kultura kak istochnik formirovaniya strannovogo imidzha [Ritual culture as a source of formation of the country image]. Informational humanitarian portal "Znanie. Ponimanie. Umenie", (4).
5. Chetvertakova J. V. (2010) Kulturologicheskie podhody k metodologii izucheniya traditsiy [Culturological approaches to the methodology of studying traditions]. Analitika kulturologii.
6. Sadokhin A. P. (2004) Etnologiya [Ethnology]. Textbook, 2nd ed. Moscow: Gardariki, 287 p.
7. Sotsiologiya (2007) [Sociology. Teaching aid for self-study of the discipline]. Kharkov: Kharkov National Academy of Municipal Economy.
8. Demyanov V. A. (2012) Rahmany, volhvy: borba skvoz tysyachiletia [Rakhmans, Magi: the struggle through the millennia]. Historical center "Rovno Surezh". URL: http://rivne-surezh.com.ua/ru/our_articles/122.
9. Demyanov V. A. (2012) Sem pravil Pravi [Seven Rules]. Historical center "Rovno Surezh". URL: http://rivne-surezh.com.ua/ru/our_articles/126.
10. Lisina E. A. (2012) Mnogoobrazie podhodov k opredeleniyu ponyatiya "ritual". Vospriyatie ritual [The diversity of approaches to the definition of "ritual". The perception of ritual]. SuperInf. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1886.
11. Obryady i ritualy. V chem raznitsa [Rites and rituals. What is the difference]. Slavyanskaya kultura (2012). URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/arisk/obryady-i-ritualy-v-chem-raznitsa.html>.
12. Obychai, obryady, ritualy v narodnoy kulture [Customs, rituals, rituals in folk culture]. Author 24, 2015. URL: https://author24.ru/spravochniki/kulturologiya/vzaimodeystvie_kultur_kak_dialog/obychai_obryady_ritualy_v_narodnoy_kulture.
13. Russkiy svadebnyj obryad. U nas svadba (2016) [Russian wedding ceremony. We have a wedding]. URL: <http://www.unassvadba.ru/academy/traditions-and-rituals/article/svadebnyy-obryad-na-rusi-us>.
14. Osipov G. V., Moscvichev L. N. (2014) Sotsiologicheskii slovar [Sociological dictionary]. Moscow, p. 291—292/
15. Teoriya i metodologiya nauchnogo issledovaniya [Theory and methodology of scientific research]. Peoples' Friendship University of Russia, 2016. URL: <http://esystem.pfur.ru/mod/book/view.php?id=30759&chapterid=242>.
16. Belova O. V. (2012) Khristianstvo narodnoe [Folk Christianity]. Slavic Ancients: Ethnolinguistic Dictionary: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow: Int. relationship, Vol. 5, p. 462—466.

Л. Г. Савинова

Управление
по общественным
проектам Администрации
Губернатора
Ульяновской области
(г. Ульяновск, Россия)
milianto@mail.ru

АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ АРГУМЕНТАЦИИ СТОРОН В НАУЧНЫХ СПОРАХ*

В статье анализируется ситуация, когда философские идеи, основания которых придерживается ученый, влияют на его позиции в научных спорах и аргументацию научной дискуссии в целом. Постулируется, что ученые могут не принимать на философском уровне ту или иную концепцию и критиковать поэтому ее философские основания, а не саму концепцию. Материал проиллюстрирован историческими примерами.

Проведен логико-гносеологический анализ философских оснований аргументации сторон в научных спорах. Выявлены особенности научной и философской аргументаций. Научная аргументация, как и философская, направлена на обоснование истины, но способы установления фактов и их проверки в науке более универсальны, чем в философии. Обнаруживаются проблемы терминологического характера. Определяется соотношение понятий «рациональная аргументация», «научная аргументация» и «философская аргументация».

Дискуссия также рассматривается как вид научного спора. От выбора ученых зависит, по какому пути пойдет их общение: если по позитивному и конструктивному — то это путь дискуссии, а если по негативному и деструктивному — путь насилия, конфликта.

Выдвигая идеи, совершенствуя человеческий разум, философия решает задачи, необходимые для функционирования науки и общественной жизни. Философия дает перспективу, стратегический ориентир для научного познания и практики. Наука при этом, в свою очередь, конкретизирует проблематику до предмета рассмотрения, действуя и исследуя предмет своими методами. Специфика философской аргументации во многом определяется спецификой философии.

Ключевые слова: социальная философия, научные дискуссии, научный спор, диалог, теория аргументации, гносеология.

*Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-01023 «Механизмы и уровни научной рефлексии как катализатора научного творчества».

Во все времена научное познание было связано с процедурами доказательства истинности и опровержения заблуждений, и в какой бы области науки или общественной практики ни защищали свою позицию люди, они неизбежно сталкивались с необходимостью ее обоснования.

В античности и средневековье преобладали вопросно-ответный метод ведения диспута и аргументные формы диспута. Также к историческим формам дискуссии относятся «сократический диалог» и аристотелевская «диалектическая беседа». Характерно, что их участники имеют целью выяснение истины в рассматриваемом вопросе, и в этом смысле данные формы могут рассматриваться как формы научной — в широком смысле этого слова — дискуссии. К вопросно-ответно-аргументным формам относится, например, аристотелевская «диалектическая беседа». Что касается дискуссии, протекающей

в соответствии со средневековым учением «об обязательствах», то сама ее структура исключает постановку перед участниками подобных познавательных целей.

Отметим, что исследовательский интерес вызывает именно научный спор (в частности дискуссия), а не просто спор как таковой. По мнению А. Д. Урсула, особенностью научной дискуссии является то, что в результате устанавливается не просто истина, а новая истина, происходит приращение знаний. «В науке при помощи дискуссии получается ответ на вопрос, решения которого либо вообще нет в научном знании, либо он может в нем содержаться в имплицитной, еще не доказанной форме и выявляется в процессе дискуссии» [14, с. 106]. Под аргументацией следует понимать интеллектуальную коммуникативную деятельность по обоснованию или опровержению позиции, пред-

ставленной системой утверждений с целью убеждения определенной аудитории [9, с. 15].

Детальные разработки проблем теории аргументации продиктованы необходимостью совершенствования основного метода коллективного мышления в обществе — диалога, берущего свое начало в философской аргументации. Вследствие этого не только проблемы теории аргументации в целом, но и выявление специфики философской аргументации, ее целей, задач и методов решения этих задач представляют значительный фундаментальный и прикладной интерес.

Движение познающего мышления как отображение диалектики объекта предполагает, таким образом, коллективное обсуждение, столкновение мнений, споры. Однако одних онтологических оснований еще недостаточно для возникновения и развития дискуссии: ведь научное исследование, адекватно воспроизводящее объективно существующие противоречия, может протекать и в недискуссионной форме. Возникновение дискуссий в науке требует наличия определенных специфически гносеологических, логических, психологических и социальных причин и условий [14, с. 105].

При всем количестве современных концепций аргументации и проводимых в этой области исследований определение философской аргументации, отражающее именно ее специфику, в научной литературе встречается крайне редко. Одно из немногих дано Г. А. Брутяном в его статье "On Philosophical Argumentation" («О философской аргументации»), опубликованной в США в 1979 году. Его определение философской аргументации коррелирует с общим определением аргументации, сформулированным им же несколько позже на конференции «Философские проблемы аргументации» в Ереване (1984 г.).

Как отмечает московский ученый А. П. Алексеев, «собственно философская аргументация до сих пор мало интересует теоретиков» [2, с. 34]. В результате значение термина «философская аргументация» до настоящего момента остается расплывчатым и в научной и научно-популярной литературе употребляется в различных смыслах. Понятия «рассуждение» — «доказательство» — «аргументация» — «рациональная аргументация» — «научная аргументация» — «философская аргументация» находятся в следующих отношениях [9, с. 98]:

— аргументация не сводится к доказательству или опровержению и отличается от обычных логических рассуждений ориентацией на убеждение аудитории, что позволяет выделить

невербальный компонент аргументативной деятельности; рациональная аргументация основана на истинности аргументов и логической правильности доказательства тезиса или опровержения антитезиса и является логической частью (или рациональной компонентой) аргументации в целом и философской аргументации в частности;

— научная аргументация, в отличие от какой-либо другой аргументации, обладает следующими свойствами: а) направленностью на поиск истины; б) научной обоснованностью; в) применением научной терминологии; г) требованием к определенной степени подготовленности аудитории; д) использованием доказательства как основного метода научной аргументации; понятие «философская аргументация» выходит за рамки понятий «научная аргументация» и «рациональная аргументация»;

— специфика философской аргументации определяется и ограничивается спецификой философского знания. Причина противоречивости философских рассуждений, систем и теорий заключается в вероятностном характере их оснований;

— содержание понятия «философская аргументация» раскрывается в следующем определении: философская аргументация — это система методов, инструментов и средств, на которых основываются философские взгляды, демонстрируются философские утверждения и признаются очевидными для аудитории их доказательства; аргументативная деятельность направлена на совершенствование мышления той аудитории, с которой ведется диалог.

Понятие «философская аргументация» трактуется в современной научной литературе в «узком» и «широком» смысле. В узком смысле философской аргументацией будет всякое философское рассуждение, связанное с доказательством или выводением следствия из ранее доказанных утверждений. Например, философской аргументацией является приведенное в параграфе 3.2 работы [9] доказательство несуществования Бога у Бертрана Рассела («Почему я не христианин»), постулирование идеи прекрасного у Платона и доказательство (параграф 3.1) устами Сократа тезиса «Эрот — не бог».

Понимая философскую аргументацию в широком смысле, исследователи говорят о ней как о системе методов, способе построения философских систем и теорий.

Аргументация не сводима к доказательству или опровержению. Доказано, что правомерно говорить о невербальном убеждении в аргумен-

тации и его исследовании. Причина противоречий философских рассуждений заключается в вероятностном характере их оснований. Специфика философской аргументации определяется и ограничивается спецификой философского знания. Выявлены методологические особенности философской аргументации.

Для понимания причины противоречивости философских построений необходимо обратиться к логико-гносеологическим основаниям философской аргументации.

Для выявления оснований философской аргументации рассмотрим основания рациональной аргументации совместно со спецификой философской аргументации. Рациональная аргументация основана на истинности аргументов и логической непротиворечивости вывода. Аргументы рациональной аргументации должны быть непременно истинными, однако истинность аргументов является необходимым, но не достаточным условием правильной аргументации. Для получения истинного результата необходима непротиворечивая, логически правильная демонстрация (вывод). Философская аргументация вплетена в систему философского рассуждения в качестве ее рационального компонента, поэтому все, что относится к рациональной аргументации, казалось бы, пригодно для аргументации философской, но этот вывод оказывается неверным.

В качестве аргументов рациональной аргументации выступают законы, принципы, аксиомы. В философских же системах рассуждений (теориях) в качестве аксиомы берется некое допущение, философский постулат. Затем аксиоматическим методом выводится теория. И здесь крайне важно отметить, что в своих рассуждениях философ апеллирует не только к здравому смыслу, но и к таким источникам открытия истины, как интуиция и вера. Поскольку в самих основаниях степень достоверности знания не истинна, а только вероятностна, то, очевидно, и сама система будет иметь вероятностный характер.

Рассмотрим пример: идеализм — термин для обозначения широкого спектра философских концепций и мировоззрений, в основе которых лежит утверждение о первичности идеи по отношению к материи. Идеализм утверждает первичность в сфере бытия идеального духовного по отношению к материальному. Сторонники же концепции дарвинизма подвергаются критике со стороны ряда представителей религий, считающих, что он противоречит божественному сотворению человека, противоречит идеалистической концепции, и критикуется не

сама концепция Дарвина, а ее философские основания.

Гайденко П. П. отмечает: «Чем же вызван на рубеже веков такой глубокий интерес к проблеме рациональности? С самого начала надо сказать, что вопрос о природе рациональности — не чисто теоретический, но прежде всего жизненно-практический вопрос. Индустриальная цивилизация — это цивилизация рациональная, ключевую роль в ней играет наука, стимулирующая развитие новых технологий. И актуальность проблемы рациональности вызвана возрастающим беспокойством о судьбе современной цивилизации в целом, не говоря уже о дальнейших перспективах развития науки и техники. Кризисы, порожденные технотронной цивилизацией, и прежде всего экологический, — вот что в конечном счете стоит за столь широким интересом к проблеме рациональности» [6, с. 248].

Подводя итог проведенного анализа оснований философской аргументации, можно сделать следующие выводы [9, с. 112]:

— философская аргументация основана на правдоподобности аргументов и аксиоматическом методе построения теорий. Причина противоречивости философских систем и теорий заключается в вероятностном характере их оснований;

— говоря о философской аргументации как способе (методе) получения достоверного научного знания с ориентацией на истину, нельзя отрицать существования таких способов постижения истины, как интуиция, вера, «озарение»;

— философская аргументация включает в себя апелляцию к внелогическим формам доказательства и опирается на вероятностное состояние истины в своих основаниях, таким образом, очевидно, что понятие «философская аргументация» шире (выходит за рамки) понятия «логическая аргументация» (или «рациональная аргументация»), хотя имеет с ними значительное пересечение.

Также обнаруживаются проблемы терминологического характера: различные толкования аргументации, неясность смысла собственно философской аргументации.

Рациональная аргументация представляет собой процесс выдвижения тезиса по поводу спорного положения, обоснования данного тезиса при помощи аргументов, установления его истинности или ложности. Рациональная (или логическая) аргументация основана на истинности аргументов и логической правильности вывода (демонстрации).

Аргументация (в широком смысле слова) отличается от обычных логических рассуждений ориентацией на убеждение аудитории.

Научная аргументация, в отличие от какой-либо другой аргументации, всегда направлена на поиск истины. Научная дискуссия — вид аргументации, может быть определена как форма коллективной научной познавательной деятельности. «Под научной дискуссией будем понимать коллективное теоретическое исследование научной проблемы, по которой имеются различные и противоположные мнения (в силу чего оно зачастую принимает форум полемики), преследующее цель приращения, доказательства или оценки нового научного знания, а также экспликации научных проблем» [14, с. 106].

Исследуя научную дискуссию, отметим как факт: в настоящее время все больший вес приобретают формальные показатели квалификации ученого, а именно количество его публикаций в реферируемых журналах, импакт-факторы этих журналов и в особенности количество цитирований работ участника научной дискуссии. Безусловно, наука была и является рациональной формой познания мира, однако наука является также и социальным институтом, поэтому работающий ученый должен понимать, что современное диалоговое общение будет более состоятельным и эффективным благодаря огласке своих взглядов, публикации работ в научных журналах, участию в научных конференциях, написанию монографий.

От выбора ученых зависит, по какому пути пойдет их общение. Если по позитивному и конструктивному, то это путь дискуссии, а если по негативному и деструктивному — конфликта. Французские ученые Л. Болтански и Л. Тевено считают, что спор может идти по двум путям: согласия или насилия. «Иногда ситуация конфликта на время как бы застывает на грани между обоснованием и насилием, в точке, откуда развитие спора может пойти как по пути поиска полюбовной договоренности, так и по пути насилия» [3, с. 76].

Дискуссию также можно рассматривать как вид научного спора. Как определяется наличие спора между учеными? Спор — это борьба двух мыслей, а не мысли и дубины [12]. Не всякая словесная борьба — спор. Это столкновение мнений, когда оба участника или более осознают, что ведут спор и заявили друг другу об этом, в противном случае это диалог. В свою очередь дискуссия по форме близка к диалогу. «Диалог и взаимодействие различных видов научного знания, в той или иной степени всегда

присутствовавшие в науке, сегодня становятся ведущим приемом развития науки» [10, с. 109].

То, что для одного человека «б», для другого может быть «9». Изучение природы дискуссии, диалога, спора особенно важно для анализа творческого диалектического характера процесса познания. Рождение новой идеи начинается с внутреннего диалога, спора ученого с самим собой и продолжается дискуссией с другими исследователями. Диалектика познания осуществляется не в единстве и борьбе понятий самих по себе (как у Гегеля), а в диалоге и противостоянии различных субъектов познания. В исследовании творческого процесса логика выступает как диалогика, а спор, дискуссия, диалог — как метод творческой познавательной деятельности ученого. При этом формирование критической установки, как правило, опережает (и стимулирует) формулировку собственных позитивных воззрений.

Анализ дискуссий и споров чрезвычайно важен в историко-философских исследованиях. Изучение «полемиического контекста» создания того или иного произведения, возникновение новых теорий и идей позволяет понять общеисторические и культурные предпосылки творчества ученого, взглянуть на научные и философские работы конкретно-исторически, восстановить живую действительность происходившего когда-то диалога, учесть непосредственные теоретические предпосылки возникновения научных и философских трудов. Без глубокого понимания полемиического контекста, предполагающего усвоение теоретического содержания отрицаемых философских идей и учений, невозможно и исторически адекватное понимание той концепции, в которой они отрицаются.

Один из важнейших аспектов состоит в том, что в процессе развития науки универсальный метод философии обогащает сам себя по мере развития инструментов и методов частных наук. Однако этот факт вовсе не означает того, что эти методы с необходимостью возникают и в философских исследованиях. Зачастую новое великое открытие в естественных науках сопровождается прояснением роли и смысла тех методов, которые уже использовались и используются в методологическом наборе инструментов философии.

Говоря о философской аргументации как способе (методе) получения достоверного научного знания с ориентацией на истину, нельзя отрицать таких способов постижения истины, как интуиция, вера, «озарение». Философская аргументация включает в себя апелляцию к

внелогическим формам доказательства, к вероятностному состоянию истины в своих основаниях, таким образом, очевидно, что понятие «философская аргументация» выходит за рамки понятия «логическая аргументация» или «рациональная аргументация».

Специфика философской аргументации во многом определяется спецификой философии. Философская аргументация основана на правдоподобности аргументов и аксиоматическом методе построения теорий. Поиск причины противоречивости философских систем и теорий

ведет к логико-гносеологическим основаниям философской аргументации и заключается в вероятностном характере этих оснований.

Таким образом, значение имеет философская позиция участников спора, ученые могут не принимать на философском уровне ту или иную концепцию и критиковать поэтому ее философские основания, а не саму концепцию. Научная аргументация направлена на обоснование истины, как и философская, но способы установления фактов и их проверки в науке более универсальны, чем в философии.

Литература

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение / А. П. Алексеев. — М. : Изд-во МГУ, 1991. — 150 с.
2. Алексеев А. П. Философский текст: идеи, аргументация, образы / А. П. Алексеев. — М. : Прогресс-Традиция, 2006. — 328 с.
3. Болтански Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с фр. О. В. Ковеневой ; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. — М. : Новое литературное обозрение, 2013. — 576 с.
4. Брутян Г. А. Актуальные вопросы теории аргументации / Г. А. Брутян // Философские науки. — 1991. — № 5. — С. 17—19.
5. Брутян Г. А. Философские проблемы аргументации / Г. А. Брутян, И. С. Нарский. — М., 1986. — 476 с.
6. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденко. — М. : Прогресс-Традиция, 2003. — 528 с.
7. Горан В. П. Эмпиризм как научная тенденция и как философская доктрина / В. П. Горан // Философские основания научной теории : сб. ст. — Новосибирск : Наука (Сибирское отделение), 1985. — С. 261—283.
8. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. : пер. с лат. и фр. Т. 1 / Р. Декарт ; сост. В. В. Соколов. — М. : Мысль, 1989. — 654 с.
9. Заленская Н. С. Специфика философской аргументации : дис. ... канд. филос. наук / Н. С. Заленская. — Тюмень, 2011. — 146 с.
10. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. — URL: http://ideashistory.org.ru/pdfs/lam_epist_tsen.pdf.
11. Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора / С. И. Поварнин // Вопр. философии. — 1990. — № 3. — С. 60—133.
12. Поварнин С. И. Искусство спора. О теории и практике спора. — URL: <http://evolkov.net/critic.think/povarnin/povarnin.05.html>.
13. Рассел Б. Почему я не христианин: Избранные атеистические произведения : пер. с англ. / Б. Рассел. — М. : Политиздат, 1987. — 334 с.
14. Урсул А. Д. Гносеологические особенности научной дискуссии // Вопр. философии. — 1978. — № 3. — С. 104—110.

ANALYSIS OF THE PHILOSOPHICAL REASONS OF THE ARGUMENTATION OF THE PARTIES IN SCIENTIFIC DISPUTES*

L. G. Savinova

The Government of Ulyanovsk region (Russia, Ulyanovsk)

milianto@mail.ru

The article analyzes the situation when the philosophical ideas, the bases of which a scientist adheres, influence his position in the scientific disputes and the argumentation of the scientific discussion as a whole. The author postulates that scientists may not accept this or that concept on the philosophical level and therefore criticize its philosophical reasons, and not the concept itself. The material is illustrated by historical examples.

The paper analyses the philosophical reasons for the argumentation of the parties in scientific disputes and reveals the features of scientific and philosophical argumentation. Both the scientific and philosophical reasoning are aimed at substantiating the truth, but the ways of establishing facts and their verification in science are more universal than in philosophy. Some terminology problems appear. The correlation of the concepts "rational argumentation", "scientific argumentation" and "philosophical argumentation" is determined.

The author considers the discussion as a kind of a scientific dispute. The way of communication depends on the choice of scientists. If the chosen way is positive and constructive, this is the way of discussion, and if it is negative and destructive, this is the way of violence or conflict.

Proposing ideas and perfecting human mind, philosophy solves the problems which are necessary for the functioning of science and social life. Philosophy gives a perspective, a strategic reference point for scientific knowledge and practice.

While science, in its turn, concretizes the problems before the subject of consideration, operating and exploring the subject with its own methods. The specificity of philosophical argumentation is largely determined by the specificity of philosophy.

Key words: social philosophy of science, scholar discussions, scientific dispute, dialog, argumentation theory, epistemics.

*Grant-supported by RFBR "The mechanisms and levels of scientific reflection as a catalyst for the scientific creativity" № 17-33-01023.

References

1. Alekseev A. P. Argumentatsiya. (1991) Poznanie. Obshchenie. [Knowledge]. Moscow: Izd-vo MGU, 150 p.
2. Alekseev A. P. (2006) Filosofskiy tekst: idei, argumentatsiya, obrazy [Philosophy text: ideas, argumentation, images]. Moscow: Progress-Traditsiya, 328 p.
3. Boltansk L., Teveno L. (2013) Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov [Criticizm and ground for fairness: essays on sociology of cities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 576 p.
4. Brutyan G. A. (1991) Aktualnye voprosy teorii argumentatsii [Urgent questions of argumentation theory]. Filosofskie nauki, (5), p. 17—19.
5. Brutyan G. A., Narskiy I. S. (1986) Filosofskie problemy argumentatsii [Philosophical problems of argumentation]. Moscow, 476 p.
6. Gaydenko P. P. (2003) Nauchnaya ratsionalnost i filosofskiy razum [Scientific rationality and philosophical mind]. Moscow: Progress-Traditsiya, 528 p.
7. Goran V. P. (1985) Empirizm kak nauchnaya tendentsiya i kak filosofskaya doktrina [Empirism as a scientific tendency and philosophical doctrine]. Filosofskie osnovaniya nauchnoy teorii, Novosibirsk: Nauka, p. 261—282.
8. Dekart R. (1989) Sochineniya: v 2 t. [Essays: in 2 volumes / V. V. Sokolov]. Vol. 1, Moscow: Mysl, 654 p.
9. Zalenskaya N. S. (2011) Spetsifika filosofskoy argumentatsii [Specificity of philosophical argumentation]. Dis. ... Cand. of Philosophy, 146 p.
10. Mikeshina L. A. Epistemologiya tsennostey [Epistemology of values]. URL: http://ideashistory.org.ru/pdfs/lam_epist_tsen.pdf.
11. Povarnin S. I. (1990) Spor. O teorii i praktike spora [Polemics. Theory and practice of polemics]. Voprosy filosofii, (3), p. 60—133.
12. Povarnin S. I. Iskusstvo spora. O teorii i praktike spora [Polemics. Theory and practice of polemics]. URL: <http://evolkov.net/critic.think/povarnin/povarnin.05.html>.
13. Rassel B. (1987) Pochemu ya ne khristianin: Izbrannye ateisticheskie proizvedeniya [Why I am not a Christian: atheistic selection]. Moscow: Politizdat, 334 p.
14. Ursul A. D. (1978) Gnoseologicheskie osobennosti nauchnoy diskussii [Gnosiological peculiarities of scholarly discussion]. Voprosy filosofii, (3), p. 104—110.

Е. Е. Шабалкина

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
shabalkina@inbox.ru

СВОБОДА ВОЛИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ В НЕЙРОЭТИКЕ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

В статье рассматриваются некоторые аспекты современного состояния философской проблемы свободы воли. В настоящий момент эта проблема оказалась в центре предметного поля нейроэтики — новой междисциплинарной области знания, возникшей в культурной нейронауке. Подчеркивается, что проблема свободы воли является одной из сквозных для всех уровней философского знания: от метафизики до этики и теории права и имеет в истории философии различные варианты разрешения. Одна из них представлена в работах Декарта, Канта и Шопенгауэра. Свобода воли в данной традиции понимается как присущая человеку убежденность в том, что он является источником собственного выбора и поступков и несет за них ответственность. Внешняя реальность при этом предстает как детерминированная. Следовательно, свобода не может быть выведена из представлений о внешнем мире, она не поддается эмпирической фиксации, трансцендентальна. Дискуссия о совместимости свободы воли и каузального детерминизма в нейроэтике может быть представлена как возобновление указанных размышлений. Позиция, признающая каузальную детерминированность всех событий, получила название комбатобилизма. Детерминизм не представляется препятствием для свободы, а напротив, необходим для нее, например, как способ ориентации в мире. Противники комбатобилизма — инкомбатобилисты — утверждают, что свобода воли и каузальный детерминизм несовместимы. В статье приведен ряд примеров экспериментального изучения соотношения свободы воли и детерминизма, которые указывают на своеобразный «стихийный» комбатобилизм участников при принятии морального решения о свободе воли. Указаны некоторые слабые места базовой модели таких исследований и высказаны предположения о возможных перспективах развития исследований проблемы свободы воли в нейроэтике.

Ключевые слова: нейроэтика, свобода воли, каузальный детерминизм, комбатобилизм, инкомбатобилизм.

*Статья написана при поддержке РФНФ, проект № 16-03-00117а «Социально-культурная революция в нейронауке: предпосылки и значение для логики, эпистемологии и философии науки».

ВВЕДЕНИЕ

В 2007 году свет увидела работа Нила Леви «Нейроэтика: вызовы XXI веку». Это событие можно считать одним из поворотных для становления новой междисциплинарной области знаний — нейроэтики. Ее появление стало лишь одним из проявлений масштабных процессов, происходящих в системе знаний, связанных с исследованием человеческого мозга и получивших название культурная нейронаука [9]. Открытия, сделанные в понимании взаимозависимости нейронных систем мозга, когнитивных способностей человека и социокультурной среды, породили нейроответвления в целом ряде гуманитарных наук: нейрополитология, нейросоциология, нейроэкономика и т. д. В этом ряду нейроэтика, безусловно, занимает особое место.

Являясь, с одной стороны, своеобразной этикой нейронауки, она рассматривает этические, социальные и правовые последствия открытий в нейронауке и их применения [4]. С другой стороны, нейроэтика является полем исследований нейрофизиологических (нейронных) оснований моральных решений и поступков. И в этой своей второй ипостаси нейроэтика касается вопросов свободы воли, ответственности, то есть проблематизирует основания морали и нравственности.

Будучи очень молодой областью исследований, нейроэтика находится на предпарадигмальной стадии своего развития [1]. Иными словами, сегодня мы видим большое количество очень интересных и надежных эмпирических данных (так называемая экспериментальная философия) по широкому кругу этических про-

блем, наблюдаем попытки их теоретического осмысления (теории второго уровня), но не имеем устоявшейся системы критериев оценки полученных результатов и целостной систематической теории. Но именно это полемическое состояние дает ценный материал для размышлений по поводу основополагающих этических проблем, и прежде всего проблемы свободы.

МАТЕРИАЛЫ/МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема свободы воли, ее возможности и смысла, соотношения свободы и детерминизма (причинной обусловленности) является одной из коренных для всей философии. Вопрос о свободе относится к ряду так называемых открытых, то есть не имеющих своего окончательного разрешения (по крайней мере пока) ни с точки зрения философских конструкций, ни в рамках естественных и социально-гуманитарных наук [2, 6]. Проблема свободы может быть определена и как сквозная, связующая для разных уровней философского знания, соприкасающаяся с вопросами о материальном и духовном, субъекте и объекте, разуме и чувствах... Корнями своими она уходит в почву метафизики, базовых представлений об устройстве реальности и включенности в нее человека. В своем более конкретном, но не менее интересном звучании проблема свободы воли дает плоды в философской антропологии, эстетике, этике, теории права, теологии...

Из двух терминов «свобода» и «свобода воли» первый имеет более широкое смысловое значение и хождение. Свобода воли напрямую связана с размышлениями моральной философии и операционализируется через такие «индикаторы», как свобода выбора, свобода мысли, свобода действия. Не претендуя на полноту исторического анализа представлений о свободе воли, укажем лишь на одну из идей, нашедших отражение и в рационалистической, и в иррационалистической традиции.

Рационалистическая трактовка свободы восходит к философии Сократа и Платона. В Новое время она находит свое воплощение в рассуждениях Декарта. Не посвящая этике и проблеме свободы отдельных произведений, Декарт как бы вплетает их в метафизические и гносеологические построения. Для основоположника рационализма XVII века свобода — это свобода мышления, свобода сомнения, способность разграничивать истину и заблуждение, созидать истинные знания. Это созидание не является абсолютно автономным, поскольку разум в своей активности открывает те вечные ис-

тины и ценности, которые заложены в существующем духовном и материальном бытии Богом [8]. Разум обнаруживает, а воля с необходимостью принимает их в силу самоочевидности и несомненности. Помимо рациональной сущности свободы Декарт обосновывает ее монополично-человеческий характер. Внешний мир, будучи проявлением материальной субстанции, полностью подчинен физическим законам, заложенным Создателем, в нем нет свободы. Для человеческого разума сама идея свободы самоочевидна, «врождена». А следовательно, не выводима из опыта, из знаний о внешнем мире и имеет общечеловеческий характер. «В том, что в нас есть свобода... мы уверены настолько, что ничего не постигаем с большей ясностью, так что всемогущество Божье отнюдь не должно мешать нам чувствовать себя свободным» [3, с. 330].

Идея внутренней укорененности чувства свободы в человеке является одним из важнейших положений в кантовской этике. Свободная воля понимается Кантом как способность человека быть источником собственных решений и поступков, разумно действовать вне зависимости или вопреки внешней причинности, быть автономным, в том числе и от собственной эгоистичной, «нерациональной» природы. Свобода воли осуществляет себя в рациональном выборе добра, в бескорыстном следовании внутреннему чувству долга. Кант в своих работах «Критика чистого разума» и «Критика практического разума» выявил антиномичность проблемы свободы воли и необходимости. С одной стороны, внутреннее ощущение свободы воли и связанной с ней ответственности за свои поступки, с другой — вывод о причинной обусловленности любого поступка и события, к которому приводит рациональный анализ. Эта антиномия есть свидетельство своеобразного дуализма мира вещей в себе и мира вещей для нас, ноуменального и феноменального. Постигая мир внешний с помощью чувственности и рационального созерцания, мы приходим к упорядоченной детерминированной картине мира. И человек как объект, феномен вписан в этот мир. Но, будучи одновременно субъектом, то есть вещь в себе, человек оказывается не познаваем, и свобода воли выступает как внутренняя убежденность, но не может быть рационально или опытно установлена.

Своеобразный отклик на кантовскую концепцию свободы воли мы находим у одного из основоположников иррационализма в XIX веке А. Шопенгауэра. Так же, как и для Канта, свобода у Шопенгауэра трансцендентальна, не ук-

ладывается в рамки воспринимаемого мира. На фоне физической детерминированности мира и мотивационной определенности поступков человека, о свободе, тем не менее, явно свидетельствует внутреннее чувство. Это чувство вины и ответственности за то, какими мы являемся, выступает, по Шопенгауэру, прямым указанием на наличие свободы, не познаваемой при этом рационально [7].

Таким образом, в этической мысли остро был поставлен вопрос о соотношении свободы воли и внешней причинности. Обозначенная проблема до сих пор составляет предмет актуальных дискуссий, которые приобретают особую актуальность в связи с экспериментальными данными, полученными в нейрофизиологии в последние годы. Речь идет прежде всего об эксперименте Бенджамина Либета и его коллег 1989 года [11]. Испытуемому предлагалось двигать рукой при возникновении произвольного желания. Одновременно с помощью специальных приборов фиксировался так называемый «потенциал готовности», то есть мозговая активность, которая вызывает действие. Достоверно было установлено, что это мозговое событие наступает до того (разрыв измеряется долей секунды), как субъект осознает свое решение действовать.

В ряду подобных экспериментов можно выделить опыты Суна, указывающие на существенные временные расхождения между активностью мозга, теменной и префронтальной коры, и осознанным принятием решения по выбору из двух предложенных вариантов (разрыв составлял 7 сек.). В известном опыте Вегнера с «чужими руками» была показана диссоциация между реальным и кажущимся контролем за поведением, тем, как человек осознает действие и реальными действиями. Эти данные, по мнению Либета и других исследователей, демонстрировали, что мы не инициируем действие, а начинаем действовать и лишь несколько позже осознаем этот факт. Представления о сознательном контроле действий не отвечают реальному положению дел. В связи с полученными данными ученые формулируют примерно такие положения. Во-первых, свободная воля требует, чтобы наши действия были неопределенными. Во-вторых, исследования показывают, что мозг, который является причиной наших действий, является детерминированной системой. Следовательно, у нас нет свободной воли [11].

Эти аргументы являются лишь частью дебатов, которые ведутся на протяжении последних десятилетий по вопросу о соотношении свободы

воли и определенной метафизической теории, чаще всего свободы воли и предопределения. Предопределенность может пониматься как божественное предопределение, природные и социальные законы или прошлые события, либо как мыслительные схемы, укорененные в сознании, или бессознательные импульсы. Позиция, признающая каузальную детерминированность всех событий, получила название комбативизма (Дж. Э. Мур). Ее сторонники считают, что всякое событие в мире имеет достаточное основание, у данного мира есть только одно прошлое и, соответственно, только одно будущее, но это не исключает свободы воли. Детерминизм не представляется препятствием для свободы, а напротив, необходим для нее, например, как способ ориентации в мире. Противники комбативизма — инкомбативисты — утверждают, что свобода воли и каузальный детерминизм несовместимы. Эта позиция приобретает две формы: либертарианство (Р. Кейн) и жесткий инкомбативизм (С. Смилански, Д. Перербум). Первые отрицают наличие детерминизма и признают свободу воли. Вторые утверждают, что свободы воли нет, она не совместима ни с детерминизмом, ни с индетерминизмом [5]¹. Для удобства ориентации в указанных позициях можно предложить следующую таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1

Свобода воли и предопределение

Философские позиции Варианты выбора	Комбативизм	Инкомбативизм	
		Либертарианство	Жесткий инкомбативизм
Детерминизм/индетерминизм	+/-	-/+	+/+
Свобода воли	+	+	-

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ**

Можно предположить, что оппозиция комбативизма — инкомбативизма выступает своеобразной реинкарнацией обозначенной выше традиции в философии морали (Декарт — Кант — Шопенгауэр), попыткой найти разрешение той же проблемы. Это возрождение связано, безусловно, с данными исследований так называемой экспериментальной философии в

¹ Не останавливаясь в данной статье на сильных и слабых сторонах данных позиций, аргументах «за» и «против», укажем, что подробно эти вопросы рассмотрены в журнале «Логос» № 5 за 2006 г.

нейроэтике. Экспериментальная философия — это относительно новое направление, пытающееся сочетать философский анализ с достоверными экспериментальными данными. Хотя философы-экспериментаторы используют различные методы и ставят перед собой различные цели, одной из главных целей их исследований стали интуиции, лежащие в основе моральных выборов. Помимо вопроса о рациональном или эмоциональном характере оснований моральных решений, исследования касаются обыденных представлений, интуиций о совместимости свободной воли и моральной ответственности с причинно-следственным детерминизмом [10]. Важно понять, какими представлениями руководствуются люди в своем моральном выборе, являются ли эти интуиции индивидуальными или, наоборот, широко распространенными.

Приведем примеры некоторых из подобных экспериментов и посмотрим на оценки их результатов. В исследованиях испытуемым была представлена серия ситуаций, в которых люди совершают противоправные действия, например, грабят банк. В качестве условия оценки предложенной ситуации выдвигалась детерминированность всех событий. Затем участникам был задан вопрос о том, действовали ли люди в данных ситуациях по своей собственной воле и несут ли они ответственность за эти поступки. 76 % участников эксперимента решили, что герои ситуаций действовали по своей собственной воле, а 83 % ответили, что они морально достойны обвинений. Сходные результаты были получены при оценке морально достойных и морально нейтральных сценариев. В другом эксперименте испытуемые были разделены на две группы. Одним предлагался абстрактный вопрос: могут ли люди нести полную моральную ответственность за свои действия в детерминированной Вселенной. Здесь подавляющее большинство (86 %) участников ответили «нет». Другой группе предстояло вынести решение о конкретной ситуации, происходящей в таком же мире. В ней некий человек по имени Билл убивает свою жену и детей, сжигает свой дом, чтобы быть со своей секретаршей. При таких условиях 72 % испытуемых ответили, что Билл несет полную моральную ответственность за свое поведение [12]. Иными словами, когда мы рассматриваем проблему абстрактно, определенный набор когнитивных процессов приводит нас к выводу, что детерминизм не совместим со свободным и ответственным действием. Конкретизация ситуации включает другой набор процессов, который, возможно, становится более

эмоциональным и заставляет нас выносить преступнику безоговорочный приговор.

На наши интуиции в отношении свободы воли и ответственности, помимо степени конкретизации ситуации, может влиять фактор психологической дистанции, то есть расстояние (во времени и пространстве) между испытуемыми и предложенной для анализа ситуацией, а также некоторые психологические особенности самих испытуемых. Так, например, была показана значительная корреляция между признаком экстраверсии у испытуемых и их готовностью приписывать свободу воли и ответственность за определенное поведение в условиях детерминированности мира. В приведенных экспериментах причинность явлений задавалась как постоянная переменная, но при этом не уточнялось, о какой причинности идет речь. Между тем другие исследования показали, что тип причинности является немаловажным фактором при принятии моральных решений. Так, участники эксперимента чаще склонны освобождать действующих лиц от ответственности за преступления, когда причины их действий носят физиологический (например, химический дисбаланс) характер, а не социальный или психологический (например, оскорбительное поведение родителей). В других исследованиях также было обнаружено, что если принятие решения и поступок героя ситуации были объяснены нейробиологическими процессами, это чаще приводило к отрицанию у него свободы воли, чем в случае психологической причинности [12].

ВЫВОДЫ

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современных исследованиях свободы воли и ответственности сформировался определенный базовый подход, на основании которого моделируются эксперименты. Этот подход может быть выражен в следующих тезисах:

1. Выбирается определенная переменная, которая по гипотезе авторов влияет на характер моральных интуиций. Это может быть степень абстрактности ситуации, ее отстраненность во времени и пространстве, тип темперамента или степень эмоциональности испытуемого или тип причинности в предложенной ситуации.

2. В качестве исходного условия полагается тезис о детерминированности событий в мире или предлагается представить, что было бы, если бы это было так.

3. Предлагается ситуация, по которой испытуемым следует вынести моральное решение о свободе воли и ответственности за опреде-

ленное поведение (чаще всего предлагается вариант серьезного правонарушения).

Эта экспериментальная модель берет начало в исследованиях Николсона и Кнобе 2007 года. Она, за несколькими исключениями, принята в экспериментальной философии в вопросе исследования свободы воли. Как интерпретируются результаты подобных исследований? Могут ли они пролить свет на традиционный философский вопрос о свободе человека? Оставим «за скобками» спорность самого тезиса о детерминированности событий в мире, очевидную сложность для понимания этого научно-философского мировоззренческого положения на уровне обыденного сознания, искусственность предлагаемых к анализу ситуаций (какими бы конкретными не были описанные в них события), их стандартность при предъявлении представителям разных культур и субкультур. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются выводы о «стихийном» комбативилизме многих участников экспериментов. Это означает, что большинство из нас признает наличие свободной воли и, как следствие, ответственности за свои поступки даже при условии каузальной детерминированности событий. Эти данные, по видимому, указывают на то, что представление о наличии у человека способности выбирать и действовать в соответствии с выбором, некая автономия человека от внешней и даже внутренней причинности очень глубоко укоренены в нашем сознании (возможно, на уровне нейроструктур) и воспринимаются как неотъемлемая характеристика человека, даже если все остальные проявления реальности такого выбора альтернатив будущего не подтверждают. Можно предположить, что в этих исследованиях находит подтверждение кантовская идея о человеке как о субъекте, способном совместить в себе два способа существования: включенное в при-

чинно-следственные связи, детерминированное и свободное, автономное. И так как исследуются моральные интуиции обыденного сознания, следовательно, именно каждодневный опыт волевых решений, мук выбора является решающим подтверждающим фактором таких представлений о наличии свободы воли.

РЕКОМЕНДАЦИИ

(ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Результаты исследований свободы воли в нейротеке позволяют говорить об их возможных перспективах. С одной стороны, можно говорить об их спорности, неоднозначности. Небезупречна и разработанная экспериментальная модель. С другой — они чрезвычайно интересны, значимы и указывают на обширное поле возможных направлений развития. Можно ли сказать, что проблема совместимости/несовместимости причинности и свободы воли является наиболее важной? Не подменяем ли мы в данном случае проблемы конкретного морального выбора, которая имеет экзистенциальный характер, проблемой метафизической и абстрактной? Споря о наличии свободы воли, не менее важным является понимание, что она из себя представляет, то есть что есть свобода в своих конкретных проявлениях. Можно ли считать, что «норма» свободы — это самоконтроль, подчинение эмоций разуму или совершенно обратное состояние? Является ли наше представление о свободе универсальным или оно культурно нагружено и находят ли эти культурные особенности отражение на нейронном уровне? Проблема свободы воли имеет непосредственный выход на вопрос состоятельности морали и правовой системы. И разрешение этих вопросов требует и нейробиологической экспертизы, и философского осмысления.

Литература

1. Бажанов В. А. Проблема поиска нейрофизиологических оснований морали: нейротека / В. А. Бажанов, Е. Е. Шабалкина // Философские науки. — 2017. — № 6. — С. 64—79.
2. Гриб А. А. Квантовый индетерминизм и свобода воли / А. А. Гриб // Философия науки и техники. — 2009. — Т. 14, № 1. — С. 5—24.
3. Декарт Р. Об основах человеческого познания : соч. : в 2 т. / Р. Декарт. — М. : Мысль, 1989. — Т. 1. — 654 с.
4. Иллес Дж. Нейротека: этика нейронауки в современном контексте / Дж. Иллес, С. Дж. Бёрд // Человек. — 2015. — № 6. — С. 5—23.
5. Мишура А. Поле битвы: свобода воли / А. Мишура // Логос. — 2016. — Т. 26, № 5. — С. 19—58.
6. Менский М. Б. Квантовая механика, сознание и свобода воли / М. Б. Менский // Философия науки и техники. — 2009. — Т. 14, № 1. — С. 53—63.
7. Прокофьев А. В. Нравственность и свобода воли (Кант — Шопенгауэр — Фейербах) / А. В. Прокофьев // Этическая мысль. — М. : Ин-т философии РАН, 2009. — Т. 15, № 2. — С. 159—182.
8. Сартр Ж.-П. Картезианская свобода / Ж.-П. Сартр // Логос. — 1996. — № 8. — С. 17—31.

9. Фаликман М. В. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта / М. В. Фаликман, М. Коул // Культурно-историческая психология. — 2014. — Т. 10, № 3. — С. 4—18.
10. Bzdok D. The Neurobiology of Moral Cognition: Relation to Theory of Mind, Empathy, and Mind-Wandering / D. Bzdok, D. Groß, S. B. Eickhoff // Handbook of Neuroethics. — Dordrecht, Heidelberg, N. Y., London : Springer, 2015. — P. 144—145.
11. Levy N. Neuroscience Free Will, and Responsibility: The Current State of Play / N. Levy // Handbook of Neuroethics / Eds. Clausen J. Levy N. — Dordrecht, Heidelberg, N. Y., London : Springer, 2015. — P. 203—209.
12. Sommers T. Free Will and Experimental Philosophy: An Intervention / T. Sommers // Handbook of Neuroethics / Eds. Clausen J. Levy N. — Dordrecht, Heidelberg, N. Y., London : Springer, 2015. — P. 273—286.

FREE WILL AS THE SUBJECT OF RESEARCH IN THE NEUROETHICS: TRADITIONS AND PROSPECTS*

E. E. Shabalkina

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

shabalkina@inbox.ru

The article examines some aspects of the current state of the philosophical problem of free will. Now, this problem has been at the center of the subject field of neuroethics, a new interdisciplinary area of knowledge that has arisen in cultural neuroscience. The author considers the problem of free will as one of the cross-cutting for all levels of philosophical knowledge: from metaphysics to ethics and the theory of law and has various options for resolution in the history of philosophy. One of them is presented in the works of Descartes, Kant and Schopenhauer. Freedom of will in this tradition is understood as a person's conviction that he is the source of his choice and actions and is responsible for them. External reality in this case appears as deterministic. Hence freedom cannot be deduced from the concept of the external world, it does not lend itself to empirical fixation, it is transcendental. The discussion on the compatibility of freedom of will and causal determinism in neuro-ethics can be presented as the resumption of these reflections. The position that recognizes the causal determinism of all events is called *compatibilism*. Determinism is not an obstacle to freedom, but, on the contrary, is necessary for it, for example, as a way of orientation in the world. Opponents of *compatibilism* — *incompatibilists* — argue that free will and causal determinism are incompatible. The article gives a number of examples of experimental study of the correlation of free will and determinism, which point to a kind of "spontaneous" *compatibilism* of participants in making a moral decision about free will. The author reveals some weaknesses in the basic model of such studies and makes assumptions about possible prospects for the development of studies of the problem of free will in neuro-ethics.

Key words: neuroethics, freedom of will, causal determinism, *compatibilism*, *incompatibilism*.

*Grant-supported by Russian Humanitarian Science Foundation № 16-03-00117a "Social and culture in neural social and cultural revolutionary in the neuroscience: preconditions and its meaning for logics, epistemology and philosophical science".

References

1. Bazhanov V. A., Shabalkina Ye. Ye. (2017) Problema poiska neyrofiziologicheskikh osnovaniy morali: neyroetika [Problem of search for neurophysics fundamentals of moral: neurotics]. *Filosofskiye nauki*, (6), p. 64—79.
2. Grib A. A. (2009) Kvantovy indeterminizm i svoboda voli [Quantum indeterminism and freedom of will]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, Vol. 14, (1), p. 5—24.
3. Dekart R. (1989) Ob osnovakh chelovecheskogo poznaniya [Fundamentals of human perception]. Moscow: Mysl, Vol. 1, 654 p.
4. Illes Dzh., Berd S. Dzh. (2015) Neyroetika: etika neyronauki v sovremennom kontekste [Neurotics: ethics of neurotics in the modern context]. *Chelovek*, (6), p. 5—23.
5. Mishura A. (2016) Pole bitvy: svoboda voli [Field of honour: freedom of will]. *Logos*, Vol. 26, (5), p. 19—58.
6. Menskiy M. B. (2009) Kvantovaya mekhanika, soznaniye i svoboda voli [Quantum mechanics, consciousness and freedom of will]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, Vol. 14, (1), p. 53—63.
7. Prokofyev A. V. (2009) Nrvstvennost i svoboda voli (Kant — Shopengauer — Feyyerbakh) [Morality and freedom of will (Kant — Shopengauer — Feyyerbakh)]. *Eticheskaya mysl*, Moscow: In-t filosofii RAN, Vol. 15, (2), p. 159—182.
8. Sartr Zh.-P. (1996) Kartezianskaya svoboda [Cartesian freedom]. *Logos*, (8), p. 17—31.
9. Falikman M. V., Koul M. (2014) "Kulturnaya revolyutsiya" v kognitivnoy nauke: ot neyronnoy plastichnosti do genicheskikh mekhanizmov priobreteniya kulturnogo opyta ["Cultural revolution" in cognitive science: from neural plasticity to the genetic clockwork of cultural experience]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*, Vol. 10, (3), p. 4—18.
10. Bzdok D., Groß D., Eickhoff S. B. (2015) The Neurobiology of Moral Cognition: Relation to Theory of Mind, Empathy, and Mind-Wandering // Handbook of Neuroethics. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, p. 144—145.
11. Levy N. (2015) Neuroscience Free Will, and Responsibility: The Current State of Play // Handbook of Neuroethics / Eds. Clausen J. Levy N. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, p. 203—209.
12. Sommers T. (2015) Free Will and Experimental Philosophy: An Intervention / T. Sommers // Handbook of Neuroethics / Eds. Clausen J. Levy N. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, p. 273—286.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

А. Р. Сафин

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(г. Казань, Россия)
gms73@inbox.ru

ПРОБЛЕМАТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Ценностные ориентиры нашего общества — как они работают, как влияют на нашу жизнь, кто их формирует? Эти вопросы стали актуальны как никогда ранее. Человеческое любопытство и стремление к новому как с материальной, так и духовной точки зрения со временем выросло в категорию под названием «потребность». Экономика как главный двигатель прогресса внесла свою лепту в определение двух взаимодополняющих субъектов в вопросе удовлетворения тех самых потребностей — человек и нечто, эти «желания» создающее. Этим самым нечто стал крупный капитал, с начала XIX века определяющий размер и фокус appetites социума.

Таким образом, задачей данной статьи будет провести анализ особенностей формирования системы потребностей, рассмотреть проблему манипулирования волей человека и её влияние на общество, соотнести современную ситуацию в контексте капиталистического общества с примерами из ближайшего прошлого. Ниже будут рассматриваться важные исторические прецеденты, способствующие раскрытию и пониманию тематики работы, а также анализ и размышления выдающихся деятелей науки, культуры и политики.

Ключевые слова: социум, потребности, право, контроль, капитализм.

Труд XXI века превращает человека в объект деятельности, отчуждая его от результата проделанной работы. Удовлетворение инстинктивных, естественных потребностей, получение удовольствия, радости и эстетического наслаждения — все это оказалось дискредитировано, в то время как любой свободный мужчина или женщина непременно должны быть субъектами, непосредственно воздействующими на итог своего труда. Фальшивые, идущие вразрез со здравым смыслом современные атрибуты человеческой состоятельности, не несущие в себе никакой ценностной нагрузки, а созданные с целью подмены нравственных ориентиров, стали локомотивом, идущим вперёд поезда под названием «общественная воля». Именно по этой причине занятость в определенной сфере труда снова квалифицирует людей как элемент системы производства, а не как творческую, свободную и независимую

личность, находящуюся в постоянном поиске себя и достижения истинного смысла существования путём реализации своих талантов, навыков и интересов в профессиональной деятельности [10].

Таким образом, можно заметить один закономерный факт — появление некоего феномена целенаправленного изживания социальной ассертивности, ставшего незаменимым атрибутом капиталистического общества [11]. Под этим термином понимается создание обстановки, в которой человек будет не способен беспристрастно анализировать и регулировать свое поведение, бессилён перед внешними влияниями и оценками социума. Отчасти данное суждение будет логично соотнести с определением слова «манипуляция» доктора психологических наук Евгения Доценко: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению

у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [2]. Следовательно, изменение воли человека, его мировосприятия путем апеллирования к определенным глубинным подсознательным установкам и психологическим особенностям происходит из основной цели капиталодержателей — заставить человека желать не того, что ему действительно необходимо, а того, что в конечном итоге станет статьей обогащения власть имущих.

Согласно психологу Харриет Брейкер, наиболее эффективными рычагами давления на интересы общества чаще всего являются человеческая страсть к удовольствиям и склонность к получению одобрения и признания окружающих [7]. Развивая каждое из вышеприведенных инструментов воздействия, необходимо проанализировать пример достижения удовольствий, имеющих в последние десятилетия откровенно аморальный и разрушительный для социума характер. Стоит заметить, что с появлением и развитием в XX веке такого феномена, как массовая культура, особо предприимчивым людям стала ясна заключенная в ней необъятная сила воздействия на человеческие умы и сердца. Зарождающиеся СМИ превратились в новые орудия власти капиталистов — радио, печать, телевидение, грамзаписи, магнитофоны, видео — все это мгновенно распространилось по земному шару и стало доступно представителям всех социальных слоев. Ныне то, что не требует глубинной нравственной оценки и анализа, в большинстве своем преобладает на телевидении и радио. Вторую часть эфирного времени занимает пропаганда и идеологическая обработка. Жестокость, половая распущенность, пьянство и другие человеческие пороки неподдельно изобилуют и являются незаменимой особенностью проведения современного досуга в кинематографе, музыке, массовой литературе, изобразительном искусстве. Ярким тому примером стали всяческие ночные заведения, пришедшие к нам из западных стран, появившиеся в СССР и России в конце 80-х — середине 90-х годов, а музыкальные группы и исполнители, будучи запрещенными и постыдными, становились объектами поклонения миллионов бывших советских граждан. И теперь все, что считалось зазорным, укрепило свою почву и продолжает развиваться, беря пример с Европы, США и других капиталистических государств. Упор на базовые, животные инстинкты лишает человека рассудительности, адекватного анализа происходящего и т. д.

Так называемая «свобода», навязываемая западной идеологией, не просто не имеет ничего общего с развитием моральной составляющей генофонда нации и государства, а противопоставлена таким фундаментальным понятиям, как целомудрие и непорочность. Нельзя не обратить внимание на то, что теперь достижение удовольствия, блаженства и радости возможно лишь в рамках алкогольной и наркотической эйфории, в то время как место клубов и других подобных «развлекательных» заведений должны занимать велосипедные стоянки и книжные библиотеки. И теперь стоит задуматься, будет ли выгодно для государства развивать объекты культуры и спорта, истории и краеведения, развивающие и укрепляющие духовное начало человека? Очевидно, нет. Ведь высокообразованные, физически и морально целостные массы — катастрофа для капитализма. Такие люди не стремятся к никчемному, тривиальному образу жизни, не берут ради этого кредиты и займы. Не страдают от алкогольных и наркотических интоксикаций, сердечно-сосудистых заболеваний и других популярных сегодня недугов. А что может быть опаснее для экономики, чем здоровый и образованный человек? Он не покупает лекарства, не обращается к частным врачам, вместо этого он активно развивается, оставляет во вчерашнем дне моральную деградацию и стремится к внутренней гармонии в компании Шостаковича, Гегеля и Достоевского [8].

Кроме того, помимо экономики, просвещенные массы, несомненно, несут опасность для государственной машины в целом, функционирующей на принципе симбиоза экономики и политики. Мировая история богата примерами борьбы с представителями интеллигенции, ставшими под угрозу правильность и безукоризненность проводимого курса. В рамках культурной революции в 1922 году из разоренной Гражданской войной России были высланы виднейшие мыслители, ученые, доктора и т. д.: П. Сорокин, И. Ильин, М. Булгаков, Н. Бердяев — вот лишь краткий список тех, кто представлял угрозу новому режиму [1]. На территории Европы также немало примеров подобных акций. Притеснения и гонения на коммунистическую интеллигенцию в гитлеровской Германии в 1933 году привели к изгнанию множества прогрессивных деятелей науки и культуры, таких как А. Эйнштейн, Р. Курант, Ф. Габер, Дж. Нейман, Б. Брехт, Э. Ремарк [3].

Совершенно очевидным становится факт того, что человек гораздо охотнее предаётся саморазрушению, нежели одухотворенности.

Является ли такой итог исторического пути естественным либо он навязан извне и вложен в голову социума теми, кто ищет в этом выгоду? К подобным выводам приходил немецкий философ Эрих Фромм, говоря: «Праведная жизнь уже не рассматривается как исполнение морального или религиозного требования. Впервые в истории физическое выживание человеческого рода зависит от радикального изменения человеческого сердца. Однако изменение сердца человека возможно лишь при условии таких коренных социально-экономических преобразований, которые дадут ему шанс измениться, а также мужество и дальновидность, необходимые, чтобы сделать это» [6].

Возвращаясь к видам рычагов давления на общественное мнение, стоит уделить особое внимание такой разновидности манипулирования, как стремление к получению одобрения и признания окружающих. Человек, будучи биосоциальным существом, напрямую зависит от взглядов и оценок других людей. В разные эпохи система ценностных представлений изменяется параллельно с экономическими, политическими и культурными особенностями временного периода, однако особый интерес представляет собой капиталистическая экономика как катализатор процесса манипулирования желаниями, целями и приоритетами человека на основе так называемого рычага общественного одобрения [9].

Капиталисты, составляя сложнейший пазл из иерархии необходимых для социума потребностей, тем самым задают рамки восприятия между людьми, формируют параметры благополучия, успешности и достоинства личности. Внешний вид, досуг, общение, политические взгляды и все, что окружает человека — вплоть до марки хозяйственного мыла, — все это является продуктом четкой и планомерной работы по внедрению в сознание общества иного образа мышления, удобного и быстро адаптируемого под систему массового потребления.

Говоря о пропаганде как основополагающем институте массовой капиталистической экономики, стоит отметить, что, по всей видимости, многое из принципов общественной манипуляции было почерпнуто из трудов и размышлений рейхсканцлера СС, одного из известнейших государственных и политических деятелей нацистской Германии, доктора Йозефа Гёббельса. С самого начала телевизионной эры Йозеф Гёббельс не дремал, оценив всю силу и

пропагандистские возможности скромно нарождающегося нового СМИ: «Превосходство зрительной картинки над слуховой в том, что слуховая переводится в зрительную при помощи индивидуального воображения, которое нельзя держать под контролем: все равно каждый увидит свое. Поэтому следует сразу показать, как нужно, чтобы все увидели одно и то же» [5].

Эти выдающиеся слова как нельзя лучше вносят ясность в видение ситуации, сложившейся в обществе XXI века, — образование культуры потребностей конвейерного типа, контролируемой средствами массовой информации, находящимися в руках власти имущих, громогласно превозносящих высшие человеческие ценности, а на деле вынося на периферию общественной жизни все, что не касается обогащения и дохода. Феноменальный гений разработанной системы манипулирования человеком в том, что эдакий статус-кво комфортного рабства не только не утруждает человека, не заставляет задуматься о пагубности и недопустимости своего положения, а, наоборот, превращает его в беспомощного слугу системы бесполезного потребления, готового переступить через все ради соблюдения предписанных капитализмом установок.

Подводя итог данным размышлениям, хотелось бы процитировать человека, навсегда закрепившегося в российской и мировой истории, — правоведа и государственного деятеля Константина Победоносцева: «Все это мнимые, дутые ценности, а они возникают у нас ежедневно во множестве на житейском рынке, и владельцы их носятся с ними точь-в-точь как биржевики со своими раздутыми акциями. Многие проживут с этими ценностями весь свой век, оставаясь в сущности пустыми, мелкими, бессильными, непроизводительными людьми» [4]. Возникает вполне справедливый вывод, что наше общество уже в те времена столкнулось и продолжает сосуществовать с такой пагубной и разрушающей человека проблемой, как мнимые, навязанные ценности.

Величие и основа российской народности — в возвеличивании благородных идеалов справедливости, единства и нравственности. Поэтому долг каждого, кому небезразлична судьба отечества и мира на всей земле, — изменить и переиначить те преследуемые нами жизненные цели, которые якобы развивают нас и делают лучше, а на деле превращают в послушных и зависимых от чужой воли крепостных.

Литература

1. Макаров В. Г. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом — осенью 1922 г.) / В. Г. Макаров, В. С. Христофоров // *Вопр. философии*. — 2003. — № 7(600). — С. 113—137 [со списком биографических справок о всех лицах, высланных за границу в 1922—1923 гг.].
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — 3-е изд. — М. : Речь, 2003. — 304 с.
3. Жуков Е. М. Всемирная история / Е. М. Жуков, Л. И. Зубока. — М. : Изд-во социально-экономической лит., 1962. — Т. 9. — С. 196.
4. Победоносцев К. П. Московский сборник / К. П. Победоносцев. — М. : Веб-центр «Омега», 2005.
5. Цитата Йозефа Гёббельса. — URL: <http://artyushenkooleg.ru/wp-oleg/archives/2130>.
6. Фромм Э. *Иметь или быть?* / Э. Фромм. — М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1980.
7. Braiker H. B. *Who's Pulling Your Strings? How to Break The Cycle of Manipulation*. — McGraw-Hill Prof Med/Tech, 2004. — 256 p.
8. Гегель Георг Вильгельм Фридрих. *Философия права* / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. — М. : Мысль, 2011. — 440 с.
9. Богомолов С. А. *История политических и правовых учений* / С. А. Богомолов. — М. : ДРОФА, 2004. — 240 с.
10. Шабо Ж. Л. *Государственная власть: конституционные пределы и порядок осуществления* / Ж. Л. Шабо // *Полис*. — 1993. — № 3. — С. 365.
11. *Современные зарубежные конституции*. — М. : Просвещение, 1997. — 160 с.

**FORMATION OF THE PUBLIC NEEDS FOR CAPITALIST ECONOMY:
 HISTORICAL AND LEGAL PERSPECTIVES**

A. R. Safin

Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия)
 gms73@inbox.ru

The values of our society — how do they work, how do they affect our lives, who forms them? These issues have become more relevant than ever before. Human curiosity and the pursuit of new things, both materially and spiritually, has grown over time into a category called “need”. The economy, as the main engine of progress, has contributed to the identification of two complementary parties in meeting those very needs — the human being and something that creates those “desires”. This was some big capital which has determined the capacity and the direction of the appetites of society since the beginning of the XIX century.

The article analyzes the specifics of the formation of the system of needs. The author deals with the problem of manipulation of the man will and its impact on society, correlates the current situation in the context of capitalist society with the examples from the near past. The paper studies the important historical precedents that contribute to the disclosure and understanding of the work, as well as the analysis and the reflection of the prominent figures of science, culture and politics.

Key words: society, needs, right, control, capitalism.

References

1. Makarov V. G., Khristoforov V. S. (2003) *Passazhiry filosofskogo parohoda (sudby intelligentsia, repressirovannoy letom — osenju 1922 g.)* [Passengers of “philosophy ship” (destiny of the repressed intellectuals of summer — autumn 1922)]. *Voprosy filosofii*, 7(600), p. 113—137.
2. Dotsenko E. L. (2003) *Psihologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and defense]. Moscow: Rech, 304 p.
3. Zhukov E. M., Zuboka L. I. (1962) *Vsemirnaya istoriya* [World history]. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, Vol. 9, p. 196.
4. Pobedonostsev K. P. (2005) *Moskovskiy sbornik* [Moscow collection]. Moscow: Web-tsentr “Omega”.
5. Tsitata Ezefa Gebbelsa [Quotation of Josef Gebbels]. URL: <http://artyushenkooleg.ru/wp-oleg/archives/2130>.
6. Fromm E. (1980) *Imet ili byt* [To have or to be]. Moscow: ООО “Фирма “Издательство АСТ”.
7. Braiker H. B. (2004) *Who's Pulling Your Strings? How to Break The Cycle of Manipulation*. McGraw-Hill Prof Med/Tech, 256 p.
8. Gegel Georg Vilgelm Fridrikh (2011) *Filosofiya prava* [Philosophy of the law]. Moscow: Mysl, 440 p.
9. Bogomolov S. A. (2004) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of political and legal doctrines]. Moscow: DROFA, 240 p.
10. Shabo Zh. L. (1993) *Gosudarstvennaya vlast: konstitutsionnye predely i poryadok osushchestvleniya* [State authority: constitution limits and procedures]. Polis, (3), p. 365.
11. *Sovremennye zarubezhnye konstitutsii* [Modern foreign constitution]. Moscow: Prosveshchenie, 1997, 160 p.

ИНФОРМАЦИЯ

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Д. С. Точеный

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

Н. Г. Точеная

Ульяновский
государственный
университет
(г. Ульяновск, Россия)
tmichael1977@rambler.ru

ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ УЛЬЯНОВЫХ**РЕЦЕНЗИЯ****на книгу Л. Данилкина****«ЛЕНИН. ПАНТОКРАТОР СОЛНЕЧНЫХ ПЫЛИНОК»****(М. : Изд-во «Молодая гвардия», 2017. 783 с.)**

Заголовок статьи С. Экштута («Почему наука боится Ленина?»), которую опубликовал в ноябре 2016 года журнал «Родина», заинтриговал многих читателей. Объясняя суть оригинального тезиса, поданного в форме вопроса, автор подчеркнул: «Звучит невероятно, но это

действительно так; мы до сих пор не имеем новейшей биографии Владимира Ильича Ленина. То есть компактной книги, сочетающей в себе два столь редко встречающихся вместе достоинства: научную достоверность тщательно фундированной монографии и увлекательность чте-

ния документального произведения, мастерски написанного рукой беллетриста. Да, в эпоху Советского Союза по идеологическим соображениям исключался правдивый рассказ о ряде увлекательных сюжетов из биографии вождя — «пломбированном вагоне», взаимоотношениях со Сталиным и Троцким, частной жизни, личной ответственности за превращение войны империалистической в гражданскую. Но что мешает это сделать сейчас, когда для исторической науки нет ни запретных тем, ни фигур умолчания?» [30, с. 29].

Итак, наконец-то сложились благоприятные условия для написания крайне необходимого солидного труда о создателе Советского государства. Появилась, по мнению С. Экштута, долгожданная возможность не только интересно рассказать о жизненном пути В. И. Ленина, но и, во-первых, «осмыслить трагедию Русской Смуты», а во-вторых, «дать ответы на животрепещущие вопросы современности» [30, с. 30]. Однако любого честолюбивого исследователя с большим опытом и широким кругозором (да ведь надо еще найти такого!), рискнувшего взяться за решение столь сложных и масштабных задач, ждут очень серьезные препятствия и проблемы.

Нелегким барьером, который обязан преодолеть добросовестный ученый, является суровая необходимость тщательного изучения огромного наследия вождя пролетарской революции, зафиксированного в 55-томном полном собрании сочинений и четырех десятках «Сборников». Дело это невероятно сложное, поскольку требует от ревностного служителя Клио основательной подготовки в области философии, экономики, литературы, логики, психологии. А сколько времени надо потратить на хотя бы поверхностное знакомство с мемуарами о В. И. Ленине! Ведь за перо брались не только те, кто часто общался с ним, но и те, кто видел его один-два раза. Наверное, никто не будет спорить с тем, что биографу основателя российской коммунистической партии следует проштудировать разнообразную литературу, в которой освещается внутренняя и внешняя политика нашего государства и других стран (от США до маленькой Сербии) во второй половине XIX — первой четверти XX века.

Но, конечно, главная проблема для летописца жизни творца советской диктатуры — составление кратких, точных и емких характеристик тех, с кем встречался или переписывался В. И. Ленин, кого он уважал или ненавидел, кому выносил беспощадные смертные приговоры.

Каждому, будь это Троцкий, Керенский, Вильсон, Арман, Махно, М. А. Ульянова, Николай II или кто-либо другой, надо дать максимально объективную аттестацию, чуждую политической ангажированности или личных пристрастий. Конечно, такого подхода от исследователя в области биографического жанра ожидать практически невозможно. Но все-таки хотелось бы. Вот почему у нас вызвала большой интерес работа Л. Данилкина с претенциозным и даже загадочным названием «Ленин. Пантократор солнечных пылинок». Более чем любопытно, какой же «матерый человечеще» предстанет перед нами со страниц этой книги — благодетель людского рода, кровавый тиран, фигура мистического плана или непонятное существо мифологического толка? Наше нетерпение подогревалось и тем, что труд Л. Данилкина был высоко оценен: автор стал лауреатом премии «Большая книга 2017».

Рецензируемое издание — весьма солидный по объему фолиант, насчитывающий почти 800 страниц. Приятно, однако, что он впечатляет не только объемом, но и поражает историческое общество изысканной филологической культурой, массой оригинальных сравнений, ярких образов, необычных параллелей и богатством мыслей. Беллетризованное научное повествование Л. Данилкина заслуживает самого детального, неторопливого и обстоятельного анализа в форме обширной рецензии в несколько десятков страниц. Поэтому мы решили на данном — вступительном — этапе ограничиться попыткой критического разбора первого раздела книги («Симбирск. 1870—1887»), который охватывает первую треть жизни В. И. Ленина.

Никому не ведомо, сколько гектаров леса срубили в СССР, дабы приготовить несметное количество рулонов бумаги для печатной продукции, воспевающей революционные, педагогические, трудовые, учебные деяния членов семьи Ульяновых. Денег на агитацию и пропаганду тоталитарная система не жалела. О Ленине, его родственниках (родителях, братьях и сестрах) было позволительно писать только с благоговением, восторгом, восхищением, упоением. Задыхаясь от радости, замирая в немом изумлении, советские обществоведы создали небезолазурные портреты представителей коммунистического Олимпа.

Выполняя заказ идеологов КПСС, советские историки изобразили отца В. И. Ленина, способного, добросовестного, честного, инициативного губернского чиновника, крупным блестящим администратором и замечательным педагогом рос-

сийского и даже мирового масштаба. И. Я. Баранов и М. И. Никитин нашли у него массу достоинств: «И. Н. Ульянов выступал на поприще народного просвещения как новатор. Вся его педагогическая деятельность была пронизана прогрессивными устремлениями... Был очень чутким и внимательным человеком. Один из современников назвал его «добрым гением учителей»... Тяжелое бремя обязанностей инспектора, а затем и директора народных училищ не мешало ему быть хорошим семьянином, примерным мужем, любящим и заботливым отцом... Ульянов оставил после себя богатое педагогическое наследие» [1, с. 56—58].

Самую возвышенную характеристику отцу «самого человеческого человека» на земном шаре дал А. Л. Карамышев: «Есть имена людей, которые народ вечно хранит в своем сердце. Жизнь этих людей является как бы частицей истории. К таким относится И. Н. Ульянов — выдающийся деятель русского просвещения второй половины XIX века, один из наиболее прогрессивных педагогов России, смело выступавший в мрачные годы реакции с пропагандой идей К. Д. Ушинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова» [10, с. 3].

Рассказывая о вкладе И. Н. Ульянова в сокровищницу российской воспитательной науки, Ж. Трофимов и Ж. Миндубаев сочли целесообразным процитировать писательницу М. Шагинян: «Дела и личность Ильи Николаевича заслонены именем его великого сына. Но нам надо учиться смотреть на него и изучать его не только как отца Ленина, а и одного из прекрасных русских педагогов» [27, с. 212].

Кажется, и после развала СССР ни один отечественный историк не бросил камня в симпатичного И. Н. Ульянова. Может быть, только некоторые из них в привычной манере преувеличивали его заслуги. В. Д. Данилов и Б. И. Павлов выражали уверенность в том, что имя его «было широко известно не только в Симбирской губернии, но и во всей России» [6, с. 108]. Еще далее шагнула О. А. Чинарова: она назвала Илью Николаевича «великим просветителем» [29, с. 102].

Отрадно, что Л. Данилкин, наконец, в 2017 году дерзнул отойти от привычных советских иконописно-бюрократических штампов и заговорить об отце Ленина реалистическим языком. Описание им внешности И. Н. Ульянова вызвало бы ужас у правоверного историка КПСС: «Помимо лысины, бакенбардов и золотого сердца, у Ильи Николаевича была некоторая склонность к острословию, которую он мог реализовать в небольшом клубе интеллектуальных зануд, люби-

телей шахмат, латинских спряжений и лирики Некрасова. Одноклассник Ленина запомнил Илью Николаевича как «старичка елейного типа, небольшого роста, худенького, с небольшой седенькой, жиденькой бородкой, в вицмундире Министерства народного просвещения с Владимиром на шее...» (с. 11).

Данилкин Л. избежал трафаретного соблазна — нарисовать И. Н. Ульянова титаном педагогической мысли и исполином народного образования. Просто и отнюдь не коленопреклоненно он информирует о том, как работал отец Ленина: «Больше прочих его интересовали три области: просвещение малых народов, литература и шахматы. Бешеный путешественник (в его ведении находилось более 430 народных училищ), Илья Николаевич воспринимал должность как «хождение в народ» и посвящал огромную часть своего времени летучим ревизиям, целью которых было распространение начального образования (желательно в земских, народных, а не церковно-приходских школах) и спасение детей от розги и зубрѣжки. Прогрессивному директору народных училищ, одержимому идеей духовной модернизации общества, деятельность внутри системы просвещения представлялась бесконечной битвой с реакционным левиафаном; известна его ироническая жалоба на то, что вместо народного просвещения государство занимается «затемнением». Возможно, антагонизм Ильи Николаевича и государства обычно преувеличивается: пореформенная крестьянская Россия объективно нуждалась в грамотных «новых людях», способных управлять машинами — и в индустрии, и в сельском хозяйстве» (с. 11).

На фоне безудержных похвал, которые расточали советские историки И. Н. Ульянову — мудрейшему и проницательнейшему отцу, отзыв Л. Данилкина о главе семьи покоробит а, может быть, и возмутит многих почитателей В. И. Ленина известной фамильярностью: «Профессиональный педагог, Илья Николаевич точно не был домашним деспотом, детей не лупил и позволял себе лишь самые безобидные эксперименты в сфере стимулирующих наказаний: провинившихся в семье Ульяновых сажали на черное «клеенчатое кресло» (с. 13). Обратим внимание на то, что Л. Данилкин не употребляет применительно к И. Н. Ульянову прилагательных «известный», «талантливый», «выдающийся» и т. д. Неужто он не в восторге и от его жены, которую, как и положено было, превозносили забубенные советские историки, не смевшие иметь свое мнение?

В официальной биографии вождя мирового пролетариата, изданной в 1955 году под грифом института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС, подчеркивалось: «Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была образованной женщиной, с большой силой воли и твердым характером. Она стремилась воспитать своих детей честными, образованными, идейными людьми» [14, с. 5]. Эти строки стали камертонами для всех российских ленинovedов. Каждый из них получил карт-бланш на разукрашивание сего форменного портрета любыми идиллическими цветами. Идеализировать ее никому не возбранялось.

«Верным другом Ильи Николаевича в деле воспитания детей и приобщения к труду, книге, музыке, искусству, — отметила в 1969 году А. Н. Молева, — была его жена Мария Александровна: необычайно обаятельная и скромная, полная душевного благородства и простоты, она обладала твердым характером и большой силой воли. Никакие невзгоды не могли сломить или согнуть ее» [15, с. 33]. Спустя шесть лет А. И. Томуль нашла еще более редкостные грани богатой души матери В. И. Ленина: «Мария Александровна отличалась ровным веселым нравом, покорявшим обычно всех, кто с ней сталкивался. Тем сильнее сказывалось ее обаяние на детях, которым она отдала всю свою жизнь. И кто учтет, в какой мере она своим прекрасным и сильным духовным обликом повлияла на весь уклад их характера и мировосприятия?» [21, с. 55]. Е. Вечтомову в 1978 году восхитила та сторона облика М. А. Ульяновой, на которую другие исследователи не обратили должного внимания: «Мария Александровна была в своей семье не командиром, нет, скорее она дирижер. Не раздражаясь, без окрика, тихо, неторопливо управляя хозяйством и детьми, в то же время находясь в непрерывной работе» [3, с. 65—66].

Логическим завершением этой долговременной идеологической кампании, направленной на создание эталона прекраснейшей женщины и образцовой матери, явились книги Ж. А. Трофимова, увидевшие свет в конце XX века. Естественно, что в них не содержалось даже намека на какой-то возможный недостаток в поведении или характере М. А. Ульяновой. Она рисуется безупречным созданием. Не совершает никаких ошибок. Уже тем более не делает ничего дурного. Создается впечатление, что описание внешности матери Ленина, весьма обыкновенной, навеяно стихотворением А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье»: «Мария Александровна была невысокого роста, стройная. Очень

красивым и одухотворенным было ее лицо: правильные, тонкие черты, выразительные карие глаза, открытый привлекательный взгляд» [25, с. 13]. При определении уровня умственного и духовного развития М. А. Ульяновой Ж. А. Трофимов тоже проявляет излишнюю увлеченность: «Мария Александровна была... искусной воспитательницей... в ней раскрылся выдающийся педагогический талант, который, будучи присущ человеку мудрому, честному, доброму, благородному и трудолюбивому, давал в воспитании достойные плоды, оказывал на детей развивающее и гуманизирующее влияние» [26, с. 34].

Подводя итоги жизненного пути М. А. Ульяновой, Ж. А. Трофимов явно преувеличил ее место и роль в российской истории: «Немеркнувший образ замечательной женщины необычайной нравственной красоты... навсегда останется вдохновляющим примером для нынешних и грядущих поколений» [14]. Желая подкрепить свое мнение о предмете своего глубочайшего, неподдельного, сердечнейшего поклонения, Ж. А. Трофимов напомнил о высказывании В. Д. Бонч-Бруевича, верного соратника В. И. Ленина (в нем чувствуется влияние древнеримской риторики): «Да будет славно имя — имя Марии Александровны Ульяновой — и имя ее не забудется из рода в род, из поколения в поколение нашего и всемирного революционного боевого пролетариата, ведущего классовую борьбу за свободу угнетенных народов не на жизнь, а на смерть. Она — мать Владимира Ильича!» [26, с. 182].

У мироточащего портрета коммунистической Джоконды россияне стояли в состоянии просветления едва ли не целый век. И вдруг к ним, погруженным в нирвану, подошел Л. Данилкин и, уподобившись вдумчивому экскурсоводу, повел речь без привычной патетики, даже чуть-чуть иронично: «Мария Александровна, пожалуй, — наиболее загадочная в этой семье фигура; она выглядит «обыкновенной» интеллигентной женщиной и разве что в пожилом возрасте несколько напоминает иллюстрации к «Пиковой даме». Похоже, ее не слишком смущало, что из пятерых доживших до взрослого возраста детей один оказался без пяти минут цареубийцей, второй — вождем полулегальной политической партии и еще трое — профессиональными, готовыми к тюрьме революционерами. После смерти она была канонизирована советской историографией» (с. 32).

Данилкин Л. более чем снисходительно оценивает систему обучения иностранным языкам, которую вела Мария Александровна, занимаясь со своими детьми: «Представления о том,

что дом Ульяновых был чем-то вроде школы полиглотов, где все в свободной форме обсуждали повестку дня в понедельник по-английски, во вторник по-немецки, в среду по-французски и т. д., видимо, относятся к области мифологии; даже Ленин — с его большим талантом к иностранным языкам и опытом перевода книг — плохо понимал собеседников и постоянно жаловался на это в письменах: то же и его сестры» (с. 32—33).

Данилкин Л. не заметил феноменального педагогического дара у М. А. Ульяновой и отозвался о ее воспитательных способностях апатично: «Мать шестерых детей, Мария Александровна сумела организовать их жизнь таким образом, чтобы дом не превращался в ад и бардак» (с. 33).

Со всей очевидностью можно констатировать, что советские историки и Л. Данилкин по-разному оценивают способности и заслуги родителей В. И. Ленина. Однако у них выявляется единая позиция в определении уровня материального положения семьи Ульяновых в период проживания в Симбирске.

Ульяновские краеведы скрупулезно описали житейские трудности Ильи Николаевича, Марии Александровны и их детей. Ж. Трофимов с болью в сердце сообщает: «Частная квартира в доме Косолапова была уже шестым пристанищем Ульяновых за девять лет жизни в Симбирске и, как оказалось, принесла самую большую неприятность. В подвале стояла вода, роились комары, и Володя с Олей заболели малярией. Особенно тяжело страдал сын, очень ослаб, и мать до слез переживала за его здоровье. Беспрепятственные кочевья по чужим домам, при росте семьи, да и цен на жилье, все больше тяготили Марию Александровну... Откладывая деньги на покупку дома с жалованья Ильи Николаевича при такой большой семье было непросто. Помогала хозяйственная жилка, с детства заложенная в ней тетушкой и отцом... Познания же ее в кулинарии, умение шить, перешивать и вязать при огромном трудолюбии обеспечивали семье немалую экономию» [26, с. 40]. Об их нелегких поисках крыши над головой рассказали Е. К. Беспалова и И. Е. Сивопляс: «С осени 1869 года — времени переезда в Симбирск — возраставшая семья Ульяновых проживала на частных квартирах. И, наконец, праведные труды позволили Илье Николаевичу обзавестись собственным углом» [2, с. 231]. Судя по работам этих лениноведов, горемычная чета Ульяновых, гонимая вечной нуждой, то и дело была вынуждена с большими узлами и чемоданами переби-

раться из одного мрачного подвального помещения в другое, еще более кошмарное (возможно, что на названных исследователей повлияло долгое созерцание печальной по сюжету картины В. Васнецова «С квартиры на квартиру»).

Данилкин Л. тоже полагает, что Ульяновы испытывали недостаток средств, что их духовное благополучие «не сумело обручиться с материальным. Илья Николаевич был не тот человек, который вывозил семью за границу в парки аттракционов или в Гран-тур по Европе... Домоседство объяснялось постоянной стесненностью в деньгах. На не бог весть какое жалование Илья Николаевич содержал жену, шестерых детей, няню и прислугу. В 1878 году Владимир Ильич заболел малярией, доктора посоветовали вывезти его на лечение в Италию, но денег не было не то что на Италию или на Крым, но даже на вояж к теткам под Казань — надо было покупать дом, и семья осталась летом в городе. Даже и в 1880-е, когда Илья Николаевич предложил однажды старшим детям свозить их в Москву на промышленную выставку, те, ощущая себя сознательными личностями, отказались, понимая, что их семейный бюджет не рассчитан на такого рода путешествия. Единственным туристическим направлением, которое оставалось доступным для Ульяновых, была Казанская губерния» (с. 30). Здесь Л. Данилкин маху дал. Так и кажется, что этот абзац рецензируемой книги о бедных Ульяновых, не имевших якобы возможности совершать вояжи в Европу, написал не профессиональный историк, а современный крупный бизнесмен.

Во-первых, во второй половине XIX — начале XX века в России еще не упрочилась традиция совершения семейных экскурсионных и лечебных поездок по Европе. Обходились домашними докторами. Во-вторых, было бы ошибочным причислять супругов Ульяновых к разряду вечно нуждающихся. В 1995 году «Историко-культурный центр В. И. Ленина» проинформировал любопытствующих о жаловании Ильи Николаевича: «В 1874 году он стал директором народных училищ, и зарплата его повысилась. Она составила всего с учетом разрядных и пенсии 3500 рублей в год» [8, с. 24]. Сумма весьма приличная. И, разумеется, на такие деньги Ульяновы могли бы лечить своего сына Володю в любой из европейских стран. Просто не было необходимости направлять туда такого крепыша. (Да и не худо припомнить, что в последующие годы дети Ильи Николаевича — Владимир, Дмитрий, Анна, Мария — подолгу, не испытывая серьезных материальных стеснений, жили в

Германии, Австрии, Франции, Польше, Италии. И пользовались услугами иностранных врачей. А источником их доходов — едва ли не единственным — длительное время являлась пенсия Марии Александровны, которую она получала за умершего мужа.)

Данилкина Л., как и его предшественников — советских лениноведов, умиляет скромность и простота дома, который Ульяновы купили в 1878 году. «Городской коттедж средних размеров, — записал он свои впечатления после посещения этой музейной обители, — точно не больше ста квадратов... С улицы дом кажется одноэтажным, зато со двора в нем появляется уютная антресоль — где располагались как раз три детские комнатки с огорчительно низкими потолками. Из экспонатов — рояль, гардины, наволочки с вышивками, географические карты, лампы, зеркала, сундук няни, переплетенные литературные журналы и собрания сочинений «революционных демократов» (с. 17).

Данилкин Л. предположил, что площадь дома Ульяновых, в котором проживала эта семья в 1878—1887 гг., исчисляется 100 квадратными метрами. На наш взгляд, она больше как минимум в 2—2,5 раза. К сожалению, размеры этого домашнего строения в официальной литературе не указываются. Также военной тайной до сих пор остается величина окружающей природно-хозяйственной среды — земельного участка, приобретенного, как и дом, на имя Марии Александровны. Усадьба, по информации краеведов, включала в себя большой двор, «поросший травой. Вдоль заборов росли деревья, кусты бузины, три вяза высились в дальнем углу. Стояли хозяйственные постройки: дровяник, сарай, конюшня, два погреба. Над сараем и конюшней — сеновал. Был еще во дворе бревенчатый флигель в три комнатки. Возле мазанка, там размещалась летняя кухня и колодец с деревянной помпой и желобом, по которому вода стекала в деревянный чан.

Ко двору примыкал большой фруктовый сад. Он был молодым, восьмилетним, яблони еще только-только начинали плодоносить. Крыжовник, вишня, малина, сирень. А в конце тенистой аллеи, тянувшейся посередине сада, выросла одинокая осинка. Был в саду и цветник. Неподалеку от него уютно примостилась тесовая беседка с железной крышей. Четыре узенькие аллеи обрамляли сад вдоль заборов, обсаженных кустами акаций» [27, с. 134—135]. Это была типичная дворянская усадьба. А. С. Пушкин назвал бы ее «прелестным уголком», приютом труда, спокойствия и вдохновенья. Почти

восемь лет протекала здесь жизнь Ульяновых безмятежно, счастливо. (Иметь такие «скромные» бытовые условия, конечно, не мечтало подавляющее большинство симбирян в конце XIX века. И сейчас оно тоже не предается таким утопическим фантазиям.)

Дети Ильи Николаевича и Марии Александровны, поселившись в столь просторном доме, окруженном великолепием разнообразной живой природы, могли там играть вволю. Советские лениноведы с удовольствием рассказывали об их первых учебных занятиях, развлечениях и проказах. Например, Е. Вечтомова была очарована тем, как веселились они, швыряя обувь:

«— А вот и неправда! Калоши могут летать! — пятилетний Володя захохотал и ловко сбросил со своей ноги калошу так, что она полетела в гостиную.

— Моя дальше! — всполошилась Оля, отправляя туда же свою.

— Мама и папа придут — достанется вам. Варвара Григорьевна только что пол вымыла, — пытается утихомирить малышей Саша.

Но удержать их было уже невозможно. В столовую летели калоши, боты, валенки, задевая недавно обитый яркой материей диван, пачкая медово блестящий пол. Ребята не заметили, как вошла мать.

Мария Александровна подняла брови. Как бы между прочим, сняв шубку и повесив ее в прихожей, негромко, сердясь, сказала:

— Пустяки такие делаете. Приберите скорее. Это ненужное... — и чуть поморщилась. Восторг нелепой игры пропал. Потушен. Остался стыд» [3, с. 73].

Трофимова Ж. пленило еще одно потрясающее, самозабвенное и оригинальное развлечение детей Ульяновых, которое именовалось у них игрой в «брыкаску» (ее изобрел будущий вождь мировой революции и всего прогрессивного человечества): «Она проходила особенно интересно и весело тогда, когда родителей не было дома. «Брыкаска» — это что-то лохматое, страшное и таинственное, которое с рычанием неожиданно откуда-то появилось в полутемном зале. Это был, конечно, Володя, на четвереньках, в вывернутом наизнанку тулупчике. Игра увлекала неожиданными поворотами и непредсказуемостью, так как от «брыкаски» всего можно было ожидать. Оля и Митя бросались убежать, прятаться под диван или за занавеску, чтобы «брыкаска» не укусила за ногу, но в конце концов вдруг оказывалось, что она добрая и ее можно погладить. Во всех случаях в полумраке поднималась страшная возня, беготня, с

грозным рычанием и визгом. Когда же «брыка-ска» начинала выделять удивительные номера и подплясывать, уже становилось не страшно, и младшие тоже начинали резвиться кто во что горазд» [24, с. 33].

Фактический материал о невинных и совершенно безобидных забавах ульяновской ребятни Е. Вечтомова и Ж. Трофимов почерпнули из опубликованных воспоминаний повзрослевших братьев и сестер В. И. Ленина [28, с. 47]. И вдруг Л. Данилкин дал этим описаниям безвредных потешных потасовок и озорства зловещее истолкование: «Наиболее темпераментный из всех шестерых младших Ульяновых и до поры до времени лишенный возможности канализировать свою энергию в какую-то полезную деятельность, Владимир Ильич представлял собой грозную силу, с которой не в состоянии были справиться родители и которая вызывала у его братьев и сестер приступы отчаяния. Его манера швыряться калошами по живым мишеням запомнилась жертвам на десятилетия. Идея, дождавшись, пока родители в темное время суток уйдут из дома, изображать «брыкаску» — закутываться с головой в меховой тулуп, прятаться под диван в темной комнате и хватать за ноги, кусать и щипать всех, кто попадется, а затем еще и выползать оттуда на четвереньках с диким рычанием — доводила напуганных братьев и сестер скорее до заикания, чем до смеха» (с. 13).

Заключение о наличии у маленького Володи садистских наклонностей может кому-то показаться сенсационным, но нам кажется, что у него нет доказательной базы. Большого внимания заслуживает гипотеза Л. Данилкина о том, что в подростковом возрасте характер этого мальчика изрядно испортился: «С пятнадцати-шестнадцати лет... у Владимира Ильича появляется привычка высмеивать собеседников, отвечать «резко и зло»; раньше просто «бойкий и самоуверенный», теперь он становится «задирчив» и «заносчив»; и даже мать делается мишенью его насмешливости. В итоге сей добродушный принц Гаутама быстро преобразился «в мантикору со скорпионьим жалом и чьей-то откушенной рукой в зубастой пасти» (с. 12). Развивая далее версию о том, что картина абсолютного благополучия взаимоотношений в семье Ульяновых была плодом идеологической заказной фантазии, Л. Данилкин высказывает мысль, которая заслуживает внимания прагматично рассуждающего историка: «Владимир испытывал к отцу что-то вроде подросткового презрения: для него обладатель генеральского

чина, титуловавшийся «ваше превосходительство», мог казаться представителем государственной машины насилия, бюрократии, аппарата, того самого, который Ленин впоследствии будет жаждать разбить» (с. 13).

Даже столь робкое предположение о вероятности возникновения тени недовольства у Владимира своим отцом вызвало бы у любого советского историка бурю естественного негодования. Но Л. Данилкин пошел дальше. Сокрушая агиографические (житийные) каноны, он заявляет в коротеньком историографическом экскурсе о тяжелейшем судьбоносном столкновении Ильи Николаевича и будущего творца Великого Октября: «Д. Е. Галковский, пронзительный читатель Ленина, подметил, что «в опубликованной переписке нет упоминаний об отце и старшем брате Александре»: возможно «Илья Николаевич умер во время или сразу после очередной ссоры с сыном, и фигура умолчания в переписке объясняется подавленным чувством вины». Это не такое уж голословное предположение: дело в том, что смерть отца совпадает с моментом вступления Владимира в переходный возраст и изменения в его характере фиксируют многие свидетели» (с. 11—12).

Примечательно, что против иконописного изображения молодого Ленина возражает и известный постсоветский историк Д. Волкогонов: «Частые похвалы, подчеркивание родителями и учителями особых способностей, пионерство в учебе исподволь формировали в юноше глубокую внутреннюю самоуверенность, ощущение умственного превосходства над сверстниками. В семье он был «любимчиком», привык всегда находиться в центре внимания и даже почитания, что не могло не наложить определенный отпечаток на складывающийся характер и психологию молодого Ульянова. Как впоследствии не раз отмечали Мартов, Потресов, Валентинов и некоторые другие известные марксисты, Ленин не был тщеславен, но не скрывал своего морального «права» на первенство, в которое он уверовал еще с гимназической скамьи. Уже тогда свое первенство молодой Ульянов считал возможным подтверждать грубым моральным давлением и нетерпимостью к иным взглядам.

Студенческий товарищ Александра Ульянова В. В. Водовозов вспоминал, как после посещения семьи Ульяновых обнаружилось, что близко сойтись с Владимиром он ни в коем случае не может. Его возмущала невыносимая полемическая грубость Ульянова, его безграничная самоуверенность, самомнение, разжигаемое тем, что (уже тогда!) в семье его считали «ге-

нием», а окружающие видели в нем непревзойденный авторитет» [4, с. 55].

По нашему мнению, гипотеза Д. Галковского и Л. Данилкина о возможности смерти Ильи Николаевича в связи с его разговором на повышенных тонах с Владимиром не лишена интереса. Но она умозрительна, не подкреплена хотя бы зыбкими свидетельствами симбирян эпохи 80-х годов XIX века. Вместе с тем и утверждения советских историков об умиротворенности и безоблачности отношений И. Н. Ульянова и среднего сына отдадут запахом лака. Например, окутан тайной, замалчивается очевидный факт, компрометирующий В. И. Ленина: основатель большевистской партии в течение 35 последних лет своей жизни не нашел времени для посещения могилы своего отца [23, с. 72—77].

Да, у предположения Д. Галковского и Л. Данилкина о возможной причине скоропостижной кончины И. Н. Ульянова отсутствует аргументация. Но столь же бездоказательны заявления советских историков и политиков о том, что Илью Николаевича сжил со света проклятый царский режим. (К слову, тезис о том, что российское самодержавие сгубило Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Левитана и многих других писателей, поэтов, композиторов, художников, ученых, стал неиссякаемым источником для безграничных и бесконечных фантазий коммунистических идеологов.)

«Прогрессивная деятельность Ильи Николаевича, — с немалой долей лукавства повествуют И. Я. Баранов и М. И. Никитин, — противоречила главным политическим установкам царского правительства. И хотя он продвигался по служебной лестнице, неоднократно был отмечен орденами и повышением в чинах, вводимые им новшества вызывали неодобрение со стороны власть имущих... Он болезненно реагировал на усиление политической реакции после убийства Александра II в 1881 году, которая охватила и сферу народного просвещения. Царское правительство старалось отдавать предпочтение церковно-приходским школам, стремилось свести на нет значение народных училищ... Это был жестокий удар по светлым надеждам И. Н. Ульянова и его единомышленников. Для прогрессивных деятелей создалась невероятно тяжелая нравственная и политическая атмосфера» [1, с. 57].

Карамышев А. и вовсе превратил либерально настроенного Илью Николаевича в А. Радищева: «11 ноября 1885 года исполнилось тридцать лет педагогической деятельности И. Н. Ульянова. Ходатайство об оставлении его на службе на

очередное пятилетие министерством народного просвещения было отклонено. Илья Николаевич тяжело переживал гонения со стороны правительства. Борьба за прогрессивный путь народного образования, подозрительность и недоверие со стороны министерства и Казанского учебного округа, доносы местных помещиков-крепостников и духовенства, материальная необеспеченность и ряд других ударов подорвали окончательно здоровье Ильи Николаевича и преждевременно свели его в могилу» [9, с. 117—118].

Григорьев Н., один из немногих относительно здравомыслящих советских литераторов-лениноведов, размышляя о самочувствии Ильи Николаевича в последний период жизни, пришел к заключению, что его организм был до предела измотан и изношен. Свой вывод писатель подкрепил отрывком из взволнованной речи Марии Александровны. «Илюша, — обратилась она к своему мужу в один из летних вечеров 1885 года, — скрепя сердце, я примирилась с тем, что, прослужив двадцать пять лет, ты не пожелал выйти на пенсию, а только еще с большей горячностью устремился в свои школьные дела. Но через несколько месяцев, в ноябре, исполняется твоей службе уже тридцать лет! Что у тебя в мыслях? Неужели и дальше намерен служить, отклоняя пенсию? Но ведь это при твоём пошатнувшемся здоровье самоистязание какое-то... Нет, этого я не вынесу!» [51, с. 171—178].

Что следовало сделать Илье Николаевичу? Нам кажется, что он, как любой здравомыслящий человек, должен был уйти на заслуженный отдых (тем паче, что пенсия, полагающаяся действительно статскому советнику, обеспечила бы приличный материальный уровень дальнейшего существования и ему, и всем членам семьи). Однако Илья Николаевич, будучи трудоголиком, решил работать далее, что привело его к печальному концу. Все ясно, как божий день. Но Н. Григорьев, как и все советские историографы Ульяновых, высказал итоговое обязательное безапелляционное заключение: отца Ленина сгубили «циничные и бездушные» царские чиновники [5, с. 190]. Л. Данилкин, отвергая эту версию преждевременной смерти Ильи Николаевича, выдвигает еще одно простое, но убедительное предположение о причине его неожиданной кончины: «Строением черепа — это видно по фотографиям, и младшая сестра об этом пишет — Владимир Ильич весьма походил на отца; и не только черепа. Рост, конституция, большой лоб, «несколько монгольский разрез глаз», картавость, смешение холерического с сангвиническим темпераментов, «зара-

зительный, часто до слез» смех, предрасположенность к инсультам; оба умерли примерно от одной и той же болезни практически в одном возрасте» (с. 10).

С уважением и вместе с тем с долей юмора, немислимой для советского историка, Л. Данилкин говорит о том, что «Ульяновы образца середины 1880-х выглядят как семья из рекламы стирального порошка: лучащиеся счастьем родители шестерых детей — один другого краше, с карманами, набитыми золотыми медалями; свой коттедж, собака, добрая няня; отец, правда, много работает, но зато в генеральском чине, действительный статский советник; мать никуда не отлучается от детей; совместные вылазки в фотоателье и летние поездки в деревню позволяют семье чувствовать себя счастливой» (с. 30). Так продолжалось до 12 января 1886 года — дня кончины Ильи Николаевича, первой трагической даты в жизни Ульяновых. Но не последней.

Неожиданная смерть директора народных училищ, никогда серьезно не болевшего, поначалу квалифицировалась земляками как безвременная. Но через год с небольшим некоторым из них пришлось отказаться от такой оценки. И перемена позиции была вызвана арестом А. Ульянова за подготовку покушения на российского императора Александра III. Смерть Ильи Николаевича признал своевременной, как ни странно, его сын Владимир. Он как-то прямо сказал Н. К. Крупской: «Хорошо, что отец умер до ареста брата, если бы был жив отец, просто не знаю, что и было бы» [12, с. 35]. Трудно представить масштаб драматических переживаний И. Н. Ульянова, если бы он дожился до ужасного дня ареста старшего сына, вставшего на путь террора и жесточайшего насилия.

Советские историки, как и полагалось, пели дифирамбы А. Ульянову. Им нравилось в старшем брате В. И. Ленина все: и внешность, и душа, и характер, и взаимоотношения с окружающими. Расхожим в их исследованиях стало сравнение его жизни с ослепительной вспышкой сгоревшего метеора, которая осветила беспросветный мрак реакционного царствования Александра III. Разве только В. Сутырин дерзнул сказать в 1985 году, что некоторые мемуаристы буржуазного толка подчеркивали суровость и замкнутость Александра Ульянова (разумеется, и этот яркий исследователь, как и полагалось любому общественному деятелю в СССР, дал достойный отпор гнусным клеветникам, поднявшим руку на выдающегося революционера). Но, по-видимому, паршивые пасквилянты все-таки имели от-

носительные основания говорить хотя бы о мелких недостатках старшего сына Ильи Николаевича. Сошлемся, например, на воспоминания учительницы В. В. Кашкадамовой, увидевшие свет в 1989 году, когда в советской империи ослабла беспощадная цензура. Будучи близким другом едва ли не всех членов семьи Ульяновых, она в доброжелательной манере зафиксировала сцены общения отца со своими сыновьями: «За самоваром Илья Николаевич острил, шутил, много смеялся и совсем не говорил о деле... он больше всего любил пикироваться с Володей. Шутя, ругал гимназию, гимназическое преподавание, очень остро высмеивал преподавателей. Володя всегда очень удачно парировал отцовские удары и, в свою очередь, начинал издеваться над народной школой, иногда умея задеть отца за живое... Александр Ильич приходил к столу всегда с опозданием, и его долго приходилось звать сверху, где он жил и работал... Вообще Александр всегда казался замкнутым и холодным» [11, с. 271].

Так что накануне краха коммунистической диктатуры в СССР опубликовали мемуары, в которых содержался прозрачный намек на то, что все-таки Александр Ильич не был абсолютно безупречной личностью. Тем любопытнее прочитать абзацы книги Л. Данилкина, посвященные старшему брату Ленина. Увы, автор «Пантократора солнечных пылинок» в его оценке не проявил оригинальности мышления и уныло повторил азы советской историографии. Типичный фанатик-террорист рисуется им в романтично-сентиментальных аллилуйских красках: «Александр Ильич имел свойство вызывать к себе всеобщую искреннюю приязнь, и известие о том, что он собирался превратить первое лицо государства в грудку кровавых ошметков, и последовавшая затем жестокая казнь стали для герметично компактного Симбирска чем-то... непостижимым, трагическим и глубоко потрясшим общество событием. Семья Ульяновых, как водится, начала собирать, что называется, количество просмотров — но не комментарии негативного характера; Марии Александровне скорее сочувствовали. Единственным, кажется, кто отнесся к этому идеальному во всех отношениях юноше со злым скепсисом, был царь, на которого Александр Ильич готовил покушение» (с. 42).

В порыве вдохновения и упоительного преклонения перед созданным им иконописным образом Александра Ульянова Л. Данилкин даже отважился сопоставить нравственные качества сыновей Ильи Николаевича: «Вероятно, что Алек-

сандр Ильич и Владимир Ильич стали бы врагами, и Ленину пришлось бы «перемолоть» придающего слишком много значения вопросам морали Ульянова. В целом сравнения этих двоих обычно были не в пользу младшего брата; у некоторых Владимир Ильич будет вызывать ненависть и отвращение как раз по контрасту» (с. 43).

На наш взгляд, вопрос о том, кто из братьев Ульяновых — сюда можно присовокупить еще и младшего Дмитрия — лучше, не заслуживает внимания. Ответ на него прост: хрен редьки не слаще. Всем им был сладок и приятен террор, который определяется в словаре С. И. Ожегова как «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам» [17, с. 691]. Поэтому у Л. Данилкина нет никаких оснований для утверждения о том, что Александр Ульянов продемонстрировал черты «благородного» джентльмена (с. 42). Главную причину возведения на пьедестал террористов всех мастей (в том числе и русских революционеров) точнее всех обозначил А. Солженицын: «Идеология! — это она дает искомое оправдание злодейству и нужную долгую твердость злодею. Та общественная теория, которая помогает ему перед собой и перед другими обелять свои поступки и слышать не укоры, не проклятия, а хвалы и почет. Так инквизиторы укрепляли себя христианством, завоеватели — возвеличением родины, колонизаторы — цивилизацией, нацисты — расой, якобинцы и большевики — равенством, братством, счастьем будущих поколений» [19, с. 128].

Дабы как-то облагородить кровавый замысел А. Ульянова, Л. Данилкин унижает его главного антипода и политического противника. Не мудрствуя лукаво, он швыряет в Александра III тройку увесистых комков грязи. Во-первых, выдвигает простенький тезис: все окружающие любили старшего сына Ильи Николаевича, только злобный царь пылал ненавистью к герою-революционеру, борцу за народное счастье (возникает естественный вопрос о том, как же должен император отнестись к человеку, который четыре месяца готовил на него покушение). Во-вторых, Л. Данилкин с возмущением пишет, что «Александр III сам отклонил прошение Александра Ильича о помиловании» (с. 42). В. Сутырин рассказывает об этом эпизоде более достоверно: поскольку в обращении к царю не содержалось даже намека на раскаяние, то этот документ чиновники не передали адресату [20, с. 246]. В-третьих, Л. Данилкин явно искажает истину, утверждая, что симбиряне сохранили симпатии к семье Ульяновых и после за-

ключения Александра в тюрьму. Никаких фактов в пользу такого толкования событий пока еще никто не привел.

Мы считаем, что наиболее успешно прокомментировала последствия драмы 1 марта 1887 года Н. К. Крупская. «Весть об аресте Александра Ильича, — писала она в своих воспоминаниях, — получила в Симбирске учительница Кашкадамова... Передавать эту ужасную весть матери пришлось Владимиру. Он видел ее изменившееся лицо. Она собралась в тот же день в Питер. В то время железных дорог в Симбирске не было. Надо было ехать до Сызрани на лошадях, стоило это дорого, и обыкновенно ехавшие отыскивали себе попутчиков, но весть об аресте Александра уже разнеслась по Симбирску, и никто не хотел ехать с его матерью, которую перед тем все нахваливали как жену и вдову директора. От семьи Ульяновых отшатнулись все, кто раньше у них бывал, все либеральное «общество» [12, с. 34]. Так что правы были те историки, которые подчеркивали факт вынужденного стремительного бегства семьи Ульяновых из Симбирска после казни Александра Ильича, запечатлевшегося в глазах и сознании широкой публики в качестве государственного преступника и «цареубийцы». Например, Л. Кунецкая и К. Машкатова сделали акцент на том, что «дом Ульяновых окружил словно выжженное пространство» [13, с. 11], а Б. Яроцкий развил эту мысль, подкрепив ее аргументами, заслуживающими внимания: «Жизнь в Симбирске становилась невыносимой. После казни Александра реакционное чиновничество Симбирска отвернулось от Ульяновых. Многие знакомые, называвшие себя друзьями покойного Ильи Николаевича, начали относиться к его семье с подозрением... Ульяновых попрекали не только Александром, но и Анной, которая, как и старший брат, была арестована по делу покушения на царя» [32, с. 14].

Кажется, уж сколько было написано о светлой, замечательной, ну просто образцовой дружбе Александра и Владимира Ульяновых. Но даже в советскую эпоху вождь большевистской партии ни разу не вспомнил — ни устно, ни письменно — не только об отце, но и о старшем брате. Сей казус было поручено объяснить группе подручных правящей партии, т. е. мастерам политико-художественного слова. Писатель и историк Е. Яковлев растолковал эту странность поведения лидера РКП(б) следующим образом: «Еще Горький заметил, что Ленин умел молчать о тайных бурях своей души. Откройте 55-томное собрание сочинений В. И. Ле-

нина. Вы не найдете там ни слова о старшем брате — ни в одной статье, работе, ни в одном выступлении. Обвиняя царизм, не вспоминал вслух Александра Ильича, размышляя над стратегией и тактикой революционной борьбы, говоря, наконец, о мужестве революционера, никогда не приводил в пример брата. Слишком велика была эта боль, чтобы поминать о ней от случая к случаю. Слишком суров и обширен был счет революции, чтобы подкреплять его гибелью одного человека, хоть и брата, трагедий одной семьи, хоть и твоей» [31, с. 230].

Искусным адвокатом основателя первого в мире социалистического государства стал известный поэт Н. Доризо. В проникновенных строках своей лирико-идеологической поэмы «В России Ленин родился» он объяснил простым людям нашей страны, почему Владимир Ильич похоронил в устах (но не в сердце и памяти!) имя любимого старшего брата:

Да,
 Вождь высоких слов о брате
 С больших трибун не говорил.
 И ничего здесь нету странного,
 Что он молчал
 о горе том,
 Молчал
 о подвиге
 Ульянова,
 Как о себе
 Молчал о нем,
 Молчал,
 Переживал утрату...
 Но если Ленин жив сейчас,
 Его любовь к герою-брату
 Должна
 живую
 быть для нас!
 ...Два брата,
 Как два разных века,
 И все же нет родства родней! [7, с. 24—25].

Данилкин Л., как и советские историки, не замечает, что А. Ульянову не хватало доброты, элементарной отзывчивости. Сердце у него, как у всех фанатиков-революционеров, увы, не было золотым. Сентиментальностью явно не страдал. В отличие от своей сестры Анны, он не приезжал из Петербурга в Симбирск на рождественские каникулы. Не проявил Александр чуткости и в январские дни 1886 года, когда умер его отец. Конечно, он никак не мог прибыть ко дню похорон, но никто ему не мешал приехать несколькими днями позднее, чтобы разделить горе с матерью, братьями и сестрами. Однако Александр появился в Симбирске только в нача-

ле летних каникул, что вызвало пересуды и кривотолки земляков [18, с. 81].

Данилкин Л. в оценке А. Ульянова не продвинулся далее отечественных историков и краеведов. Это досадно. Но в целом автор рецензируемой книги продемонстрировал новизну мышления. Он категорически настроен против сложившегося в период существования СССР культа семьи Ульяновых. Лишний раз Л. Данилкин подтвердил это кратким отзывом о Ленинском мемориале.

Столь внушительное строение являлось предметом неподдельного восхищения всех советских исследователей. Как же! Его открыл 16 апреля 1970 года сам Л. И. Брежнев — Генеральный секретарь ЦК КПСС, удивительный человек, овеванный славой, награжденный немислимим количеством орденов и медалей. Под аккомпанемент одобрительных рукоплесканий он сказал в своем историческо-провидческом докладе: «Ленинский мемориал, воздвигнутый здесь, на месте рождения Владимира Ильича Ленина, достойно увековечивает его память. Это прекрасное сооружение — подлинное произведение искусства. Есть все основания от души поздравить архитекторов и строителей, скульпторов и художников с успешным завершением этого замечательного памятника нашему учителю и вождю» [16, с. 133].

Посещаемость Ленинского мемориала была просто колоссальной. Только в 1970—1979 гг. в нем побывало более семи миллионов человек. Что они видели и какие чувства испытывали? Об этом нам поведала в книге «Край Ильича» А. И. Томуль. В ее рассказе наиболее любопытна та часть, которая посвящена музею В. И. Ленина, занимающему южную часть грандиозного здания Мемориала: «Его экспозиционный зал наряден и торжественно строг. Интересно и выразительно выполнено документально-художественное оформление помещения. Первое, с чем встречается посетитель, войдя в музей, это диорама старого Симбирска... На стенах зала — скульптурные рельефы. Монументальное панно из разноцветной смальты посвящено теме освобождения Симбирска от белогвардейцев частями прославленной Железной Дивизии.

В экспозиции представлены оригинальные скульптурные произведения: «Братья» (Александр и Владимир Ульяновы), «Бульжник — оружие пролетариата», «Движущие силы революции», «В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский»...

Документальная экспозиция филиала насчитывает более четырех тысяч экспонатов, расска-

зывающих о жизни и неутомимой, напряженной деятельности В. И. Ленина, его подвиге во имя блага нашей страны и всех народов мира.

Глубокий след в памяти посетителей оставляют материалы, свидетельствующие о непримиримой борьбе Ленина с народниками, меньшевиками, эсерами, всякого рода оппортунистами в международном рабочем движении. Неизгладимое впечатление производят фотографии, запечатлевшие Владимира Ильича на съездах партии, Советов, конгрессах Коминтерна.

Венцом экспозиции является Ленинский торжественный зал. Его стены оформлены мозаикой. В центре зала высится беломраморное изваяние вождя. Образ Ильича прост, человечен. Мудрый взгляд Ленина обращен к людям, которые приходят сюда со светлой памятью о величайшем сыне человечества.

Посещение Ленинского мемориала, знакомство с его экспозицией оставляют у людей чувство восхищения, радости и гордости за свою страну, за наш народ, давший миру бессмертный гений Ленина» [22, с. 38—39].

...После открытия Ленинского мемориала прошло чуть менее пяти десятков лет. Ныне громадное здание, некогда заполнявшее шумными, радостными, разноязыкими толпами экскурсантов, поражает печальной тишиной и непривычным малолюдьем. Года три-четыре тому назад этот феномен — диво советского архитектурного мастерства внимательно осмотрел Л. Данилкин. Разочарованию его не было предела. Вот что он записал в свой блокнот по горячим следам знакомства с этим популярным монументальным сооружением социалистической эпохи: «Ключевую позицию в городе занимает здание, которое расположено на высоком правом берегу; именно на него возложена функция представлять Симбирск советским Вифлеемом на Волге — Иордане — и не похоже, что в ближайшее время найдется стихия, которая окажется в состоянии уничтожить эту твердыню. Ленинский мемориал, ради которого снесли «надволжскую» улицу Стрелецкую, где родился Владимир Ильич, представляет собой плод запретной любви Чаушеску и Фидия: на выставленной скользкими мраморными плитами площадке приподнят на колоннах-сваях сплюснутый сверху и снизу бетонно-мраморный куб

с квадратными навершиями. Вдвое-втрое больше храма Зевса в Олимпии, мемориал должен внушать величие и трепет, как городская доминанта. Многие уродливые здания со временем приобретают статус «иконических», но у мемориала, эрзац-купола которого выглядят особенно безобразно, едва ли есть шансы попасть в их разряд, даже если все остальные постройки на планете будут разрушены атомной бомбардировкой; да и в качестве памятника позднесоветскому маразму и творческому бесплодию он слишком компромиссный и эклектично-обыденный; так может выглядеть и АЭС, и Дом пионеров, и НИИ, и Дворец Съездов правящей партии, и увеличенная заправочная станция» (с. 20).

В итоге Л. Данилкин назвал внешние архитектурные контуры «величественного» здания «безобразными». Но с еще большим презрением он отозвался о его «утробе»: «Внутри мемориала неуютно, как в крематории: помимо дежурной диорамы Стрелецкой улицы, здесь покоится электрифицированная карта «Триумфальное шествие советской власти», созданная из кусочков того же рубинового стекла, что и звезды кремлевских башен. Пустой «Торжественный зал» с геометрическим мозаичным узором из цветной смальты укомплектован, впрочем, огромной статуей из уральского мрамора: высота этой церкви-в-церкви — 17 метров — «по замыслу архитекторов символизирует величие революции 1917 года»; а белизна кумира — надо полагать, непогрешимость того, кому следует возносить здесь молитвы» (с. 21).

Итак, глава «Симбирск. 1870—1887» в книге «Ленин. Пантократор солнечных пылинок» стала значительным шагом в изучении роли семьи Ульяновых в процессе зарождения коммунистической диктатуры в России. И хотя Л. Данилкин не дал нам ответа на вопрос, как же это такая милая симпатичная родительская чета (Илья Николаевич + Мария Александровна) сумела взрастить пятерых беспощадных террористов (Александра, Владимира, Анну, Дмитрия, Марию), мы должны быть благодарны ему: он впервые в отечественной историографии стряхнул тоталитарные сталинские оковы с освещения столь трудной и важной темы.

(Продолжение следует)

Литература

1. Баранов И. Я. Семья Ульяновых. Юность Ленина / И. Я. Баранов, М. И. Никитин // Родной город Ильича. — Ульяновск, 1972.
2. Беспалова Е. К. Прогулки по Московской / Е. К. Беспалова, И. Е. Сивопляс. — Ульяновск, 2017.
3. Вечтомова Е. Повесть о матери / Е. Вечтомова. — М., 1978.
4. Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет / Д. Волкогонов. — Кн. 1. — М., 1994.
5. Григорьев Н. Отец / Н. Григорьев. — М., 1969.
6. Данилов В. Д. История Чувашии / В. Д. Данилов, Б. И. Павлов. — Чебоксары, 2003.
7. Доризо Н. Избранное / Н. Доризо. — Т. 2. Поэмы. — М., 1976.
8. Жизнь В. И. Ленина: вопросы и ответы. — Ульяновск, 1995.
9. Карамышев А. Л. Ульянов — выдающийся русский педагог и просветитель / А. Л. Карамышев // Известен всей России. — Саратов, 1974.
10. Карамышев А. Л. От редактора / А. Л. Карамышев // И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. — М., 1989.
11. Кашкадамова В. В. Семейство В. И. Ульянова-Ленина в Симбирске / В. В. Кашкадамова // Ульянов И. Н. в воспоминаниях современников. — М., 1989.
12. Крупская Н. К. О Ленине : сб. статей и выступлений / Н. К. Крупская. — М., 1971.
13. Кунецкая Л. Мария Ульянова / Л. Кунецкая, К. Маштакова. — М., 1979.
14. Ленин Владимир Ильич. Краткая биография. — М., 1955.
15. Молева А. Н. Воспитание в труде. Учение / А. Н. Молева // Семья Ульяновых. — 1969.
16. Наш край (1941—1975 гг.). Документы и материалы. — Ульяновск, 1975.
17. Ожегов А. И. Словарь русского языка / А. И. Ожегов. — М., 1986.
18. Осипов В. Река рождается ручьями / В. Осипов. — М., 1971.
19. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений / А. И. Солженицын. — Т. 5. — М., 1991.
20. Сутырин В. Александр Ульянов / В. Сутырин // Семья Ульяновых. — М., 1985.
21. Томуль А. И. Сердечная привязанность, тесная дружба / А. И. Томуль // Семья Ульяновых. — Ульяновск, 1969.
22. Томуль А. И. Ленинские места Ульяновска / А. И. Томуль // Край Ильича. — Саратов, 1985.
23. Точеный Д. С. Скелет в шкафу Ульяновых / Д. С. Точеный, Н. Г. Точеная // История в подробностях. — М., 2017. — № 3. — Май-июнь.
24. Трофимов Ж. Великое начало / Ж. Трофимов. — М., 1990.
25. Трофимов Ж. Старший брат Ильича / Ж. Трофимов. — М., 1988.
26. Трофимов Ж. Мария Александровна Ульянова / Ж. Трофимов. — Ульяновск, 1996.
27. Трофимов Ж. Илья Николаевич Ульянов / Ж. Трофимов, Ж. Миндубаев. — М., 1990.
28. Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи / Д. И. Ульянов. — М., 1984.
29. Чинарова О. А. Приезд в Симбирск / О. А. Чинарова // Историческое краеведение. — Ульяновск, 2000.
30. Экштут С. Почему наука боится Ленина? / С. Экштут // Родина. — М., 2016. — № 11.
31. Яковлев Е. Жизни первая треть / Е. Яковлев. — М., 1985.
32. Яроцкий Б. Дмитрий Ульянов / Б. Яроцкий. — М., 1989.

TRAGEDY OF ULYANOV FAMILY**REVIEW****The book of L. Danilkin****"LENIN. PANTOCRATOR OF SUN DUST"**

(M.: Publishing house "Young Guard", 2017. 783 p.)

D. S. Tocheniy

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

Tmichael1977@rambler.ru

N. G. Tochenaya

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

Tmichael1977@rambler.ru

References

1. Baranov I. Y., Nikitin M. I. (1972) Semja Ulyanovyh, Yunost Lenina [Family Ulyanov, Lenin's Youth]. Hometown of Ilyich. Ulyanovsk.
2. Bespalova E. K., Sivoplyas I. E. (1972) Progulki po Moskovskoj [Walking in Moscow]. Ulyanovsk.
3. Vechtomova E. (1978) Povest o materi [The story of a mother]. Moscow.
4. Volkogonov D. (1994) Lenin. Politicheskij portret [Political portrait]. Moscow.
5. Grigorjev N. (1969) Otets [Father]. Moscow.
6. Danilov V. D., Pavlov B. I. Istoriya Chuvashii. (2003) [The History Of The Chuvash Republic]. Cheboksary.
7. Dorizo N. (1976) Izbrannoe [Favourites]. Moscow.
8. Zhizn V. I. Lenina: voprosy i otvety (1995) [Lenin's life: questions and answers]. Moscow.
9. Karamyshev A. L. (1974) Ulyanov — vydayushchij russkij pedagog i prosvetitel [Ulyanov is an outstanding Russian teacher and educator]. Saratov.
10. Karamyshev A. L. (1989) Ot redaktora. I. N. Ulyanov o vospominaniyah sovremennikov [Editor's note. I. N. Ulyanov about contemporaries' memories]. Moscow.
11. Kashkadamova V. V. (1989) Semejstvo V. I. Ulyanova-Lenina v Simbirske [The family of V. I. Ulyanov-Lenin in Simbirsk]. Moscow.
12. Krupskaya N. K. (1971) O Lenine. Sbornik statej i vystuplenij [About Lenin. Collection of articles and speeches]. Moscow.
13. Kuneckaya L., Mashtakova K. (1979) Mariya Ulyanova [Maria Ulyanova]. Moscow.
14. Lenin Vladimir Ilich. Kratkaya biografiya (1955) [Lenin, Vladimir Ilyich. Short biography]. Moscow.
15. Moleva A. N. (1969) Vospitanie v trude. Uchenie [Education in work. Learning]. Ulyanov family.
16. Nash kraj (1941—1975 gg.) Dokumenty i materialy (1975) [Our region (1941—1975). Documents and materials]. Ulyanovsk.
17. Ozhegov A. I. (1986) Slovar russkogo yazyka [Russian Dictionary]. Moscow.
18. Osipov V. (1971) Reka rozhdaetsya ruchyami [River begins with streams]. Moscow.
19. Solzhenitsyn A. I. (1991) Maloe sobranie sochinenij [A small collection of writings]. Moscow, Vol. 5.
20. Sutyryn V. (1985) Aleksandr Ulyanov. Semya Ulyanovyh [Alexander Ulyanov. Ulyanov Family]. Moscow.
21. Tomul A. I. (1969) Serdechnaya privyazannost, tesnaya družba [Heartfelt devotion, close friendship]. Ulyanovsk.
22. Tomul A. I. (1985) Leninskie mesta Ulyanovska [Lenin places in Ulyanovsk]. Saratov.
23. Tochiony D. S., Tochiony N. G. (2017) Skelet v shkafu Ulyanovyh [Skeleton in the Ulyanovs' closet]. Istoriya o podrobnostyah. Moscow, (3), May-June.
24. Trofimov Zh. (1990) Velikoe nachalo [The Great Beginning]. Moscow.
25. Trofimov Zh. (1988) Starshij brat Ilicha [Elder brother of Ilyich]. Moscow.
26. Trofimov Zh. (1996) Mariya Aleksandrovna Ulyanova [Maria Ulyanova]. Moscow.
27. Trofimov Zh., Mindubaev Zh. (1990) Ilya Nikolaevich Ulyanov [Ilya Nikolaevich Ulyanov]. Moscow.
28. Ulyanov D. I. (1984) Ocherki raznyh let. Vospominaniya. Peregiska. Stati [Sketches of different years. Memories. Correspondence. Articles]. Moscow.
29. Chinarova O. A. (2000) Priezd v Simbirsk [Arrival in Simbirsk]. Ulyanovsk.
30. Ehkshtut S. (2016) Pochemu nauka boitsya Lenina? [Why is science afraid of Lenin?]. Rodina. Moscow, (11).
31. Yakovlev E. (1985) Zhizni pervaya tret [First third of life]. Moscow.
32. Yarockij B. (1989) Dmitrij Ulyanov [Dimitry Ulyanov]. Moscow.

НАШИ АВТОРЫ

Ахтимирова Елена Анатольевна — сотрудник; Школа-интернат № 89 г. Ульяновска; alenaakhtimirova@yandex.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Гемранова Анастасия Дмитриевна — аспирант; Ульяновский государственный университет; shabrova94@gmail.com; тел. 8(8422)37-63-16.

Гнивковская Анна Игоревна — магистрант по направлению «Психология»; Ульяновский государственный университет; rosstroy.anna@gmail.com; тел. 8-937-881-24-90.

Костыряченко Юлия Александровна — студентка, 1 курс магистратуры; Московский государственный психолого-педагогический университет; yakost181@mail.ru; тел. 8-985-221-40-51.

Курюшина Дарья Евгеньевна — студентка, 2 курс; Ульяновский государственный университет; kurushina.darya@bk.ru; тел. 8-937-277-42-72.

Мартыненко Алла Валентиновна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии; Ульяновский государственный университет; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Митин Сергей Николаевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-803-19-64.

Митина Ирина Дмитриевна — доктор педагогических наук, профессор; Ульяновский государственный университет; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Митина Татьяна Сергеевна — кандидат педагогических наук; Ульяновский государственный университет; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Михайлова Ирина Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; mira-m@rambler.ru; тел. 8-902-120-66-78.

Нягукова Татьяна Олеговна — студентка, 1 курс магистратуры направления подготовки «Психология»; Ульяновский государственный университет; mint_snow@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Романова Анна Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита; Ульяновский государственный университет; a_romanova@bk.ru; тел. 8-927-271-07-08.

Akhtimirova Elena Anatolyevna — member of staff; Boarding school № 89 of Ulyanovsk; alenaakhtimirova@yandex.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Gemranova Anastasia Dmitrievna — postgraduate; Ulyanovsk State University; shabrova94@gmail.com; tel. 8(8422)37-63-16.

Gnivkovskaya Anna Igorevna — master's student, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; rosstroy.anna@gmail.com; tel. 8-937-881-24-90.

Kostyryachenko Yulia Aleksandrovna — master's student; Moscow State University of Psychology and Education; yakost181@mail.ru; tel. 8-985-221-40-51.

Kurushina Darja Evgenjevna — student; Ulyanovsk State University; kurushina.darya@bk.ru; тел. 8-937-277-42-72.

Martynenko Alla Valentinovna — Candidate of Culturology, associate professor; Chair of Culturology; Ulyanovsk State University; avalmart@list.ru; тел. 8-908-470-74-76.

Mitin Sergey Nikolaevich — Doctor of Education, Professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-803-19-64.

Mitina Irina Dmitrievna — Doctor of Education, Professor; Ulyanovsk State University; snm7151@gmail.com; тел. 8-927-809-7-809.

Mitina Tatyana Sergeevna — Candidate of Education; Ulyanovsk State University; cherrity07@mail.ru; тел. 8-927-809-83-49.

Mikhailova Irina Viktorovna — Candidate of Psychology, associate professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; mira-m@rambler.ru; тел. 8-902-120-66-78.

Nyagukova Tatyana Olegovna — master's student, specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; тел. 8(8422)37-24-72.

Romanova Anna Valeryevna — Candidate of Economics; associate professor; Chair of Finance and Credit; Ulyanovsk State University; a_romanova@bk.ru; тел. 8-927-271-07-08.

Савинова Людмила Геннадьевна — ведущий консультант; Управление по общественным проектам Администрации Губернатора Ульяновской области; milianto@mail.ru; тел. 8-917-617-85-37.

Салахова Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики; Ульяновский государственный университет; старший научный сотрудник; ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей» (г. Москва); Valentina_nauka@mail.ru; тел. 8-985-221-40-51.

Сафин Артур Рустамович — магистр права; Казанский (Приволжский) федеральный университет; gms73@inbox.ru; тел. 8(927)483-33-40.

Сафронова Анна Александровна — сотрудник; Школа-интернат № 89 г. Ульяновска; Saf.anna2014@ya.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Седова Анастасия Олеговна — студентка, 1 курс магистратуры направления подготовки «Психология»; Ульяновский государственный университет; ananasik-aos@mail.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Точеная Наталья Григорьевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-80-79-665.

Точеный Дмитрий Степанович — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Отечества; Ульяновский государственный университет; tmichaell977@rambler.ru; тел. 8-927-630-33-53.

Хабибуллин Ильнур Исхакович — аспирант; Московский политехнический университет; ilnur08ru@mail.ru; тел. 8-985-221-40-51.

Шабалкина Елена Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии; Ульяновский государственный университет; shabalkina@inbox.ru; тел. 8(8422)37-24-72.

Savinova Lyudmila Gennadyevna — Lead Advisor; Social Projects Department; Governor Administration of the Ulyanovsk Region; milianto@mail.ru; tel. 8-917-617-85-37.

Salakhova Valentina Borisovna — Candidate of Psychology, senior professor; Chair of Psychology and Pedagogics; Ulyanovsk State University; senior research associate, "Children Safeguarding Centre" (Moscow); Valentina_nauka@mail.ru; tel. 8-985-221-40-51.

Safin Artur Rustamovich — Master of Laws; Kazan Federal University; gms73@inbox.ru; tel. 8(927)483-33-40.

Safronova Anna Aleksandrovna — member of staff; Boarding school № 89 of Ulyanovsk; Saf.anna2014@ya.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Sedova Anastasia Olegovna — master's student; specialty "Psychology"; Ulyanovsk State University; ananasik-aos@mail.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

Tochenaya Natalia Grigorievna — Candidate of History, associate professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-80-79-665.

Tocheniy Dmitriy Stepanovich — Doctor of History, Professor; Chair of History; Ulyanovsk State University; tmichaell977@rambler.ru; tel. 8-927-630-33-53.

Khabibullin Ilnur Iskhakovich — post-graduate; Moscow Polytechnic University; ilnur08ru@mail.ru; tel. 8-985-221-40-51.

Shabalkina Elena Evgenyevna — Candidate of Philosophy, associate professor; Chair of Philosophy, Sociology and Political Sciences; Ulyanovsk State University; shabalkina@inbox.ru; tel. 8(8422)37-24-72.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ОФОРМЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ АВТОРАМИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«СИМБИРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК»**

К печати принимаются материалы, отвечающие профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других отраслевых изданиях.

Объем статьи (включая сноски, таблицы, рисунки) не должен превышать **25 000 знаков** (с пробелами). Статья должна быть набрана **в формате Microsoft Word, 12 кеглем, 1,5 интервалом; стиль Times New Roman. Поля:** верхнее, нижнее, левое — **2 см**, правое — **1 см**. Выделения в тексте возможны только полужирным шрифтом и(или) курсивом. Иные стили шрифта и выделения не допускаются.

В начале каждой статьи указываются **данные об авторе (авторах):**

- Ф.И.О. (полностью);
- ученая степень или звание (если есть);
- должность и место работы (без сокращений, с указанием города, страны);
- контактная информация (телефон, e-mail каждого автора, почтовый адрес).

Далее следует:

- название статьи;
- инициалы и фамилия автора (авторов), ученая степень, должность, место работы, город, страна, e-mail (который будет указан в публикации);
- аннотация (150—200 слов (без предлогов и союзов));
- ключевые слова (5—7 слов);
- ТЕКСТ СТАТЬИ;
- список литературы (не менее 10 и не более 20 наименований), выстроенный в алфавитном порядке, где вначале приводятся источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных языках.

После этого приводится **на английском языке:**

- название статьи;
- имя, первая буква отчества и фамилия автора (авторов);
- место работы (с указанием города, страны);

- Abstract — аннотация;
- Key words — список ключевых слов;
- References — список литературы.

При необходимости указать, в рамках какого гранта (проекта и т. д.) подготовлена статья. Эту информацию следует размещать ниже, под названием статьи. Также она размещается и в англоязычной части — в конце статьи.

Цитирование в статье должно сопровождаться ссылками **в квадратных скобках** на источники из списка литературы в конце статьи. **В постраничных сносках** просьба указывать только необходимую уточняющую информацию.

Если приводятся **таблицы, схемы, рисунки**, они должны быть пронумерованы и подписаны, а в тексте обязательны ссылки на них.

Все диаграммы, схемы, графики и другой иллюстративный материал должны быть представлены **в черно-белом варианте**.

Статьи в журнале сопровождаются **фотографией автора (авторов):** крупным планом, в формате jpg или png, с разрешением не менее 300 dpi, которая отправляется отдельным файлом (не более 2 Мб).

Название файла со статьей должно содержать фамилию автора (либо фамилии соавторов через запятую) в именительном падеже и первые два-три слова из названия статьи.

Файл с фотографией должен быть назван по фамилии автора в именительном падеже.

Статьи авторов, не имеющих научную степень, сопровождаются рецензией доктора/кандидата наук в соответствующей области знания.

Материалы принимаются на электронный адрес журнала:

SNV@mail.ru, Valentina_nauka@mail.ru.

По вопросам участия в издании журнала и его приобретения обращаться:

контактный телефон: 8(985)555-96-99.